

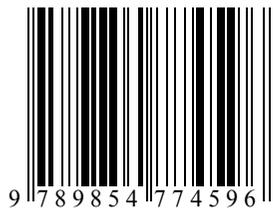

ЯЗЫК И ДИСКУРС:

СЕМАНТИЧЕСКИЙ,
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ

Сборник научных трудов

ISBN 978-985-477-459-6

преподавателей факультета иностранных языков

Мозырь
2011

МГПУ им. И.П.Шамякина

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«МОЗЫРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени И. П. ШАМЯКИНА»

ЯЗЫК И ДИСКУРС :

СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Сборник научных трудов
преподавателей факультета иностранных языков

УДК 81'22
ББК 81Я43(082)
Я41

Редакционная коллегия:

Т. Н. Талецкая (ответственный редактор),
Е. В. Архипова,
М. С. Качур.

Рецензенты:

доктор филологических наук,
профессор кафедры лексикологии английского языка
УО «МГЛУ»
А. П. Клименко;
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой романских языков
УО «ГрГУ им. Я. Купалы»
В. С. Истомин.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
учреждения образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

Язык и дискурс: семантический, прагматический
и лингводидактический аспекты : сб. науч. тр. преподавателей
Я41 фак. иностр. яз. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.:
Т. Н. Талецкая (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2011. – 203 с.
ISBN 978-985-477-459-6.

В сборнике научных трудов, состоящем из трёх разделов, освещаются актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики.

В I разделе рассматриваются вопросы семантики, анализируются номинативные и инновационные процессы, происходящие в языковых структурах славянских и западноевропейских языков. II раздел посвящён исследованию речевых актов и моделей речевого поведения в дискурсе. В статьях III раздела выявляются пути повышения качества языкового образования на современном этапе.

Сборник научных трудов предназначен для лингвистов, преподавателей, аспирантов и студентов старших курсов гуманитарных специальностей.

Статьи приводятся в авторской редакции.

УДК 81'22
ББК 81Я43(082)

ISBN 978-985-477-459-6

© Коллектив авторов, 2011
© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2011

Научное издание

**ЯЗЫК И ДИСКУРС:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

**Сборник научных трудов
преподавателей факультета иностранных языков**

Ответственный за выпуск С. С. Борисова
Технический редактор Н. В. Ропот
Корректоры: Л. Н. Боженко, М. М. Макаревич, Е. М. Мельченко
Оригинал-макет Е. Л. Щека

Подписано в печать 14.09.2011. Формат 60 x 90 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman, RomanusCps.
Ризография. Усл. печ. л. 25,375.
Тираж 100 экз. (I-й з-д – 1–38 экз.). Заказ 37.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»
ЛИ № 02330/0549479 от 14 мая 2009 г.
247760, Мозырь, Гомельская обл., ул. Студенческая, 28
Тел. (0236) 32-46-29

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
РАЗДЕЛ I ЯЗЫК И ДИСКУРС : СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
<i>Грыб Ж. У.</i>	
З’ява народнай этымалогіі ў сістэмна-функцыянальным аспекце (на прыкладзе лексікі народнага календара)	7
<i>Дуброва А. В.</i>	
Voseo: история и особенности реализации в современном испанском языке.....	15
<i>Качур М. С.</i>	
Этнокультурные особенности фразеологических единиц с компонентом цвета (на материале английского, немецкого, русского и белорусского языков).....	27
<i>Качур М. С., Борисовец П. С.</i>	
Фразеологическое значение в аспекте семиологической интерпретации	39
<i>Кавалёва А. В.</i>	
Дэнамінацыя беларускіх айконімаў XX стагоддзя.....	49
<i>Ковалевич И. О.</i>	
Окказиональные отсубстантивные глаголы в детском словотворчестве	56
<i>Пузан Л. В., Рудая Е. Н.</i>	
Универбация в словообразовании современного немецкого языка.....	65
<i>Сергей В. Н.</i>	
Коммуникативные потенции подлежащего в структури- ровании французского предложения	77
<i>Старовойт М. Г.</i>	

Структурные особенности поля неопределенно
большого количества в белорусском, русском
и английском языках.....87

МГПУ им. И.П.Шамякина

РАЗДЕЛ II ЯЗЫК И ДИСКУРС : ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Айзатулина С. И., Талецкая Т. Н.

Семантика и прагматика речевых актов умолчания 95

Архипова Е. В.

Речевой акт согласия/несогласия как объект
лингвистических исследований..... 109

Ермакова О. М.

Особенности выражения менасива в английском языке..... 118

Конончук Т. А.

Вопросительное высказывание как одно из средств
выражения оценки..... 126

Кравченко Ю. И.

Русскоязычный политический PR в аспекте стратегий
и тактик речевого поведения 135

Мацвеевка I. М.

Функциональный аспект выучення неалагізмаў 143

Талецкая Т. Н., Сергей О. В.

Мораль и пародия в пословичных и антипословичных
речевых актах 151

Шуцяк М. В.

Асаблівасці функцыянавання запазычаных германізмаў
у творах беларускай мастацкай літаратуры 159

РАЗДЕЛ III ЯЗЫК И ДИСКУРС :

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Гриб Ж. В.

Лингводидактическое значение межъязыковых соответствий 170

Плыткевич П. В.

Литературная интерпретация текста 178

Гуцко И. Н.

Инновационные педагогические технологии в высшей школе..... 186

Федорасова Е. В.

Модульная технология и её роль в повышении качества
языкового образования 195

МГПУ им. И.П.Шамякина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научные статьи, вошедшие в предлагаемый читателю сборник, отражают результаты исследований профессорско-преподавательского состава факультета иностранных языков УО МГПУ им. И. П. Шамякина за 2006–2010 гг. в рамках научно-исследовательской темы «Типология и функционирование языковых единиц: когнитивный, коммуникативный, прагматический аспекты». Статьи посвящены исследованию внутренней структуры языка, а также влиянию на неё того коммуникативно-прагматического пространства, в котором функционирует и развивается языковая система. Одни авторы осуществляют критический обзор существующих подходов в исследовании языковых фактов, другие освещают стабильность и изменчивость языковых подсистем на отобранном практическом материале. Проблематика объединенных в сборнике статей достаточно обширна и посвящена вопросам семантики, прагматики, лингводидактики.

В разделе I «Язык и дискурс: семантический аспект» представлены исследования в области номинативных процессов в языке и речи. Проблематика статей этого раздела следующая: анализ этимологии лексики белорусского народного календаря (Ж. В. Гриб), систематизация местоименных форм обращения в испанском языке (А. В. Дуброва), изучение семиологической сущности фразеологического значения, этнокультурных особенностей фразеологических единиц с компонентом цвета на материале английского, немецкого, русского и белорусского языков (М. С. Качур), особенности белорусской ойконимии XX века (А. В. Ковалёва), модели образования окказиональных глаголов в детском словотворчестве (И. О. Ковалевич), виды семантической компрессии немецких синтаксических конструкций в субстантивные универбы (Л. В. Пузан, Е. Н. Рудая), роль подлежащего в структурировании французского

предложения (В. Н. Сергей), языковые средства выражения неопределенно большого количества (М. Г. Старовойт).

В статьях раздела II «Язык и дискурс: прагматический аспект» авторами исследуются различные типы дискурса и вариативность в них речевого поведения коммуникантов. Объектом исследований стали следующие вопросы: реализация номинативной функции в речевых актах умолчания (С. И. Айзатулина, Т. Н. Талецкая), прагмакоммуникативные характеристики речевых актов согласия/несогласия в общей системе речевых актов (Е. В. Архипова), особенности эксплицитного и имплицитного выражения компонентов логико-семантической структуры речевого акта угрозы (О. М. Ермакова), особенности выражения оттенков положительной и отрицательной оценки в вопросительном высказывании (Т. А. Конончук), феномен политического PR в аспекте стратегий и тактик речевого поведения (Ю. И. Кравченко), функциональный аспект исследования неологизмов (И. М. Матвеев), прагматический потенциал пословичных и антипословичных речевых актов (Т. Н. Талецкая, О. В. Сергей), особенности функционирования заимствованных германизмов в произведениях белорусской художественной литературы (М. В. Шутяк).

Раздел III посвящен прикладным проблемам, связанным с внедрением результатов научных исследований в учебный дискурс: роль межъязыковых соответствий в преподавании иностранных языков (Ж. В. Гриб), методическая последовательность интерпретации текста новеллы и краткой истории (П. В. Плыткевич), значимость формируемой в нашей стране национальной инновационной системы образования (И. Н. Гуцко), проблематика методического обеспечения технологии модульного обучения на нефилологических факультетах (Е. В. Федорасова).

Научная и практическая значимость статей, содержащихся в сборнике, позволит расширить представления о языковых знаках в области лексикологии, теоретической грамматики, лингвистической прагматики, стилистики текста, методики преподавания иностранных языков на профессиональном этапе обучения.

Язык и дискурс:
семантический, прагматический и лингводидактический
аспекты

Ответственный редактор
Т. Н. Талецкая

МГПУ им. И.П.Шамякина

РАЗДЕЛ I

ЯЗЫК И ДИСКУРС: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ж. У. Грыб

З'ЯВА НАРОДНОЙ ЭТЫМАЛОГИИ Ў СИСТЭМНА-ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ АСПЕКТЕ (на прыкладзе лексікі народнага календара)

Народная этымалогія як моўны феномен ўжо шмат гадоў прыцягвае да сябе ўвагу лінгвістаў. Пад народнай этымалогіяй разумеюць шэраг разнастайных з'яў ад фанетычных змен да параніміі. Межы з'явы гэтага працэсу і па сённяшні дзень застаюцца не вывучанымі да канца, таму што існуе шмат пазамоўных і лінгвістычных фактараў, якія абумоўліваюць народна-этымалагічны працэс.

Народная этымалогія – гэта такая пераапрацоўка фонамарфалагічнай структуры слова, якая збліжае яго з больш звыклым словам не толькі на фанетычным ўзроўні, а і па значэнні, і дазваляе па-свойму асэнсаваць яго. Фармальныя збліжэнні значэнняў слоў з'яўляюцца адным са спосабаў іх фанетычнай адаптацыі. Калі ўнутраная форма незразумелая, то моўны суб'ект імкнецца яе па-свойму асэнсаваць і зрабіць больш зразумелай. Пры гэтым можа адбывацца ўплыў розных тыпаў матывацыі на змены і развіццё семантыкі слоў. Сістэмна-функцыянальны падыход дазваляе разгледзець пытанні адпаведнасці народна-этымалагічных змен агульнамоўным заканамернасцям матывацыі і намінацыі.

Народная этымалогія доўгі час разглядалася як анамальная з'ява ў мове. Скажэнне гучання слоў, а таксама іх памылковае тлумачэнне, заснаванае на народнай этымалогіі, парушэнні норм агульнапрынятага (літаратурнага і дыялектычнага) ужывання лексічных адзінак

негатывуна адбіваліся на адносінах лінгвістаў да гэтай з’явы. Тое ж датычыцца і вывучэння лексікі народнага календара. Замест тэрміна «народная этымалогія» некаторыя даследчыкі аддаюць перавагу словазлучэнням «памылковая этымалогія» або «наіўная этымалогія». Услед за Ю. В. Адкупшчыкавым мы лічым, што гэтыя тэрміны не адпавядаюць поўнасцю з’яве народнай этымалогіі. Калі народная этымалогія можа быць памылковай, то не ўсякая памылковая этымалогія можа быць народнай [1, 316].

Свае этымалагічныя пошукі людзі пачынаюць яшчэ ў раннім дзяцінстве. Слова *хтойціна дзяўчынка* замест *чыя*, *мазелін* замест *вазелін* з’яўляюцца спробай асэнсаваць кожнае незразумелае слова. Мастацкае даследаванне разумовага і псіхічнага жыцця дзіцяці, яго маўленчае развіццё было праведзена К. І. Чукоўскім у кнізе «От двух до пяти» [2]. Мала знаёмыя і незразумелыя словы некалькі скажаюцца дзецьмі і «падганяюцца» пад ужо вядомыя. Размова ў дадзеным выпадку ідзе аб дзіцячай этымалогіі, якая прымыкае да народнай этымалогіі, якая цікавіць нас.

Ёсць думка, што з павышэннем узросту адукаванасці знікне і сама з’ява народнай этымалогіі. Р. А. Будагоў лічыць, што выпадкі народнай этымалогіі знаходзяцца ў залежнасці ад агульнай культуры народа. На яго думку, чым шырэй цяжкія словы і тэрміны распаўсюджваюцца разам з кнігай, лекцыяй, тэатрам, радыё, тэлебачаннем (не толькі сярод гарадскога, але і сярод сельскага насельніцтва), тым больш самі гэтыя словы і тэрміны робяцца зразумелымі ўсяму грамадству, тым менш яны падвяргаюцца пераасэнсаванню па прынцыпу народнай этымалогіі [3, 80]. Можна толькі часткова пагадзіцца з гэтым пунктам гледжання. Мы лічым, што народная этымалогія, безумоўна, з’яўляецца крыніцай развіцця і ўзбагачэння нацыянальнай мовы, і таму яна вартая ўвагі.

Найчасцейшая сфера распаўсюджвання народнай этымалогіі – дыялекты і гутарковая мова, сельскагаспадарчыя, народныя календары. Народная этымалогія – гэта спробы пераасэнсавання ў народнай мове незразумелых слоў з пункту гледжання зразумелых слоў роднай мовы, ці, іншымі словамі, збліжэнне незразумелага слова і зразумелага. Магчымасць народна-этымалагічных збліжэнняў закладзена ў самой

моўнай пабудове. З аднаго боку, можна выявіць імкненне да парушэння аджыўшых форм, з другога – аднаўленне парушаных форм. На слова ў працэсе развіцця ўплываюць дзве прама процілеглыя тэндэнцыі: *тэндэнцыя да матываванасці*, замацавання ў знешнім выглядзе лексічнай адзінкі сувязі з утваральнай асновай, што дазваляе асэнсаваць матывацыю наймення, і *тэндэнцыя да дэтымалагізацыі*, страты словам першапачатковай унутранай формы.

Такім чынам, народная этымалогія – гэта вынік аднаўлення пашкоджанай раўнавагі паміж знешняй і ўнутранай формамі слова.

Ва ўнутранай форме слова першапачатковае яго значэнне звычайна як бы выцякае з самой структуры слова. Калі ўнутраная форма слова здаецца незразумелай, часта моўныя суб'екты імкнуцца па-свойму асэнсаваць яе, зрабіць больш зразумелай. Унутраная форма выступае як носбіт матываванага значэння лексічнай адзінкі і паказвае на прымету, якая ляжыць у аснове наймення. Унутраная форма ў дадзеным выпадку з'яўляецца фармальным выяўленнем гэтай прыметы.

Сутнасць народнай этымалогіі заключаецца ў высвятленні ўнутранай формы сінхронна нематываваных слоў за кошт прыпадабнення знаёмым (зразумелым) лексемам. Падставай такіх збліжэнняў служыць выпадковае (не абумоўленае агульнасцю паходжання) гукавае падабенства лексічных адзінак, якое выклікае ў моўнага суб'екта ўяўленне аб фармальнай і сэнсавай залежнасці гэтых слоў адзін ад аднаго. Прыкладам фармальнай народнай этымалогіі можна лічыць тлумачэнне паняцця *Увядзенне* ў Беларускай народным календары. Гэта прысвятак (4/21.12), другая назва якога *Вадзенне*, звязаны з хрысціянскім святкаваннем Уводзін у храм Багародзіцы, святой Дзевы Марыі. Для хрысціянаў гэта знак уводзін грэшнага свету ў храм, пачатак выратавання [4, 214].

У слове *Вадзенне* адбываецца адпадзенне пачатковага гука [у]. Слова *Увядзенне* паходзіць ад дзеяслова *уводзіць* – прымусіць увайсці ўнутр чаго-небудзь, прывесці куды-небудзь. Народная ж этымалогія звязвае гэта слова з падобным па гучанні і больш зразумелым словам *вадзіцца* – быць, жыць (пра жывёл, птушак). Параўнайце: *водзяцца ваўкі і ўвесці ў храм*. У сербаў і чарнагорцаў існуе павер'е, якое забараняе дакранацца да вострых прадметаў у гэты

дзень, каб ваўкі ўзімку не напалі на хатніх жывёлін, значыць, каб не *завяліся* ваўкі.

Цікавае, на наш погляд, народна-этымалагічнае тлумачэнне назвы свята *Відення* даецца ва «Украінскім народным каляндары». Народная этымалогія збліжае яго са словам *дивитися* – *глядзець*. Лічыцца, што ў гэты дзень Бог адпускае праведныя душы *подивитися*, г. зн. *паглядзець*, на сваё цела, адгэтуль і назва свята *Відення* [5, 152].

На аснове вышэй сказанага можна зрабіць вывад, што фармальныя збліжэнні паказваюць сябе як адзін са спосабаў фанетычнай адаптацыі слоў.

Цікавымі прыкладамі фармальнай народна-этымалагічнай матывацыі можна лічыць асабовыя ўласныя імёны народнага календара. Такія найменні вельмі зручна выкарыстоўваць у якасці фармальна матываваных.

Напрыклад, 3/21.06. *Алёна* (*Алены*, *Ульяна*). Ва украінскай мове – *Олени*. У гэтым выпадку збліжаюцца словы *Алёна* і *лён*. Гэты дзень лічыўся днём ільну. Лічылася: як пасеяць *лён* на *Алёну*, то добры ўдасца. Частка ўласнага імя паўтарае агульнае імя. *Пасей лён на Алёну, будзе кашуля па калена* [4, 117]. У рускім народным календары прысвятак атрымаў назву *Олёны*, ці як яшчэ яго называюць *Елена-льносейка*. Тут таксама назіраецца сувязь са слова *лён* [6, 23].

7/24.05. *Алісей* (*Аўсей*). Уласнае імя збліжаецца са словам *авёс*. *Прышоў Аўсей – авёс пасей* [4, 111]. У дадзеным выпадку ў своеасабовай кантамінацыі атрымліваецца складанае спалучэнне слоў *авёс* і *сеяць*. Лічыцца, што лён, які будзе пасеяны ў гэты дзень, добра ўрадзіцца. Уласнае імя збліжаецца з назоўнікам *лён* і дзеясловам *сеяць*.

24/11.05. *Макей*. *Мокра на Макея – і лета не прасушыць, а сухім Макей прышоў – і лета не намочыць* [4, 118]. Украінскі народны каляндар адзначае прысвятак *Мокия*. Лічылася, што *Мокий* – цар граду. Тут таксама прасочваецца сувязь з прыметнікам *мокры*. Гэта збліжэнне назіраецца і ва ўкраінскіх народных прыкметах: *Коли туман – на мокрее літо; Якщо на Мокіів день паде дощ,*

то буде сорок днів падаць [5, 52]. У рускім народным календары свята завецца *Мокей мокрый*. Гукавае падабенства знайшло адбітак у народнай прыкмеце: *На Мокея мокро – все лето мокро* [6, 22].

29/16.06. *Ціхан*. Уласнае імя *Ціхан* збліжаецца з прыметнікам *ціхі*. *На Ціхана і пеўчыя птушкі заціхаюць. На святога Ціхана сонца ледзьве дыхае* [4, 133]. К канцу чэрвеня Земля на самой справе збаўляе рух. *Солнце идет тише, да и птицы стихают.* [6, 24–25].

Такім чынам, можна вылучыць тры мадэлі фарміравання народна-этымалагічных збліжэнняў у народным календары, якія звязаны з уласнымі імёнамі: уласнае імя – прыметнік (*Ціхан – ціхі*), уласнае імя – назоўнік (*Алёна-лён*), уласнае імя – дзеяслоў (*Аўсей – сеяць*).

Страта матывацыйных адносін можа прывесці да ізаляцыі слова ў лексічнай сістэме мовы. Народна-этымалагічныя збліжэнні, заснаваныя на выпадковым фанетычным падабенстве слоў, з’яўляюцца рэакцыяй на ізаляванасць той ці іншай лексічнай адзінкі ў сістэме матывацыйных асацыятыўных сувязей. Гэта не выпадкова, што пад народна-этымалагічнае ўздзеянне пападаюць не толькі спрадвечныя для мовы дээтымалагізаваныя лексемы, але і словы запазычаныя і таму незразумелыя па сваёй унутранай форме носьбітам мовы-пераймальніцы. Сказанае не азначае, што абсалютна ўсе словы становяцца аб’ектам народнай этымалогіі. Унутраная форма слова не з’яўляецца абавязковай для далейшага функцыянавання гэтай адзінкі ў мове. Больш таго, страта матываванасці разглядаецца як адзін з неабходных фактараў семантычнага развіцця слова, набыцця ім новых значэнняў.

У наш час усё больш сцвярджаецца думка пра сістэмна-функцыянальную значнасць адносін матывацыі: падкрэсліваецца значная роля ўнутранай формы слова пры фарміраванні сінанімічных сувязей, адзначаецца ўплыў розных відаў матываванасці на змены і развіццё семантыкі слоў, выяўляюцца функцыі ўнутранай формы слова пры актуалізацыі значэнняў лексічных адзінак, якія суадносяцца (збліжаюцца) у моўным выказванні. Народная этымалогія, адлюстроўваючы патрэбу моўных суб’ектаў у пераіменаванні (пераасэнсаванні ўнутраных форм слоў, ужо існуючых у мове),

сведчыць аб тым, што матываванасць слова мае вялікае значэнне пры яго функцыянаванні.

Заснаваная на сінхронна-асацыятыўных сувязях сугучных слоў, народная этымалогія абспіраецца ў пошуках унутранай формы наймення на актуальныя кампаненты значэнняў лексічных адзінак, якія мы можам знайсці ў мове. Гэта дазваляе разглядаць народную этымалогію як разнавіднасць лексічнай актуалізацыі. Нарэшце, нельга абыйсці бокам той факт, што народная этымалогія, надаючы слову «нову» унутраную форму, змяняючы часта і знешні выгляд слова, выступае як разнавіднасць другой намінацыі. Тая тэхніка намінацыі, якая склалася ў мове, азначае спосабы і сродкі абазначэння з’яў і рэчаў, таму і ў працэсе народнай этымалогіі неабходна выяўляць заканамерныя намінатыўныя тэндэнцыі.

Прыкладам другой намінацыі і змены слова можна лічыць найменне *Валосы*. Гэта чацвер на Масленым тыдні. А. Ю. Лозка ў кнізе «Беларускі народны каляндар» мяркуе, што гэта назва з’яўляецца рэшткам культу язычніцкага бога жывёлы *Воласа* [4, 65–66]. Народная этымалогія збліжае яго са словам *волас* – рагавое ніткападобнае валакно на скуры чалавека і жывёл. Адсюль і іншая назва свята *Валосся* ці *Валосы* (множны лік ад слова *волас*). «На **валосся** цягалі за **валосся**, але **Валосся** цяпер ужо звялося». Мала зразумелае імя язычніцкага бога замяняецца больш зразумелым у сучаснай мове словам *Валосы*. Такія збліжэнні надаюць слову сітуацыйна абумоўленае значэнне. Моўны суб’ект пры факце народнай этымалогіі не асэнсоўвае парадаксальнасці тлумачэння.

Адной з разнавіднасцяў народнай этымалогіі з’яўляецца фармальна-сэнсавая матывацыя, якая выяўляе семантычныя кантакты паміж лексемамі, якія збліжаюцца. Прыкладам такой матывацыі можа выступаць слова *Купалле* (*Купала*). Гэта язычніцкае свята ў гонар летняга сонцастаяння, найвышэйшага росквіту прыроды і ўшанавання вады. Адзначаецца ў ноч з 23 на 24 чэрвеня ў католікаў і з 6 на 7 ліпеня ў праваслаўных беларусаў. У хрысціянстве адпаведна на 24 чэрвеня і 7 ліпеня прыпадае дзень нараджэння Прарока Івана Прадцечы, якому суджана было ахрысціць у рацэ Іардан Сына Божага Ісуса Хрыста.

Слова *Купала* мае некалькі трактовак. У народнай этымалогіі найбольш ярка адзначаюцца два значэнні, якія маюць права быць таксама і навуковымі. Першая трактоўка вяртае нас да стараславянскага слова *купа* – *купец*, што азначае *гарэць*. Заходнепалескі сэнс слова *купала* азначае *касцёр, агонь*. У Купальскіх песнях ля святочнага вогнішча распавядалася *Сягоння ў нас Купала, сам Бог агонь расклаў*. Моладзь пераскоквала цераз агонь – ён лічыўся ачышчальным ад злых духаў. У якасці ачышчальнага абрада праводзілася таксама спальванне сарочак хворых дзяцей.

Народная этымалогія звязвае паходжанне *Купала* са слова *купацца*. *Сонца ў вадзе купаецца*. Нездарма за купальскім днём праваслаўная царква замацавала таксама свята *Аграфены Купальніцы*. Гэты дзень прынята было пачынаць з наведвання лазні, каб змыць усе грахі. Хлопцы і дзяўчаты аблівалі адзін аднаго вадой, *купалі ў рэчцы*.

Зразумела, народна-этымалагічныя тлумачэнні часта не маюць нічога агульнага з сапраўдным паходжаннем адпаведных слоў. Яны важныя ў іншым дачыненні. Разгледжаныя прыклады паказваюць, як цесна народная этымалогія звязана з традыцыямі вуснай народнай творчасці. Гэта спробы творчага, этымалагічнага асэнсавання незразумелых слоў.

Абагульняючы вышэй сказанае, адзначым, што народная этымалогія – гэта з’ява сістэмна значымых адносін матывацыі, якія маюць другасную намінацыйную накіраванасць і адлюстроўваюць сінхронна-асацыяцыйныя (актуальныя для моўнага суб’екта) сувязі лексічных адзінак, якія збліжаюцца на аснове выпадковай сугучнасці. Такія вывады азначаюць неабходнасць даследавання народнай этымалогіі ў сістэмна-функцыянальным аспекце. Праблематыка вывучэння пры такім падыходзе павінна датычыцца наступных момантаў:

– суаднясення мадэлей народна-этымалагічнага асэнсавання (пераўтварэння) слоў з тыповымі тэндэнцыямі азначэння адпаведных прадметаў і з’яў пазамоўнай рэчаіснасці; высвятлення ролі народнай этымалогіі пры асэнсаванні актуальных кампанентаў значэнняў слоў (дадзеныя задачы дапускаюць выкарыстанне метадыкі

анамасіалагічнага апісання, заснаванага на ўстанаўленні сувязі паміж абазначаным зместам і выбарам сродкаў (спосабаў) яго перадачы ў мове);

– уплыў унутранай формы слова, якую прыпісваюць яму ў выніку народнай этымалогіі, на змену значэнняў лексічных адзінак; адпаведнасць гэтых змен заканамернасцям лексіка-семантычнага развіцця слоў.

Пры вырашэнні гэтай задачы неабходна выкарыстанне семасіялагічнай метадыкі апісання, якая дапускае даследаванне значэння слова як увасаблення ўсталяваных сувязей лексічнай адзінкі ў сістэме мовы, што вызначае патэнцыяльную сферу яе выкарыстання і ўплывае на характар народна-этымалагічных збліжэнняў.

Такім чынам, сістэмна-функцыянальны падыход да з’явы народнай этымалогіі дазваляе разгледзець не атрыманыя да нашага часу спецыяльнага асвятлення ў лінгвістычнай літаратуры пытанні аб адпаведнасці народна-этымалагічных збліжэнняў (змен) агульнамоўным заканамернасцям матывацыі і намінацыі, удакладніць месца дадзенага працэсу ў ліку фактараў, якія вызначаюць развіццё лексіка-семантычнай сістэмы мовы.

Літаратура

1. Откупщиков, Ю. В. К истокам слова / Ю. В. Откупщиков. – Изд. 4-е. – СПб. : Авалон : Азбука-классика, 2005. – 349 с.
2. Чуковский, К. От двух до пяти / К. Чуковский. – Изд. испр. и доп. – Минск : Народная асвета, 1984. – 319 с.
3. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – 2-е перераб. и доп. изд. – М. : Просвещение, 1965. – 492 с.
4. Лозка, А. Ю. Беларускі народны каляндар / А. Ю. Лозка. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Польша, 2002. – 240 с.
5. Скуратівский, В. Т. Місяцелік : укр. нар. календар / В. Т. Скуратівский. – Київ : Мистецтво, 1993. – 207 с.
6. Поцелуев, В. А. Народный календарь / В. А. Поцелуев. – М. : Физкультура и спорт, 1991. – 48 с.
7. Гридина, Т. А. Проблемы изучения народной этимологии : пособие к спецкурсу / Т. А. Гридина. – Свердловск : СГПИ, 1989. – 70 с.

А. В. Дуброва

**VOSEO:
ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

В последние годы усилия лингвистов направлены на изучение проблем коммуникации, в частности – национально-культурной специфики речевого поведения представителей различных культур. При этом акцент делается на теоретических и практических проблемах речевого этикета. Изучение функционирования языковых единиц в реальных коммуникативных актах в этой связи представляется особенно актуальным и важным. Так, система речевого этикета испанского языка характеризуется особой сложностью: каждый из двух десятков национальных вариантов испанского языка имеет свои собственные, национальные нормы речевого этикета, проявляющиеся наиболее ярко в реализации формул обращения. Испанский язык в силу его огромной территориальной распространенности, своеобразия национальных культур, разнообразия этнического состава его носителей и их уникальной социальной гетерогенности, а также известных особенностей психики, характерных для членов той или иной национально-культурной общности, предоставляет богатейшие возможности для анализа реализации форм обращения.

Поскольку реализация обращений, как лексических, так и местоименных, в значительной мере различается в разных вариантах испанского языка, зарубежные исследователи рассматривают их функционирование в отдельных национально-культурных общностях. Однако формы обращения во многих национальных вариантах испанского языка вообще до сих пор не стали предметом анализа. Среди наиболее известных работ, касающихся функционирования в различных латиноамериканских вариантах испанского языка, следует назвать исследования А. Гомес де Ивашевски (Венесуэла), Л. Флореса (Колумбия), Ф. Вебер де Курлат и М. Фонтанеллы

де Венберг (Аргентина), Х. Сологурена (Перу), Л. Эгиуса (Чили), М. Е. Верхеса (Мексика).

Прошло более пятисот лет с того момента, когда испанский язык был экспортирован в Латинскую Америку. В наши дни сложилась такая языковая ситуация, когда одним и тем же языком пользуются разные нации. Испанский язык в различных его национальных вариантах обслуживает народы разных стран с неодинаковыми экономическими и социальными структурами. Каждому из этих народов присущи собственная национальная культура и историческое развитие, своеобразный этнический состав населения, географические и климатические условия бытия. Известные отличия между испаноговорящими народами прослеживаются также и со стороны их психологии (социальной психологии, в частности). Естественно, что испанский язык метрополии претерпел определенные изменения в условиях латиноамериканского континента.

Формулы речевого этикета (особенно формы обращения) относятся к тем пластам лексики, которые наиболее ярко отражают культурно-исторические особенности народа-носителя языка или его национального варианта. основополагающим моментом в вариативности формул речевого этикета испанского языка является своеобразный способ восприятия и моделирования реальной действительности лицами, относящимися к различным испаноговорящим национально-культурным общностям. Носители разных национальных вариантов испанского, особенно в странах с различным социальным строем, находясь в одной и той же коммуникативной ситуации, часто руководствуются разными факторами, влияющими на функциональную вариативность лексических и местоименных форм обращения.

Этикетные межличностные отношения строятся на принципе вежливости, выступающем в качестве основного критерия этикетного речевого общения, а также на принципе социального регулирования между коммуникантами. Ситуации речевого этикета подвержены нормативной регламентации. Нормы речевого этикета – важнейшее средство социального речевого поведения. Им свойственно отражение культурно-исторических процессов, происходящих

в обществе. Адресант сознательно варьирует свое поведение в соответствии с социальным статусом адресата. Именно среди единиц рассматриваемой микросистемы наблюдается значительная вариативность, обусловленная рядом факторов, одним из которых является территориальный.

В различных национальных вариантах испанского языка существуют свои, национальные нормы речевого этикета, не тождественные испанскому (пиренейскому) академическому стандарту. В Латинской Америке сохранились некоторые формы обращения, которые в Испании давно вышли из употребления и в наши дни с позиций современной пиренейской национальной литературной нормы расцениваются как архаичные. Испанские и латиноамериканские лингвисты (М. Алонсо, Е. Товар, К. Мартинес Вихиль, Л. Флорес) подчеркивают наличие значительного числа «архаизмов» в речи латиноамериканских народов. В частности, не только не вышло из употребления, но наоборот получило широкое развитие использование местоименной формы обращения *vos* (далее феномен *voseo*). Мы проанализируем особенности функционирования данной формы в современном испанском языке, а также исторические и культурные факторы, повлиявшие на ее реализацию во всем панамериканском ареале.

Форма *voseo* практически полностью вытеснила из употребления *tú* в сфере обиходно-разговорной речи и стала восприниматься носителями данного национального варианта как нормативная. Явление *voseo* имеет свою историю, которая начинается в Испании в IV веке н. э. В те далекие времена использование *vos* вместо *tú* имело социальное значение и использовалось только в отношении императора. По этому поводу существуют две гипотезы. Первая основывается на том факте, что Римская Империя была разделена, и наличие двух императоров привело к тому, что форма *vos* употреблялась в отношении обеих царских особ. Например, свидетельством этого является поэма Mio Cid «*Id e venit, d'aquí vos do mi graçia; mas el ÇID CAMPEADOR, yo non vos digo nada*», «*Oídme, Minaya, e vos, Per Vermudos...*». Согласно другой гипотезе *vos* являлось оппозицией к местоимению *nos*, которое император

использовал по отношению к самому себе, как главе всей империи и представителю высшей власти. Почтительное *vos* постепенно распространилось и на других представителей власти (политиков, военачальников, духовенство), модифицируя систему следующим образом: *tú* – обращение к собеседнику равного влияния и власти, *vos* – к собеседнику более высокого ранга.

В VI и VII вв. экспансия *vos*-обращения превратилась в сложный процесс, что доказывают различные документы, свидетельствующие о распространении *vos* при обращении к одному лицу. В эволюции *vos*-обращения можно выделить появление еще двух социолингвистических значений его реализации, нарушающих первичное значение – «наличие власти и влияния». Речь идет о прагматическом и психологическом аспектах использования. С прагматической точки зрения использованием формы *vos* говорящий реализует намерение проявить свое почтительное отношение к собеседнику или снискать его благосклонность. Второй аспект реализации *vos* затрагивает проблематику степени психологической близости между коммуникантами. Разные варианты испанского языка располагали в то время различными значениями *vos*-обращения: *Vos*-обращение к нескольким собеседникам; *Vos*-обращение к одному уважаемому влиятельному собеседнику; *Vos*-обращение к собеседнику, от которого ожидается получение какой-либо милости или благосклонности; *Vos*-безличное формальное обращение к одному собеседнику. От устаревшего использования *vos* как формы обращения во множественном числе к почитаемым особам, обладающим высшей властью (королю или императору) берет свое начало вежливая, почтительная форма.

В Испании в течение нескольких веков использование местоименной формы *vos* претерпело ряд изменений. Вертикальная ассиметричная ось «власть» или «влияние», когда *vos* функционировало «снизу вверх», изменила направление и стала использоваться «сверху вниз». Иначе говоря, при обращении к собеседникам, не имевшим ни власти, ни влияния, изменялась и полярность общения «дистанция – близость». Также имела место реализация *vos*-обращения в симметричных отношениях одного страта (*vos* – *vos*). В XI–XII вв. важную роль в реализации

данной формы играли следующие факторы: социальный статус коммуниканта, ситуация общения и наличие звания рыцаря, в то время как *tú* использовалось узуально при фамильярно-бытовом, низком регистре общения.

В XIII–XIV веках в стране происходили глубокие социальные изменения: завоевание Испании арабами и разделение общества на три слоя. Верхнюю часть социальной пирамиды заняли дворяне (знать) или кабальеро, центральную часть – духовенство, а ее основание – ремесленники, крестьяне и торговцы. Естественно, что такая социальная иерархия способствовала развитию норм обращения как внутри каждого страта в отдельности, так и по отношению к представителям другой части социальной пирамиды. Употребление формы *tú* внутри определенного страта общества постепенно обогащалось, приобретая черты солидарного, неофициального, аффективного общения, подчеркивая тем самым отсутствие какого-либо чина или сана у коммуникантов, т. е. симметрию в общении. Употребление местоимения *vos* в качестве формы обращения приобретает новый вектор реализации: от более высокого страта к нижестоящему, подчеркивая тем самым социальную дистанцию собеседников. Этому новому этапу, согласно Паэсу Урденета [7], свойственны другие особенности, влияющие на выбор формы обращения: пол адресата, близость общения и принадлежность к определенному сословию. Влияние прагматических факторов на реализацию *vos* остается, но принадлежность к рыцарскому сословию уже не актуальна и не имеет особой ценности.

В XV веке изменения, имевшие место в испанском обществе в ходе Реконкисты, вновь оказали влияние на модификацию формул обращения. Разрушался сословный уклад общества. Знать, прозябая без войн, предавалась праздному образу жизни. Поднималась и укрепляла свои позиции буржуазия, росли города. Трещина в прежнем укладе жизни сопровождалась экспансией *vos*-обращения, маркированного как наличием, так и отсутствием высокого социального положения. В то же время, реализуясь внутри каждого класса, *vos* являлось признаком равенства коммуникантов. К концу XV века это привело к полному стиранию различий

в употреблении данной формы и необходимости введения новой формулы *vuestra merced* с глаголом в 3-ем лице единственного числа. Так как *vuestra merced* получила широкое распространение в метрополии в качестве вежливой формы обращения, *tú*-обращение вернулось к своему первоначальному значению местоимения 2-го лица единственного числа, а реализация *vos*-обращения сократилась до 2-го лица множественного числа. Обе эти формы стали характерны для доверительного регистра общения: 2-е л., ед. ч. – *tú*, для доверительного общения; *vuestra merced* > *vuesa merced* > *vuesarced* > *vuesanced* > *voacé*, *vucé*, *vusted*, *usted* – вежливая форма обращения единственного числа; 2-е л., мн. ч. – *vosotros* для доверительного общения; *vuestras mercedes* > ... > *ustedes* – вежливая форма обращения множественного числа.

Vos и *tú* начали использоваться в одном и том же значении. Таким образом, отпадала необходимость в обеих. В Испании распространилась форма *tú* (*tuteo*) и исчезла форма *vos*. Эти изменения в системе форм обращения в пиренейском варианте испанского языка не получили широкого распространения во всей Америке. На этом континенте *tuteo* (использование *tú*-обращения) было распространено на территории всего двух вице-королевств: в Мексике и в Перу. На остальной его части (*América voseante*) продолжала использоваться форма *vos* для 2 лица единственного числа, в то время как формула *ustedes* соединила в себе значения двух форм множественного числа – *otros* (для доверительного) и *ustedes* (для вежливого обращения). То же было характерно для Мексики, Перу в Латинской Америке, для Андалусии в Испании. Пла Карселес [3] в своей работе «Эволюция обращения «*vuestra merced*» считает потерю престижа формы *vos* на Иберийском полуострове прогрессивной для того времени. *Vos*, ставшее архаизмом в метрополии, в Америке сохраняется и набирает силу.

Американский писатель Р. Х. Куэрво [4] объясняет сохранение *voseo* на американском континенте злоупотреблением испанцами данной формой в общении с лицами, нижестоящими на социально-иерархической лестнице. Как утверждает автор, доказательством этому служит обращение к индейцам и креолам. Расовая дискриминация проявляется, в частности, в факте обращения к незнакомым лицам

индейского или африканского происхождения *tú* или *vos*, что и сейчас нередко вызывает их недовольство. В одном из рассказов академика Г. А. Хакоме «Эквадор» повествуется о переживаниях молоденькой индианки, которая из маленького индейского городка приехала учиться в столичный университет: *Yo he logrado librarme de todo indio ... aunque conservo la vestimenta india... Alguien se ha arrinconado, evitándome en los buses. Alguna señorona me ha tratado de «vos»... Ignoran que soy bachiller, soy, tambien universitaria. (G. A. Jácome).*

По мнению испанского критика Лапеса [6], реализация *vos* на американском континенте полностью соответствовала отказу от социальных условностей и лингвистических норм завоевателей. В среде испанских конкистадоров было вполне допустимо обращение на *vos* в обстановке дружеского доверия, поскольку они чувствовали себя связанными волею судьбы одним общим приключением. Эта форма была привычным обращением к вассалам и слугам, а также активно употреблялась и в общении с индейцами и креолами. Поскольку американские языки не знали сдвига в формах вежливости, то для местного населения не был столь значительным сдвиг в употреблении *tú* и *vos*.

В Америке используются три вида прономинальных формул обращения: 1) реализация, присущая странам Америки (América tuteante), употребляющим *tú*-обращение в контексте доверия и *usted*-обращение в контексте уважительного отношения ко 2-му лицу единственного числа; 2) употребление *vos*, свойственное странам Америки (América sólo voseante), когда данная форма доверительного отношения сосуществует с формой уважения *usted*; 3) реализация *tú* и *vos* в странах Америки (América tuteante-voseante), при которой *vos* ограничивается употреблением в узком кругу лиц (высокая степень доверия), а *tú* является формальным обращением к знакомому лицу (средний уровень доверия).

Возможны различные типы обращений: *voseo* вербальное с прономинальным *tú* (Уругвай), *voseo* прономинальное и *tú* вербальное (Сантьяго дель Эстеро), *voseo* прономинальное и вербальное. При этом прономинальная и вербальная парадигмы являются взаимопроникающими, т. е. возможна взаимозамена форм 2-го лица

единственного числа формами 2-го лица множественного числа. Отличие прономинальной парадигмы от вербальной – единственная общая черта, характерная для всей Америки. *Vos* в именительном падеже употребляется в функции подлежащего (в предложных и сравнительных конструкциях) и теряется в объектном и притяжательном (в возвратных глагольных формах). Это придает данной форме достаточно хаотичный характер реализации. По мнению Фонтанеллы де Вейнберг [5], сохранились лишь те формы, которые лучше других интегрировались во всю систему местоимений. Так, *te* созвучно с *me* и *se*; притяжательное местоимение *ti* имеет структуру, аналогичную структуре безударных местоимений единственного числа *mi*, *su*, и не согласуется в роде с определяемым существительным; ударные формы *tuyo/a/s* схожи с *suyo/a/s*.

Длительное сосуществование *tú* и *vos* в разговорной речи ослабило осознание того, что каждая из этих форм принадлежит к разным парадигмам. Употребление разных форм личных местоимений в одних и тех же случаях стало распространенным и сформировало парадигму, интегрируемую в систему всех прономинальных форм.

В отличие от прономинального вербальное *voseo* не является универсальным для всей Америки и представлено тремя вариантами: 1) дифтонгизированное *voseo*, сохраняющее формы *cantáis*, *cantéis*, *coméis*, *comáis* и *partís*, *partáis*; 2) аргентинский вариант *voseo* с одним более открытым, чем в дифтонге, гласным звуком *hablás*, *comés*, *podés*, *vas*, *hacés*; 3) чилийский вариант *voseo*, сохраняющий наряду с некоторыми дифтонгизированными формами формы с одним закрытым гласным *hablá(i)s*, *comís*, *podís*, *vivís*, *venís*. Данная систематизация была предложена Роном [8] и основана на спряжении глаголов в *indicativo/subjuntivo*.

I	II	III
-ais/-eis	-as/-es	-ais/-is
-eis/-ais	-es/-as	-is/-ais
-is/-ais	-is/-as	-is/-ais

I тип (дифтонгизированный) сохраняется в некоторых районах Анд. Завоеватели принесли с собой монофтонговые формы ранее дифтонговых, поскольку именно они использовались в то время

в Испании. Вульгарные монофтонговые формы должны были стать более изысканными. С «реставрацией» дифтонга в пиренейском варианте дифтонгизированные формы начинают соперничать с монофтонговыми, как более престижные. II тип, *voseo argentino*, распространен не только в Рио-де-ла-Плата, но и в Центральной Америке, на побережье Эквадора, в горных районах Венесуэлы и Колумбии, в северных и восточных районах Боливии. В западной Боливии дифтонг появляется в формах *presente* и *futuro*, но отсутствует в *perfecto simple*. *Voseo* III типа получил распространение не только в Чили, но также и в горных районах Эквадора, на юге Боливии и в Перу, где он комбинируется с аргентинским типом *voseo* в I-ом спряжении и с чилийским – во II-ом спряжении.

Приведенная выше систематизация Рона является упрощенной. На самом деле она намного сложнее, поскольку *voseo* никогда не воспринимался иначе как неправильная, «аграмматическая» форма, в лучшем случае как архаизм, поскольку не было и нет правил употребления местоимения *vos*. Кроме приведенных выше типов *voseo*, вербальная парадигма представляет собой смесь различных вариантов реализации. Обычно употребляется глагольная форма 2-го лица мн. числа для *presente de indicativo* и *imperativo*. Для *presente de subjuntivo* могут употребляться формы единственного и множественного числа: *vos cantes* или *vos cantés*. Для *futuro de indicativo* в большинстве районов используется форма единственного числа *vos comerés*, в некоторых сохраняется вербальное *voseo* (2-е л., мн. ч.): *vos comerís*, поскольку *futuro*-форма свойственна литературной речи, а разговорные формы в большинстве своем являются перифрастическими.

Реализация *vos* на территории Иберийского полуострова в Андалусии вплоть до XIX века отличалась от американского тем, что данная форма была узуальна при среднедоверительном регистре общения. Если *tú*-обращение употреблялось в среде близких родственников (между братьями, супругами), или ось *tú* была направлена вниз (обращение к детям, слугам), или была эгалитарной, то *voseo* было характерно для общения на «средней дистанции» в направлении «снизу вверх» (обращение к родителям) либо симметричным в отношении чужих людей (между соседями).

В настоящее время в Америке *voseo* в разных видах сохраняется на большей части территории: В Рио-де-ла-Плата это культурная норма, в других районах считается вульгаризмом, в третьих, например в Венесуэле, речь идет о местном нормативном употреблении.

Можно выделить несколько факторов, влияющих на экспансию *voseo* или его сокращение. Политический фактор: националистические или популистические правительства способствуют экспансии *vos*. Идеологический фактор: обострение националистических настроений в Латинской Америке, проявившееся в расцвете *voseo* среди молодежи в южных частях континента в 60-х годах. Экономические факторы: издательский бум в Испании в 80-х годах, а также поток литературы, попадавшей в некоторые страны (Аргентина) и подвергавшейся там цензуре, привели к тому, что использование *voseo* значительно сократилось или вообще исчезло из современной литературы. Социальные факторы: престиж и статус; фактор пола (*vos* допустимо в употреблении мужчинами, например, в Гватемале, но из женских уст звучит вульгарно). Юридические факторы: *voseo* распространено в устной речи, но недопустимо в письменной (официальный стиль). И ещё один фактор, связанный с ролью средств массовой информации, которые способствуют распространению данного явления в соседних регионах. Радио- и телепередачи, транслирующиеся из зоны, где *vos* более узуально, влияют на его экспансию в другие области.

Если взглянуть на карту распространённости *voseo* в Америке, то видно, что те зоны, в которых сохраняется употребление *vos*, исторически не имели тесной связи с Пиренейским полуостровом. *Voseo* можно услышать и в южных мексиканских штатах Чиapas и Табаско, связанных в свое время с военным правительством Гватемалы. *Voseo* присутствует и в Центральной Америке, в то время как оно полностью исчезло из употребления на Антильских островах (принадлежавших Испании вплоть до конца прошлого века), на Кубе и в Пуэрто Рико (несмотря на то, что здесь постоянно останавливались морские суда из метрополии). *Voseo* также широко распространено в горной зоне Анд в Колумбии и Венесуэле, в центральных и прибрежных районах Эквадора, в некоторых северных и южных

провинциях Лимы, в южных районах Перу, во всей Боливии, в Чили и Рио-де-ла-Плата.

Что касается уровней реализации, Рио-де-ла-Плата – единственный регион, где *voseo* является культурной нормой. Аргентина, Парагвай, Уругвай и Коста Рика – те районы, где *tú* полностью исключено из парадигмы форм обращения. Но в Коста Рике, наряду с другими районами Южной Америки, *voseo* конкурирует с *ustedeo*. При этом *usted*-обращение применимо в доверительном контексте. В Коста Рике дети в школе обращаются друг к другу, используя *usted*.

На остальной части Центральной Америки употребляется *vos*. В Никарагуа им изобилует устная речь, но в письменной речи нормой считается *tú*. В Сальвадоре и Гондурасе формы *tu* и *vos* взаимозаменяемы. В Панаме, единственной из всех центральноамериканских стран, *tuteo* распространено наиболее широко. *Vos* локализуется в западной части и в районах, где доминирует индейское население. *Tu*, наоборот, реализуется в районах, где превалирует африканский элемент.

В Южной Америке, в Эквадоре и Перу *voseo* является просторечным. В Колумбии *voseo* распространено в городах, таких как Богота, где его употребление ограничивается присутствием *usted* в качестве доверительной формы. Если сопоставить влияние степени солидарности и доверия на употребление формы обращения, то можно заметить, что *usted* употребимо и там, и там. В промежуточном поле (контекст среднего уровня доверия) находится *tú*. *Usted* реализуется в ситуациях обращения к близким людям (к родителям или детям, между супругами и т. д.) и может заменяться формой *su merced* в контексте высшей степени привязанности.

В Венесуэле, особенно в зоне Анд, *usted* также реализуется наравне с *vos*. Здесь *voseo* является территориальной нормой, и жители западного региона (округ Сулия) гордятся тем, что используют его. А вот в зоне Анд оно считается ненормативной формой.

Боливия разделена на две лингвистические зоны: зона колья (в западной и южной частях страны) и зона камба (на востоке и

севере). В первой зоне *tú* является прономинальным альтернативом *vos*, в то время как вербальная форма соответствует форме 2-го лица ед. ч. (за исключением *imperativo: tomá, comé y viví*). В отдельных районах Оруро, Потоси и Тариха употребляется дифтонгизированная глагольная форма (чилийский вариант). В зоне камба реализация *usted* возможна в двух контекстах – крайней привязанности и формального обращения (*vos* – в ситуациях близкого доверительного общения, векторно «снизу вверх», *tú* – не употребляется вообще). Таким образом, и здесь *voseo* является территориальной нормой.

В Чили также происходит постепенное вытеснение *vos* нормативным *tú*, но пока ещё *vos* употребительно в качестве просторечной формы. Нечто похожее происходило в Уругвае, когда его заменила местоименная форма *tú*. Но искоренить вербальное *voseo* оказалось не так легко.

В семидесятых годах прошлого века некоторые исследователи отмечали использование *voseo* не только в низких стратах общества, но и в средних и даже высших. Одни лингвисты считают его малозначимым явлением в нормативной грамматике, другие признают, что *voseo* является неотъемлемой частью экспансии на всей южной территории. Это связано с ослаблением социальных границ и непокорностью молодежи перед строгими языковыми образцами, насаждаемыми их вышестоящим социальным классом, что ведет к принятию в качестве образца нормы нижестоящих слоев общества. В настоящее время в Чили используют просторечное *voseo*, так называемое *voseo auténtico* (подлинное, чистое) – *vos*-обращение, а также книжное *voseo* – вербальную парадигму *voseo* и прономинальную *tuteo*. Сегодня в Сантьяго нередко можно услышать, как студенты университета приветствуют друг друга формулой «*Cómo andai*» с потерей конечного *-s*.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что благодаря современной латиноамериканской литературе и телевидению, *voseo* получает большее признание в современном испаноязычном сообществе (в качестве особенности, характерной только для панамериканского варианта испанского языка). Но, несмотря на то, что данное явление широко распространено в одних районах

(где является «живым», реальным явлением), в других оно практически исчезает из обихода, а в третьих – сохраняется как реликвия. Налицо тенденция к постепенному вытеснению прономинальных и вербальных форм *voseo* формулами, принятыми в качестве нормативных в других испаноговорящих странах.

Литература

1. Фирсова, Н. М. Испанский речевой этикет / Н. М. Фирсова. – М. : Высшая школа, 1991. – 173 с.
2. Михеева, Н. Ф. Местоименные формы обращения в аргентинском национальном варианте испанского языка в коммуникативной сфере родства / Н. Ф. Михеева // Семантика, грамматика и прагматика языковых единиц : сб. науч. ст. – М. : изд-во УДН им. П. Лумумбы, 1988. – С. 88–99.
3. Carricaburo, Norma, «Las fórmulas de tratamiento en el español actual» / Norma Carricaburo. – Madrid : Arco / Libros, 1997. – 83 p.
4. Cuervo, Rufino José, «Las segundas personas del plural en la conjugación castellana», *Disquisiciones sobre filología castellana* / Rufino José Cuervo. – Buenos Aires, El Ateneo, 1948. – 174 p.
5. Fontanella de Weinberg, María Beatriz, «La constitución del paradigma pronominal del voseo» / María Beatriz Fontanella de Weinberg. – *Thesaurus, BICC*, XXXIV, 1977. – 158 p.
6. Lapeza Rafael, «Las formas verbales de segunda persona y los orígenes del voseo», *Actas del Tercer Congreso Internacional de Hispanistas* / Rafael Lapeza. – México, El Colegio de México, 1968. – 163 p.
7. Irsat Páez Urdaneta, *Historia y geografía hispanoamericana del voseo* / Irsat Páez Urdaneta Irsat Páez. – Caracas, La Casa de Bello, 1981. – 169 p.
8. Roña, J. P. *Geografía y morfología del voseo* / J. P. Roña. – Porto Alegre : Pontificia Universidade Católica do Rio Grande do Sul, 1967. – 189 p.

М. С. Качур

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТА (на материале английского, немецкого, русского и белорусского языков)

На современном этапе развития когнитивной науки известно, что любой национальный язык отражает когнитивные структуры и

вербализует концепты в свойственном только ему виде, специфически отражая объективную действительность на основе совокупности знаний определенного общества, этноса. При этом язык, представляя познавательную деятельность людей, отражает единую природу мира в концептуальном аппарате человека как в универсальной понятийной системе, а своеобразие каждой языковой системы состоит именно в особенностях комбинации значений и языковых единиц, результируемых так или иначе в единую семантическую картину мира. Поэтому перспективным представляется выявление национальной специфики семантики, дающей возможность проследить этнокультурные особенности языкового сознания народов и использовать для моделирования концептов как единиц национальной концептосферы. Кроме того, национально-специфические семы, выявившиеся при таких исследованиях, интерпретируются как отражение национально-специфических признаков соответствующих национальных концептов и позволяют моделировать концепт с вычлениением его национально-специфических признаков. Круг выделенных проблем дает возможность определять и исследовать феномены, которые отражают основные черты национального ментально-лингвального комплекса, выделять и анализировать универсальные и этнокультурные моменты.

Целью данной статьи является исследование этнокультурных особенностей фразеологических единиц с компонентом цвета на материале английского, немецкого, русского и белорусского языков.

Сопоставление языков, помимо решения сугубо лингвистических проблем, дает возможность понять основания естественной категоризации мира, а также уточнить принципы его когнитивного моделирования, приводящие в каждом языке к формированию неповторимых языковых картин мира.

Основой сопоставительного изучения языков является наличие определенных универсалий между языками. К таким универсалиям А. Е. Супрун относит, например, общность мышления и общность окружающего мира, «которые обуславливают возможность определенной эквивалентности текстов на различных языках» [1]. В частности, универсалиями при типологических исследованиях признаются когнитивные категории [2], [3], так как, будучи смысловыми компонентами общего характера, они свойственны всем

или большинству языков мира, благодаря чему выступают как основа сводимости описаний разных языков.

Однако при наличии общих схем концептуализации и категоризации, национально-специфическими оказываются конкретные примеры мысленных образов, показателей эмоций, оценок и степени их проявления, типичные для каждой культуры носителей признаков. В системе каждого языка связи языковых знаков с наборами концептуальных признаков своеобразны и неповторимы. Поэтому необходима база или эталон для сравнения, т. е. определенное тождество, на фоне которого рассматриваются частные сходства и различия сопоставляемых языковых явлений [4]. В качестве неперменного эталона сравнения, в пределах которого раскрывается содержательная структура описываемого языкового явления, учеными обосновывается привлечение целостной парадигмы, например, фразеологической [4]–[8] и др. При сопоставлении фразеологических парадигм выявляется набор смысловых признаков, характеризующих особенности семантики отобранных для анализа единиц, и представляющих собой их структуру. В результате выявление тождественных (интегральных) и различающихся (дифференциальных) признаков сравниваемых языковых фактов является основным элементом лингвистического сопоставления [4].

Набор выявленных интегральных и дифференциальных признаков представляет собой межязыковую идиоматичность/изоморфность структуры сопоставляемого языкового явления [9]. Изоморфными (изоморфизм – греч. «тождество форм») называются тождественные, взаимно-однозначные структуры, идиоматичными (идиома – форма выражения, специфичная для какого-либо языка) соответственно выступают уникальные структуры. Неполное тождество структур, которое характеризуется совпадением в основных чертах, но различается в деталях, называется гомоморфностью (гомоморфизм – греч. «подобие форм»). Степень межязыковой идиоматичности определяется разностью количеств дифференциальных структурных признаков у сопоставляемых аналогов (от нулевой до абсолютной).

Таким образом, проявление универсальных и культурно-специфических элементов фразеологических единиц с компонентом цвета английского, немецкого, русского и белорусского языков

рассматривается нами на уровне системной организации элементов опыта. Между тем особенности фразеологической номинации значительно обуславливаются компонентным составом фразеологических единиц и выстраиваются вокруг опорного концепта, с которым ассоциируется основная, типичная и потенциально важная информация. В рамках данного исследования семантически стержневым компонентом фразеологических единиц выбраны цветонаименования. В связи с этим изучение этнокультурных особенностей фразеологических единиц с компонентом цвета очерчивается рамками информационного содержания цветowych концептов.

Базой для сравнения и набором универсалий мы принимаем когнитивные категории концептуализации цветowego пространства. Следовательно, интерпретация этнокультурных особенностей цветowych концептов проводится на уровне системы цветowych архетипов, прототипов, стереотипов, эталонов и символов.

Фразеологический портрет содержательного наполнения цветowych концептов выступает в виде набора выявленных интегральных и дифференциальных признаков цветонаименований, актуализирующихся в составе ФЕКЦ, и представляет собой межъязыковую идиоматичность/изоморфность концептуального содержания отдельно взятых цветов и всего цветowego поля.

Все многообразие соотношений межъязыковой идиоматичности / изоморфности концептуального содержания отдельно взятых цветов на материале фразеологических единиц 4-х рассматриваемых языков можно свести к 4 типам: изоморфные признаки для фразеологических парадигм всех сопоставляемых языков; изоморфные признаки для фразеологических парадигм любых трех сопоставляемых языков; изоморфные признаки для фразеологических парадигм любых двух сопоставляемых языков и дифференциальные признаки для фразеологических парадигм четырех сопоставляемых языков.

С целью определения степени межъязыковой идиоматичности цветowych концептов на исследуемом материале нами было получено количество семантических признаков цветонаименований, актуализированных во фразеологических парадигмах сопоставляемых языков (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Количество семантических признаков цветоименований, актуализированных во фразеологических парадигмах сопоставляемых языков

Цвето-наименование	Английские ФЕКЦ	Немецкие ФЕКЦ	Русские ФЕКЦ	Белорусские ФЕКЦ	Всего
Черный	46	24	31	38	64
Белый	35	22	33	39	68
Красный	32	18	31	25	58
Голубой / синий	25	29	14	11	53
Зеленый	25	30	17	16	42
Желтый	13	15	12	9	28
Золотой	–	1	1	3	5
Серебристый	1	3	–	1	5
Коричневый	13	2	1	1	15
Розовый	6	1	1	3	8
Серый	14	13	17	10	28
Всего	210	158	158	156	374

Как видно из таблицы, общее количество семантических признаков анализируемых цветоименований, актуализированных во фразеологических парадигмах сопоставляемых языков, составляет 374. Данная таблица отражает количество актуализированных семантических признаков цветоименований по отдельным цветоименованиям и отдельно по языкам, сведенным в общее количество по четырем языкам и по всем цветоименованиям. Например, цветоименование «черный» реализует 64 различных семантических признака на материале четырех изучаемых языков. Из этих 64 признаков в английском языке встречаются 46, в немецком – 24, в русском – 31, в белорусском – 38. Однако нельзя говорить об однородности интегральных признаков для 4 изучаемых языков. Так, наименьшее количество семантических признаков цветоименования «черный» на материале немецкого языка вовсе не означает, что эти 24 признака являются интегральными для всех сопоставляемых языков. Количество интегральных признаков для всех изучаемых языков оказывается намного меньшим вследствие несовпадения позиций семантических признаков по всем языкам. Следовательно, количественные данные, приведенные в таблице 1, стали основой для вычисления

степени межъязыковой идиоматичности цветowych концептов сопоставляемых языков.

Степень межъязыковой идиоматичности цветowych концептов на материале рассматриваемых языков была определена разностью количеств дифференциальных (отличительных) структурных признаков сопоставляемых аналогов (от нулевой до абсолютной). Представим полученные данные в таблице 2.

Таблица 2 – Степень межъязыковой идиоматичности (МИ)

Кол-во сопост. языков	Сопоставляемые языки	Кол-во изоморфных признаков	%	Кол-во дифференциальных признаков	Степень МИ
4	Английский – немецкий – русский – белорусский	34	9	340	0,909
3	Английский – немецкий – русский	9	2,4	365	0,975

Продолжение таблицы 2

3	Английский – русский – белорусский	12	3,2	362	0,967
3	Английский – немецкий – белорусский	9	2,4	365	0,975
3	Немецкий – русский – белорусский	8	2,1	366	0,978
2	Английский – немецкий	27	7,2	347	0,927
2	Английский – русский	5	1,3	369	0,986
2	Английский – белорусский	12	3,2	362	0,967
2	Немецкий – русский	9	2,4	365	0,975
2	Немецкий – белорусский	7	1,9	367	0,981
2	Русский – белорусский	34	9	340	0,909
Всего		374	100	374	1

Результаты анализа межъязыковой идиоматичности позволяют констатировать ее высокую степень ($\approx 0,9$). Следовательно, фразеологические парадигмы концептуального поля «цвет» рассматриваемых языков характеризуются высокой степенью национально-культурного своеобразия. Тем не менее прослеживается

изоморфность концептуального содержания отдельных цветовых концептов.

Рассмотрим подробнее выделенные нами 4 типа соотношений межъязыковой идиоматичности/изоморфности концептуального содержания отдельно взятого цвета, например «черный». Изоморфными для фразеологических парадигм четырех сопоставляемых языков являются следующие семантические признаки цветоименования «черный»:

Архетип: принадлежащий темным силам (например: англ. *the black art/magic*; нем. *die schwarze Kunst*; рус. *чернокнижное знание*; бел. *чорная магія*).

Прототип: класс референта (например: англ. *the Black water State*; нем. *schwarzer Kaffee*; рус. *черный лес / черные грибы*; бел. *чорнае дрэва / чорны кофе*).

Эмоциональный стереотип: мрачный, хмурый, пессимистический (например: англ. *look black*; нем. *j-n. ewt. in den schwärzesten Farben schildern*; рус. *в черном цвете*; бел. *у чорным святле*).

Оценочный стереотип: отрицательный, плохой (о моральных качествах) (например: англ. *black conscience / black ingratitude*; нем. *eine schwarze Seele*; рус. *черное дело*; бел. *чорныя справы*); **плохой (о репутации)** (например: англ. *paint somebody black*; нем. *aus schwarze Brett kommen*; рус. *заставляют араном рядиться, а ему черниться неохота*; бел. *кінуць чорную пляму на добрае імя чалавека*); **недостаток (черта характера)** (например: англ. *every bean has its black*; нем. *was hilft's, daß der Rabe badet; er bleibt doch Schwarz*; рус. *черного кобеля не вымоешь добела*; бел. *чорнага сакала не адмыеш дабяла*).

Социальный стереотип: заболевание (например: англ. *the Black Death*; нем. *der schwarze Tod*; рус. *черная немочь / черный мор*; бел. *як чорная пошасць*); **нелегальный, тайный** (например: англ. *black market*; нем. *der schwarze Markt*; рус. *черная крупка*; бел. *чорная біржа*); **монашеский, монашествующий; духовный сан** (например: англ. *wear the black cloth / black coat*; нем. *es trauen nicht alle, die schwarze Röcke tragen*; рус. *черная одежда не спасет*; бел. *выжсыга*

ў чорнай сутане); **понятный** (четко, ясно, недвусмысленно) (например: англ. *in black and white*; нем. *schwarz auf weiß*; рус. *черным по белому*; бел. *чорным па белым*).

Символ: зло, бедствие, несчастье, трудности (например: англ. *black Friday*; нем. *ein schwarzer Tag*; рус. *черный день*; бел. *чорны дзень*).

Таким образом, концептуальное содержание цветоименования «черный» характеризуется на уровне цветовых архетипа, прототипа, эмоционального, оценочного и социального стереотипов, а также символа следующими изоморфными признаками: принадлежащий темным силам; класс референта; мрачный, хмурый, пессимистический; отрицательный, плохой (о моральных качествах); плохой (о репутации); недостаток (черта характера); заболевание; нелегальный, тайный; монашеский, монашествующий, духовный сан; понятный (четко, ясно, недвусмысленно); зло, бедствие, несчастье, трудности. Это позволяет утверждать универсальность цветового концепта «черный» по выделенным выше признакам на материале 4 рассматриваемых языков.

Изоморфными для фразеологических парадигм трех из сопоставляемых языков являются следующие семантические признаки цветоименования «черный»:

Архетип: смерть, траур (например: англ. *black flag*; рус. *черное платье*; бел. *паляванне чорных крылляў смерці*); **тьма, бездна** (например: англ. *a black out*; нем. *j-m wurde schwarz vor den Augen*; бел. *чорны полаг-руно*).

Эталон: уголь (например: англ. *(as) black as coal*; рус. *черен, как уголь*; бел. *счарнелы, як галавешка*); **сажа** (например: англ. *(as) black as soot*; рус. *черен, как сажа*; бел. *чорны, як сажа*); **ворон (галка, грач)** (например: англ. *(as) black as a raven / as a raven's wing*; рус. *черен, как ворон*; бел. *чорны, як грак / чорны, як галка*); **смола** (например: англ. *(as) black as ebony / pitch*; рус. *черен, как смоль*; бел. *чорны, як смоль*); **ночь** (например: англ. *as black as night*; рус. *черен, как ночь*; бел. *чорны, як асенняя ноч*).

Эмоциональный стереотип: злой (например: англ. *black in the face*; нем. *j-n schwarz ärgern*; бел. *чарнець ад злосці*).

Социальный стереотип: расовая принадлежность (например: англ. *black flesh / stock*; нем. *schwarzes Elfenbein*; бел. *чорная раса*); **физическое воздействие, суровое обращение** (например: англ. *beat somebody black and blue*; рус. *держат кого в черном теле*; бел. *у чорным целе (трымаць)*); **неблагонадежный (политически, социально)** (например: англ. *be in somebody's black books*; нем. *das schwarze Buch*; бел. *чорная дошка*); **род деятельности** (например: англ. *Black Rod*; нем. *der schwarzer Mann*; рус. *черные береты*).

Концептуальное содержание цветоименования «черный» характеризуется на уровне цветовых архетипа, эталона, эмоционального, и социального стереотипов следующими изоморфными признаками для трех любых языков: смерть, траур; тьма, бездна; уголь; сажа; ворон (галка, грач); смола; ночь; злой; расовая принадлежность; физическое воздействие, суровое обращение; неблагонадежный (политически, социально); род деятельности.

Изоморфными для фразеологических парадигм двух из сопоставляемых языков являются следующие семантические признаки цветоименования «черный»:

Архетип: злой дух, дьявол, сатана (например: англ. *the gentleman in black*; нем. *der schwarze Ritter*).

Эталон: земля (например: рус. *черен, как земля; чорны, як зямля*); **туча** (например: англ. *(as) black as thunder*; бел. *наваліўся, як чорная хмара*); **бездна, тьма, ад, черт** (например: англ. *(as) black as hell*; бел. *чорны, як чорт*).

Прототип: нефть (например: англ. *black gold*; бел. *чорнае золата*); **уголь** (например: англ. *the Black Country / black diamonds*; нем. *schwarze Diamanten / das schwarze Gold*).

Эмоциональный стереотип: тревожный, беспокойный (например: нем. *schwarze Gedanken*; бел. *чорны ценъ на твары ляжа*).

Социальный стереотип: смуглый (например: рус. *с черным в лес не ходи, с рыжим бани не топи*; бел. *чорны ад загару*); **служебный, неглавный, непарадный** (например: рус. *черный двор*; бел. *чорны ход*); **неквалифицированный** (например: рус. *черная работа*; бел. *чорная работа*); **непривилегированный** (например: рус. *черная кость*; бел. *чорная костка*); **грязный, неопрятный** (например: рус. *с черными*

руками, да за хлеб!; бел. *чорныя рукі*); **трудовай** (например: англ. *the black-coated proletariat*; рус. *черная жизнь*); **тягловый, податный** (например: рус. *черносошные крестьяне*; бел. *чорныя землі*); **фашистский** (например: англ. *black shirt*; бел. *чорная пошасць*).

Символ: плохой (например: англ. *a black sheep*; нем. *das schwarze Schaf*); **ссора, недомолвка** (например: рус. *черная кошка пробежала / проскочила*; бел. *чорная кошка прабегла*); **достижение цели** (например: нем. *ein Schuß ins Schwarze*; бел. *як ні ары, абы чорным дагары*).

Концептуальное содержание цветонаименования «черный» характеризуется на уровне цветовых архетипа, эталонов, прототипов, эмоционального и социального стереотипов, а также символов следующими изоморфными для двух любых из сопоставляемых языков признаками: злой дух, дьявол, сатана; земля; туча; бездна, тьма, ад, черт; нефть; уголь; тревожный, беспокойный, смуглый; служебный, неглавный, непарадный; неквалифицированный; непривилегированный; грязный, неопрятный; трудовой, тягловый, податный; фашистский; плохой; ссора, недомолвка; достижение цели.

Дифференциальными признаками для фразеологических парадигм четырех сопоставляемых языков являются следующие семантические признаки цветонаименования «черный»:

Архетип: ночь (например: бел. *чорная коўдра*).

Эталон: грязь (например: рус. *напился, чернее матушки грязи*); **грех** (например: англ. *(as) black as sin*); **жук** (например: бел. *чорны, як жук*); **чернила** (например: англ. *(as) black as ink*); **шляпа** (например: англ. *(as) black as my / your hat*).

Прототип: земля (например: англ. *black wax*); **кровь** (например: англ. *black pudding*); **крот** (например: англ. *the little gentleman in black velvet*); **просмоленная кожа** (например: англ. *a black jack*); **блоха** (например: рус. *черненько, маленько, в платье вскочило, царя разбудило*).

Оценочный стереотип: неблагоприятный (например: нем. *mit etw. sieht es schwarz aus*); **трагичный** (например: англ. *a black comedy*).

Символ: отказ (например: англ. *black ship / blackleg labour*); **редкое явление** (например: англ. *black swan*); **пиратский** (например:

англ. *black flag*); **прибыль, богатство** (например: нем. *in die schwarzen Zahlen kommen*); **тюрьма** (например: англ. *black hole*); **обвинительный приговор** (например: англ. *put on the black cap*).

Социальный стереотип: преступный (например: англ. *the Black Hand*); **отсутствие денег** (например: нем. *schwarz werden*); **простонародный** (например: рус. *черный народ*); **готический шрифт** (например: англ. *black letter book*).

Следовательно, концептуальное содержание цветоименования «черный» характеризуется на уровне цветовых архетипов, эталонов, прототипов, эмоционального и социального стереотипов, а также символов следующими дифференциальными для фразеологических парадигм четырех сопоставляемых языков признаками: ночь; грязь; грех; жук; чернила; шляпа; земля; кровь; крот; просмоленная кожа; блоха; неблагоприятный; трагичный; отказ; редкое явление; пиратский; прибыль, богатство; тюрьма; обвинительный приговор; преступный; отсутствие денег; простонародный; готический шрифт. Выделенные признаки являются национально-специфичными для каждого из 4 изучаемых языков, так как каждый из них единично встречается на фразеологическом материале отдельно взятого языка.

Таким образом, проведенный в данной статье анализ фразеологических единиц с компонентом цвета (на материале английского, немецкого, русского и белорусского языков) показал, что:

- универсальные и культурно-специфические элементы фразеологических единиц с компонентом цвета английского, немецкого, русского и белорусского языков проявляются на уровне системной организации элементов опыта;
- когнитивные категории концептуализации цветового пространства в форме цветовых архетипов, прототипов, стереотипов, эталонов и символов являются универсальными для фразеологических парадигм изучаемых языковых коллективов;
- межъязыковая идиоматичность/изоморфность концептуального содержания отдельно взятых цветов и всего цветового поля выступает в виде набора выявленных интегральных и дифференциальных признаков цветоименований, актуализирующихся в составе фразеологических единиц с компонентом цвета;

- количество семантических признаков цветоименований, актуализированных во фразеологических парадигмах сопоставляемых языков, стало основой определения степени межъязыковой идиоматичности цветовых концептов сопоставляемых языков;

- степень межъязыковой идиоматичности цветовых концептов на материале рассматриваемых языков равна $\approx 0,9$. Следовательно, фразеологические парадигмы концептуального поля «цвет» рассматриваемых языков характеризуются высокой степенью национально-культурного своеобразия;

- в результате анализа были выявлены изоморфные признаки для фразеологических парадигм четырех, трех и двух из сопоставляемых языков, а также дифференциальные признаки для фразеологических парадигм четырех сопоставляемых языков;

- этнокультурными особенностями фразеологических единиц с компонентом цвета на материале английского, немецкого, русского и белорусского языков являются особенности распределения семантических признаков цветоименований, являющихся компонентами ФЕ. Каждая сема представляет собой отражение в сознании носителей языка различных черт, объективно присущих окружающей действительности цвета либо приписываемых ей языковой средой;

- этнокультурными особенностями концептуального содержания, например цветоименования «черный», являются следующие признаки фразеологически представленного цветового концепта: ночь, грязь, грех; жук; чернила; шляпа; земля; кровь; крот; просмоленная кожа; блоха; неблагоприятный; трагичный; отказ; редкое явление; пиратский; прибыль, богатство; тюрьма; обвинительный приговор; преступный; отсутствие денег; простонародный; готический шрифт.

Литература

1. Супрун, А. Е. Принципы сопоставительного изучения лексики / А. Е. Супрун // Методы сопоставительного изучения языков : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1988. – С. 26–31.

2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.

3. Универсалии и типологические исследования: Мещаниновские чтения : сб. ст. / АН СССР Ин-т языкознания, науч. совет по теории совет. языкознания ; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1974. – 144 с.

4. Райхштейн, Ф. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Ф. Д. Райхштейн. – М. : Высш. шк., 1980. – 143

5. Методы сопоставительного изучения языков : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1988. – 94 с.

6. Солодуб, Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект) / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. – М. : Флинта, Наука, 2002. – 259 с.

7. Сопоставительная лингвистика и проблемы преподавания иностранных языков : сб. ст. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, фак. иностр. яз. / под ред. Г. Тер-Минасовой. – М., 1994. – 159 с.

8. Сопоставительное описание русского и белорусского языков: Морфология / А. Н. Булыко [и др.] ; под ред. А. Н. Булыко. – Минск : Навука і тэхніка, 1990. – 336 с.

9. Савицкий, В. М. Основы общей теории идиоматики / В. М. Савицкий. – М. : Гнозис, 2006. – 208 с.

М. С. Качур, П. С. Борисовец

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В АСПЕКТЕ СЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Целью данной статьи является изучение семиологической сущности фразеологического значения. Семиологическая интерпретация значения языковых единиц представляет собой исследование свойств единиц языка и правил их сочетания в аспекте их знаковой природы. Знаковый процесс, или семиозис, связан с решением основного гносеологического вопроса о взаимодействии языка, мышления и действительности. Цель семиологического описания в анализе репрезентативной функции словесных знаков, суть которых – служить репрезентатами окружающего человека мира, выражать при помощи механизма ассоциативной связи двух сторон знака, находящихся друг к другу в отношении формы знака и его значения, безграничное количество понятий, их комбинаций и тончайших отличительных признаков [1, 71]. На основе семиологического принципа закон знака и соотношение содержания и формы языковой единицы интерпретируются как процесс первичного и вторичного знакообразования. Первичное знакообразование представляет собой образование первичных представлений и обыденных понятий, вторичное знакообразование – семантическое развертывание этих представлений в структуре значения языковой единицы [2]. При этом знаковый подход требует детализации внеязыковых факторов, репрезентируемых данным словесным знаком.

Анализ фразеологических единиц с семиологической точки зрения фразеологического знака позволяет интерпретировать семантическое содержание компонентного состава фразеологических единиц, определяя сферу действительного, к элементам которой прилагаются переосмысляемые значения слов. Однако в основе формирования фразеологического значения лежат знаки, представляющие собой многослойное единство ценностно-смыслового, образного и обыденно-понятийного осмысления определенного элемента реальной действительности, что представляет собой взаимодействие различных типов знаний в процессах фразеологической номинации.

Возможность оперирования многообразием лингвистических и энциклопедических знаний в речемыслительной деятельности обеспечивается определенной упорядоченностью единиц в памяти человека. Упорядоченные определенным образом сведения о внеязыковой действительности и знания о системе языка, правилах использования языковых единиц ложатся в основу вторичной категоризации явлений окружающей действительности. Она основывается на косвенно-производной познавательной деятельности человека, представляющей собой «как бы второй уровень когнитивного абстрагирования от предметно-логической картины мира» [2]. На этом этапе познания происходит преобразование концептуальной картины мира по линии интерпретирующего осмысления первоначально сложившейся системы концептов в структурах языкового сознания, осуществляется вторичная переработка знаний, их имплицитная интерпретация, коммуникативно-прагматическое и этнокультурное обогащение, формируется лингвокогнитивный план содержания информации – лингвокогнитивная картина мира [2], [3].

Логической предпосылкой вторичной категоризации выступает способность человека видеть и находить всевозможные ассоциативные признаковые связи между предметами и явлениями действительности, «которые рассматриваются как существенные для них относительно лингвокогнитивного отражения действительности в словесных знаках, играющих семиологически разрешающую роль в этих процессах именовании» [4, 179]. Суть ассоциативного мышления состоит не столько в способности видеть сходство между предметами, сколько в способности извлекать из подобия смысл [5].

Анализируя, сопоставляя и объединяя разные вербализованные концепты, человек формирует качественно новые концепты, «происходит порождение сложных смыслов, кодирующих разноаспектный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – опыт типизации событий и явлений» [2]. В этот момент, по данным Ж. Пиаже, возникают символические средства мышления [5]. Символическая функция мышления состоит в соотнесении означающего (символа) с некоторым множеством, совокупностью

однородных означаемых. Далее следует этап комбинаторных операций и пропозициональной логики. Н. В. Алефиренко описывает этот процесс следующим образом: «комбинаторные операции вводят вербализованные структуры символического мышления в систему общих связей и отношений, систему, которая служит основой пропозициональных операций... – импликации, инверсии, соответствия и корреляции» [2, 38].

В результате концепты все время изменяются, меняется их объем, содержание, набор признаков, появляются новые идеальные сущности, объединенные по какому-либо общему признаку, формируются концепты, требующие косвенно-производной номинации, основным средством которой выступают единицы фразеологической номинации.

Таким образом, в основе формирования фразеологического значения лежат виртуальные знаки многослойного содержания. Они не только репрезентируют окружающий мир, выражают его безграничное количество признаков и свойств, но и вербализуют субъективное его восприятие человеком на основе уже сформировавшегося опыта, социальной значимости отдельных эпизодов и коммуникативных намерений, стереотипно возникающих в определенной жизненной ситуации. При такой интерпретации фразеологического значения реализуется семиологический принцип описания языкового знака, где соотношение содержания и формы выражения интерпретируется как процесс первичного и вторичного знакообразования.

Материалом изучения семиологической сущности фразеологического значения послужили фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом тематической группы «Физика. Явления природы» немецкого языка. Под тематической группой, вслед за В. Г. Гаком, понимается объединение слов по смежности значений [6]. Подвергнутые анализу ФЕ получены методом сплошной выборки из фразеологических словарей немецкого языка [7]–[9]. Экспериментальный материал составил 369 ФЕ.

В таблице 1 представлен список компонентов тематической группы «Физика. Явления природы» немецкого языка, вошедших

в экспериментальную выборку, и количество ФЕ с данными компонентами.

Таблица 1 – Компоненты ФЕ тематической группы «Физика. Явления природы»

Компонент ФЕ тематической группы «Физика. Явления природы»	Количество ФЕ	Компонент ФЕ тематической группы «Физика. Явления природы»	Количество ФЕ
Der Blitz – молния	6	Die Luft – воздух	40
Der Boden – земля (почва)	46	Der Mond – луна	13
Der Donner – гром	8	Die Nacht – ночь	18
Das Dunkel – темнота	10	Der Nebel – туман	3
Das Echo – эхо	1	Der Regen – дождь	1
Das Eis – лед	7	Der Schnee – снег	2
Die Erde – земля	18	Das Schneegestöber – метель	1
Das Feuer – огонь	21	Die Sonne – солнце	9
Der Finster – мрак	1	Der Tag – день	59
Der Himmel – небо	38	Der Wind – ветер	30
Das Licht – свет	31	Die Wolke – облако	6
Всего ФЕ			369

Как видно из таблицы, экспериментальный материал данной работы включает в себя ФЕ со следующими компонентами тематической группы «Физика. Явления природы»: der Blitz – молния, der Boden – земля (почва), der Donner – гром, das Dunkel – темнота, das Echo – эхо, das Eis – лед, die Erde – земля, das Feuer – огонь, der Finster – мрак, der Himmel – небо, das Licht – свет, die Luft – воздух, der Mond – луна, die Nacht – ночь, der Nebel – туман, der Regen – дождь, der Schnee – снег, das Schneegestöber – метель, вьюга, die Sonne – солнце, der Tag – день, der Wind – ветер, die Wolke – облако. Количество всех компонентов в экспериментальной выборке данной работы равно 22. Количественное распределение ФЕ с названными компонентами разнообразно. Наибольшая частотность проявляется у «der Tag – день» – 59 ФЕ; «der Boden – земля (почва)» – 46 ФЕ; «die Luft – воздух» – 40 ФЕ; «der Himmel – небо» – 38 ФЕ; «das Licht –

свет» – 31 ФЕ; «der Wind – ветер» – 30 ФЕ. Наименьшей частотностью характеризуются следующие компоненты ФЕ: «das Echo – эхо», «der Finster – мрак», «der Regen – дождь».

Очевидным является то, что экспериментальный материал представляет собой репрезентацию физической сферы действительности. Особенность процесса фразеологизации состоит в том, что направленность фразеологического значения на внеязыковой ряд всегда опосредована смысловым содержанием слов, выступающих в роли семантически ключевых в данном сочетании. Поэтому такие слова можно рассматривать как опорные наименования. Их денотацией определяется та сфера действительного, к элементам которой прилагаются переосмысливаемые значения слов. В результате формирование нового значения исходного сочетания слов происходит в результате переосмысления слов-компонентов. Смысловое содержание компонентного состава ФЕ определяет сферу действительности, элементы которой, в свою очередь, влияют на переосмысление значений слов в структуре фразеологического значения [4, 147], [6, 80]. Например, ФЕ *im Dunkeln liegen* представляет собой смысловое содержание компонентного состава «лежать в темноте», которое определяет переносное значение данной ФЕ «лежать в темноте → быть невидимым → оставаться неизвестным». Сравним также ФЕ *nach dem Mond greifen*, где смысловое содержание компонентного состава «хвататься за луну» определяет нереальность выполнения данного действия, в результате чего ФЕ имеет переосмысленное значение 'пытаться достичь невозможного; гнаться за журавлем в небе', или значение компонентного состава ФЕ *auf Regen folgt Sonnenschein* – 'за дождем следует солнечный свет' определяет реальную ситуацию природного явления, что после дождя выглядывает солнце (смена погодных явлений, как закономерный процесс). В результате переосмысления этой реальной ситуации действительности, а также отождествления солнечной погоды с хорошим настроением, а дождливой с тоскливым, данное сочетание слов получает переосмысленное значение «пройдет печаль – настанет радость».

Отнесение имени к смыслу и смысла имени к фрагменту действительности, называемому данным именем, выполняет отношение именованности [4]. Изучение структуры отношения именованности

позволяет интерпретировать реальное значение исследуемых единиц, соотнося признаки, положенные в основу вторичной номинации, с концептуальными связями, отражающими их природную (естественную) связь с действительностью. Проанализированный экспериментальный материал позволяет в результате изучения структуры отношения именованного интерпретировать признаки, положенные в основу фразеологической номинации. Приведем в таблице 2 обобщенный перечень актуализированных признаков в семантике изучаемых ФЕ в соответствии с компонентным составом.

Таблица 2 – Семантические признаки компонентов ФЕ тематической группы «Физика. Явления природы»

Компонент ФЕ тематической группы «Физика. Явления природы»	Семантический признак	Компонент ФЕ тематической группы «Физика. Явления природы»	Семантический признак
Der Blitz – молния	Быстро	Die Luft – воздух	Свежесть, свобода
Der Boden – земля (почва)	Богатство, опора	Der Mond – луна	Невероятность
Der Donner – гром	Неожиданность	Die Nacht – ночь	Темнота, неизвестность; грех
Das Dunkel – темнота	Забвение, неизвестность	Der Nebel – туман	Неизвестность
Das Echo – эхо	Отклик, сочувствие	Der Regen – дождь	Надежда
Das Eis – лед	Затруднение	Der Schnee – снег	Быстротечность
Die Erde – земля	Могила; прочность	Das Schneegestöber – метель	Невероятность
Das Feuer – огонь	Страсть, воодушевление; опасность	Die Sonne – солнце	Радость, свет, тепло
Der Finster – мрак	Неизвестность	Der Tag – день	Дневное время суток; счастье, радость; ясность, правда

Der Himmel – небо	Счастье, надежда; Бог	Der Wind – ветер	Непогода, перемены
Das Licht – свет	Ясность, правда	Die Wolke – облако	Беда; нереальность;

В результате проведенного анализа было установлено, что смысловое содержание компонентного состава фразеологических единиц тематической группы «Физика. Явления природы» определяет сферу действительного, к элементам которой прилагаются переосмысляемые значения слов. Элементы физической сферы действительности влияют на переосмысление значений слов в структуре фразеологического значения, задают свойственные отраженной в прямом значении описываемой ситуации признаки.

Сказанное позволяет сделать вывод, что процесс фразеологической номинации обуславливает и выбор, и комбинацию слов, через посредство которых вторичное значение соотносится с номинируемым объектом. Поэтому такие слова можно рассматривать как опорные наименования. Их денотацией определяется та сфера действительного, к элементам которой прилагаются переосмысляемые значения слов. В таком случае компонентный состав ФЕ выступает в роли репрезентативной метки, знака, указывающего на обозначаемое данной меткой содержания.

Понимание значения языковой единицы в когнитивной парадигме предусматривает его референцию через фреймовое включение, т.е. языковой знак указывает на мир своим значением, которое встраивается в структуры знания о мире – прототипы, фреймы (сценарии), являющиеся своего рода концептуальными посредниками между собственно языковым значением и обозначаемой действительностью. Прототип – это то, что психологи называют типовым образом (стереотипом, эталоном); то, что лингвисты соотносят с денотатом (выделенным при номинации представителем класса (множества) объектов), и то, во что, по мнению когнитологов, упакованы знания. Прототип формирует смысл и условия референции; в нем фиксирован обобщенный и усвоенный субъектом общественный опыт взаимодействия с этим классом объектов.

В основе фразеологической номинации лежит не отдельный предмет или объект действительности, а целая ситуация, разворачиваемая во времени и пространстве последовательность

отдельных эпизодов. Например, в основе ФЕ *wie ein Blitz aus heiterem Himmel* – ‘как гром среди ясного неба’ лежит погодная ситуация, состоящая из следующих эпизодов: безоблачное небо → ясная погода → гром → резкое изменение погодных условий. Данная погодная ситуация в структуре фразеологической единицы актуализирует значение неожиданной, резкой смены чего-то. Выбор данной денотативной ситуации обусловлен характером отражаемого содержания. Переосмысление этой ситуации рождает новое образное представление предмета фразеологической номинации «внезапно, неожиданно». Фразеологическое значение определено переосмыслением реальной ситуации резкого изменения погодных условий. Ситуацию, лежащую в основе ФЕ, мы рассматриваем как прототипную ситуацию фразеологического значения [10].

Под прототипной ситуацией мы понимаем информацию, соответствующую буквальному значению фразеологизма на поверхностном уровне, и фактическую информацию глубинного уровня. За информацией поверхностного уровня закрепляется содержание, которое в результате переосмысления рождает новое, образное представление предмета фразеологической номинации. Образное воплощение значения предметов и понятий материального и духовного мира представляет собой интерпретацию одних сущностей в терминах других, не тождественных обозначаемому, на основе их реального или мнимого сходства посредством внутренней формы языковой единицы. Внутренняя форма – это признак, положенный в основу номинации. Он устанавливается при наложении буквального значения на номинальное (переосмысленное), и становится видно, какие участки их структур и каким способом совместились между собой. Например, прототипной ситуацией ФЕ *der Boden brennt j-m unter den Füßen* – ‘земля горит под ногами у кого-л.’ является представление горящей земли под ногами человека, заставляющей его в результате причиненной боли ногам быстро предпринимать что-либо, чтобы избежать этой боли (например, бежать). За этим представлением в результате переосмысления закрепляется содержание «делать что-либо очень быстро вследствие обстоятельств». «Горящая земля под ногами человека» представляет собой информацию поверхностного

уровня, а «делать что-либо очень быстро вследствие обстоятельств» – фактическая информация глубинного уровня. Признак «быстро» явился внутренней формой данной фразеологической номинации. Рассмотрим еще несколько примеров.

В основе ФЕ *eine dunkle Wolke zieht sich über j-n zusammen* – ‘тучи сгущаются над кем-л.; кому-л. угрожает беда’ лежит прототипная ситуация явления природы сгущения туч в одном месте перед дождем, что является информацией поверхностного уровня. На глубинном уровне в результате переосмысления реальной ситуации актуализируется переосмысленное содержание «кому-л. угрожает беда» как последовательность следующих эпизодов: сгущение туч → плохая погода с дождем, возможно гром и молния, буря → отрицательная оценочность → угроза беды. В результате внутренней формой переосмысленного значения данной ситуации выступает признак «плохо».

На поверхностном уровне ФЕ *mit dem Winde zu segeln verstehen* – ‘уметь приспособиться к обстоятельствам, уметь лавировать’ лежит прототипная ситуация «плавать под парусами» со следующими эпизодами: плыть под парусами → навык управлять парусами в соответствии с направлением ветра → положительная оценочность → навык управлять обстоятельствами в зависимости от ситуации → уметь лавировать, уметь приспособиться к обстоятельствам. Внутренней формой является признак «хорошо».

Прототипной ситуацией ФЕ *wenig Tage gesehen haben* – ‘видеть мало хорошего в жизни, много испытать в жизни’ является следующая последовательность эпизодов: день → свет → положительная оценочность → положительные эмоции → быть счастливым → малое количество светлых дней → недостаточное количество положительных эмоций → отрицательная оценочность. Признак «хорошо», актуализирующийся в переосмысленном значении в роли внутренней форм, негилируется компонентом «wenig», употребленном в своем прямом значении.

Как следует из вышеприведенных примеров, ФЕ не называют предметы или явления окружающей действительности, а выражают связанные с ними коннотации (оценочно-смысловые отношения). На экспериментальном материале нашей работы выявлены признаки, лежащие в основе фразеологической номинации (например, «внезапно, неожиданно», «быстро», «плохо» и «хорошо»). Это подтверждает, что в основе формирования фразеологического значения лежат виртуальные знаки многослойного содержания. Они не только репрезентируют окружающий мир, выражают его безграничное количество признаков и свойств, но и вербализуют субъективное его восприятие человеком на основе уже сформировавшегося опыта, социальной значимости отдельных эпизодов и коммуникативных намерений, стереотипно возникающих в определенной жизненной ситуации. При такой интерпретации фразеологических единиц реализуется процесс взаимодействия языка, мышления и действительности в знаках фразеологической номинации, что и представляет собой их семиологическую сущность.

Анализ экспериментального материала с семиологической точки зрения фразеологического знака позволяет утверждать, что семантическое содержание компонентного состава фразеологических единиц данной тематической группы определяет сферу действительного, к элементам которой прилагаются переосмысляемые значения слов, и репрезентируют особенности физической организации окружающего нас мира. Однако приоритетная роль в формировании фразеологической семантики принадлежит вербализации не столько объективных свойств и признаков предмета фразеологической номинации, сколько субъективному их восприятию.

Литература

1. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. – М. : ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.

3. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и Лингвокультурология : лекцион. курс / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 283 с.

4. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (виды наименований) / А. А. Уфимцева [и др.]; отв. ред.: Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М., 1977. – Гл. III. – С. 129–221.

5. Пиаже, Ж. Генетический аспект языка и мышления / Ж. Пиаже // Психоллингвистика : сб. ст. / общ. ред. А. М. Шахнаровича. – М., 1984. – С. 325–335.

6. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 786 с.

7. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. – М. : Русский язык, 1975. – 656 с.

8. Duden : Der Duden in 12 Bd. : Das Standardwerk zur deutschen Sprache. Dudenverlag. Bd. 11 : Redewendungen und Sprichwörtliche Redensarten : Wörterbuch der deutschen Idiomatik / bearb. von G. Drosdowski u. W. Scholze-Stubenrecht. – Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1992. – Bd. 11. – 864 s.

9. Большой немецко-русский словарь / К. Лейн [и др.]. – 6-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1999. – 1040 с.

10. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 287 с.

А. В. Кавалёва

ДЭНАМІНАЦЫЯ БЕЛАРУСКІХ АЙКОНІМАЎ

XX стагоддзя

Назвы населеных пунктаў, або айконімы, з'яўляюцца крыніцай самай разнастайнай інфармацыі – лінгвістычнай і экстралінгвістычнай. Айконімы з'яўляюцца своеасаблівымі помнікамі духоўнай культуры пэўнага этнасу, «неад'емнай часткай фонавых ведаў носьбітаў пэўнай мовы і культуры» [1, 84]. Анамастычныя адзінкі адлюстроўваюць фізіка-геаграфічныя асаблівасці мясцовасці, заняткі і рамёствы тагачаснага насельніцтва.

З'ява дэнамінацыі айконімаў (замена старога імя на новае) засведчана ў кожны гістарычны перыяд: *Царград* → *Канстанцінопаль* → *Стамбул*, *Крутагор'е* → *Койданава* → *Дзяржынск*. Пэўная эпоха

стварае ў айканіміі новыя тапанімічныя мадэлі і новыя тапаасновы ў залежнасці ад ступені развіцця грамадства. Кастрычніцкія падзеі 1917 года абумовілі з'яўленне новай ідэалогіі, якая закранула ўсе сферы тагачаснага соцыума. У тапаніміі Беларусі гэта найперш адбілася ў масавых перайменаваннях геаграфічных аб'ектаў. З розных крыніц намі выяўлена больш за 900 такіх айканімічных адзінак. Традыцыйныя тапонімы замяняліся на саветонімы-мемарыялы, якія ўшаноўвалі палітычных і дзяржаўных дзеячаў (У. Ленін → *Леніна*), адлюстроўвалі паняцці сацыялістычнай вытворчасці (ураджай → *Ураджайная*, энергетык → *Энергетыкаў*), сімвалы (факел → *Факел*, жыццё → *Новае Жыццё*), новыя святы (Першае Мая → *Першае Мая*). Такія наватворы з'яўляліся знакамі «ідэалагічнага маркіравання тапанімічнай прасторы» [2, 70]. На працэс дэнамінацыі ў беларускай айканіміі звярталі ўвагу Я. Адамовіч, В. Лемцюгова, Л. Лыч, Г. Мезенка, Я. Рапановіч, Г. Цыхун, В. Шур і іншыя. Страчаныя айканімічныя адзінкі яшчэ не былі аб'ектам усебаковага даследавання, а ў наш час узнікаюцца пытанні аб мэтазгоднасці такіх замен і вяртанні часткі страчаных онімаў у тапанімічную сістэму, таму аналіз такіх айконімаў з'яўляецца актуальным.

Асаблівай інтэнсіўнасці з'ява дэнамінацыі айконімаў Беларусі дасягнула ў 20-я і 60-я гады ХХ стагоддзя, бо менавіта ў гэтыя перыяды адбылася найбольшая колькасць замен. Вызначаюцца два асноўныя матывы перайменаванняў: імкненне замяніць старыя назвы, што звязаны з былымі рэаліямі ці імёнамі мінулага, якія не адпавядалі новым сацыяльным з'явам, і жаданне ўвесці новыя найменні, што адлюстроўвалі тагачасныя ідэалагічныя стэрэатыпы краіны [3, 54].

Айконімы, апелятывы якіх абазначалі былыя рэаліі, змяшчалі інфармацыю пра заняткі, рамёствы і промыслы тагачаснага насельніцтва, формы землекарыстання, таксама, на думку кіраўнікоў дзяржавы, не адпавядалі ідэалам тагачаснага грамадства, а таму замяняліся. Страчаная адзінка *Востры Канец* (з 1964 г. *Рачная*, Верхн.) матывавана назвай зямельнага надзелу *канец* 'участак ніў, які ўпіраецца ў іншае поле' [4, 19], атрыбутыўны кампанент *востры* ўказвае на форму зямельнага надзелу. Айконім *Глыбокі Брод* (з 1948 г. *Кіраўка*, Бял.) паходзіць ад драмонімнага апелятыва *брод*

‘мелкае месца на ўсю шырынню ракі, возера, старыцы, балота, па якім пераходзяць пешшу’ [5, 105]. Дэнамінацыі падлягалі найменні, апелятывы якіх абазначалі заняткі ці рамёствы тагачаснага насельніцтва. Страчаны айконім *Паташня* (з 1945 г. *Мар’янолле*, Паст.) утвораны ад апелятыва *паташня* ‘месца, прадпрыемства ў лесе, дзе выпальвалі драўнінавы попел для вырабу паташу (вуглякіслага калію)’ [5, 499]. У Буда-Кашалёўскім раёне да 1964 года існавала адзінка *Гута* (з 1964 г. *Вазраждзенне*), якая паходзіць ад апелятыва *гута* ‘завод меднага ці шклянога посуду’. Айконім *Ліхтэрня* (з 1930 г. *Чырвоная Ніва*, Хойн.) матываваны прамысловым апелятывам *ліхтэрня* ‘прадпрыемства, на якім выраблялі ліхтэры – невялікія грузавыя судны тыпу баржы’ і іншыя. Замяняліся адзінкі, якія суадносіліся з назвамі тагачасных тыпаў паселішчаў. Так, айконімы *Двор* (з 1920 г. *Чырвоны*, *Араты*, Хойн.), *Фальварак* (з 1964 г. *Садовая*, Сен.) утвораны ад апелятываў *двор* ‘населены пункт, паселішча хутарскага тыпу, шляхецкае землеўладанне’ і *фальварак* ‘зямельнае ўладанне феадала’ [6, 76, 132]. Страчаная назва паселішча *Маёнтак* (з 1938 г. *Камунар*, Чэр.) паходзіць ад лексемы *маёнтак* ‘панскае памесце, фальварак’ [5, 416].

Да «абразлівых» адносілі і некаторыя айконімы, якія страцілі сваю першапачатковую семантыку і набылі ў сучаснай беларускай мове іншае ці дадатковае значэнне. Страчаная назва паселішча *Пагост* (з 1918 г. *Пабеда*, Шум.) матывавана лексмай *пагост* ‘населены пункт з царквой, сядзіба сельскай абшчыны з праваслаўнымі могілкамі’ [5, 461]. Гэты апелятыў у сучаснай беларускай мове набыў дадатковае значэнне *пагост* ‘могільнік’; гэта, відаць, з’явілася прычынай замены. Гелонімны апелятыў *язва* ‘гнілое балота, невялікая балоцінка’ [5, 713] засведчаны ў аснове страчанага айконіма *Язвы* (з 1964 г. *Усходняя*, Бых.), ён можа ўжывацца са значэннем *язва* ‘гнойная ранка на скуры, (разм.) пра злога, з’едлівага чалавека’. Страчаны айконім *Халуі* (з 1964 г. *Зарэчча*, Гар.) суадносіцца з лексмай *халуі* ‘падводны камень на рацэ, завалы ствалоў дрэў, што ўпалі ў раку’ [7, 351]. Гэты апелятыў мае значэнне *халуі* (пагард.) ‘назва слугі, лакея’, што паслужыла падставай для перайменавання.

Шматлікія адантрапонімныя айконімы таксама замяняліся, таму што такія адзінкі суадносяцца з апелятывамі, якія ў сучаснай

беларускай мове маюць негатыўныя канатацыі. У большасці такія онімы з'яўляліся дэрыватамі ад уласнага імя ўладальніка паселішча або першапачаўніка і яго нашчадкаў. Семантыка імені мела вялікае значэнне: пры імянарачэнні дзяцей бацькі пазбягалі абразлівых імёнаў, а імя з адмоўным значэннем давалася з прафілактычнай мэтай, каб пазбавіць дзіця ад хвароб ці няшчасця [8, 157–170]. У выніку перайменавання знікла з тапанімічнага ландшафту краіны адзінка *Быкі*, якая ў 1969 годзе ў Воранаўскім раёне была заменена на назву *Мілавідная*. У 1905 годзе айконім быў фальваркам у Седліцкай воласці Ашмянскага павета. У яго аснове – назва калектыву нашчадкаў, якая шляхам тапанімічнай метаніміі замацавалася за паселішчам. Адзінка паходзіць ад імені-мянушкі або прозвішча *Бык*, якое засведчана ў вядомых антрапаніміконах. Уласнае імя *Бык* суадносіцца з фаўністычным апелятывам *бык* ‘самец буйной рагатай жывёлы’. Культ гэтай жывёліны засведчаны на тэрыторыі Беларусі з часоў неаліту; бык асацыяваўся з богам урадлівасці зямлі, з'яўляўся сімвалам новага дня, што мае непасрэдную сувязь з узыходам сонца [9, 53–55]. Гэтае імя-мянушка ў якасці тапаасновы засведчана ва ўсіх рэгіёнах Беларусі, асабліва на Гродзеншчыне і Віцебшчыне: *Быкі*, *Быкоўшчына*, *Бычкі*, *Бычкова*, *Быкевічы*, *Быковічы* і іншыя. Перайменаванне адзінак з гэтай тапасновай прывяло да парушэння іх арэала.

Страчаная адзінка *Асталонава* (з 1969 г. *Светлая*, Гор.) паходзіць, верагодна, ад імені-мянушкі *Остолоп*, што фіксуецца на ўсходнеславянскім кантынууме з XVI стагоддзя [10, 234]. У сучаснай беларускай мове ўласнае імя *Остолоп* суадносіцца з апелятывам *асталоп*, які ўжываецца са значэннем дурань, ёлупень; бесталковы, што і з'явілася падставай для замены.

У Клецкім раёне да 1964 года існаваў айконім *Сабачкі* (сучасн. *Светлая*). Ён вядомы з XIX стагоддзя як назва паселішча ў Грыцэвіцкай воласці. Адзінка ўтворана ад уласнага імя *Сабака*, гэты антрапонім узыходзіць да апелятыва *сабака* ‘свойская жывёліна, якая выкарыстоўваецца для вартаўнічай аховы, на паляванні’. У сучасным айканіміконе аснова *Сабака* выяўляецца ў айконімах *Сабачоўка*, *Сабачкі*, перайменаванне адзінкі прывяло да парушэння арэала. У старажытнасці, згодна міфам і паданням, гэтая жывёліна ўспрымалася станоўча, сабака «надзяляўся здольнасцю прадбачыць

лѣс і прадказваць будучыню» [9, 443]. Але ў сучаснай беларускай мове апелятыў *сабака* набыў і пераноснае значэнне: ‘нягоднік, злосны, шкодны чалавек’.

Пэўная негатыўная канатацыя, відаць, выяўлялася ў айконіме *Жыдаўка* (з 1928 г. *Першамайская*, Лаг.), які вядомы з канца XIX стагоддзя як паселішча ў Прусавіцкай воласці Барысаўскага павета. У аснове адзінкі, верагодна, гіпакарыстык ад імя-кампазіта *Жидиславъ*, *Жидомир*, якое на славянскім кантынууме фіксуецца з XII стагоддзя [11, 85]. Страчаны айконім з асновай *Жыд-* і фармантам *-аўка* быў адзінкавым у беларускім тапанімічным ландшафце.

У пісьмовых крыніцах страчаны айконім *Відагошча* (сучасн. *Камсамалец*) зарэгістраваны з 1693 года як цэнтр маёнтка [12, 591]. У яго аснове, відавочна, уласнае імя-кампазіт *Widogost*, *Widogoszcz*, у славянскім антрапаніміконе яно вядома з пачатку XVII стагоддзя. Страчаны айконім *Зламышле* (з 1964 г. *Загародная*, Кам.) суадносіцца з антрапонімам **Zlomysl*, які не зафіксаваны ў беларускіх крыніцах, але ў славянскім антрапаніміконе яго магчыма рэканструюваць па мадэлі імёнаў-кампазітаў з пастпанентам *mysl* тыпу *Dobromysl*, *Drogomysl*, *Ninomysl*, *Siemomysl*, *Uniomysl*. Фіксацыя ўласнага імя *Želimysl* у форме *S(e)limisl* засведчана з 1136 года [13, 131].

Страчаная адзінка *Хатаевічы* (з 1939 г. *Акцябр*), што на Лагойшчыне, засведчана ўпершыню ў 1558 годзе як шляхецкая ўласнасць у Мінскім павеце. Айконім матываваны рэканструюваным антрапонімам **Хота*, *Хата* [14, 433]. Ён, магчыма, з’яўляецца гіпакарыстыкам ад уласнага імя *Хацімір*. Перайменаваны айконім *Хацеўка* (*Чырвоны Кастрычнік*) утвораны ад антрапоніма *Хотен*, *Хотян*, *Хотьян*, які таксама можа быць скарачонай формай уласнага імя *Хацімір*. Гэтая адзінка існавала да 1938 года ў Добрушскім раёне.

У гэты перыяд перайменаванню падлягалі спрадвечныя айконімы, звязаныя з рэлігійнай тэматыкай, што было выклікана прапагандай атэізму. Негатыўнае стаўленне выклікалі найменні, тапаасновы якіх суадносіліся з назвамі царкоўных збудаванняў: *Капліца* (з 1964 г. *Горная*, Маз.) ← *капліца* ‘невялікі царкоўны або касцёльны будынак з іконамі без алтара’; *Царкавішча* (з 1964 г. *Уладзіміраўка*, Віц.) ← *царкавішча* ‘месца, на якім стаяла царква’ [5, 686]; *Манастыр* (з 1964 г. *Мар’іна*, Чашн.) ← *манастыр* ‘царква і тэрыторыя, якія належаць

абшчыне манахаў або манашак'. Замяняліся адзінкі, якія суадносіліся з найменнямі асоб рэлігійнай сферы: *Дзякі* (з 1969 г. *Крыніцы*, Ваўк.) ← *дзяк* 'ніжэйшы царкоўны служыцель у праваслаўнай царкве'; *Папоўка* (з 1964 г. *Арэшанка*, Чашн.) ← *поп* 'асоба, якая праводзіць богаслужэнне'. Адзначым, што ў гэтых выпадках магчыма і адантрапанімічнае паходжанне онімаў ад прозвішчаў *Поп*, *Папоў*.

Айконімы, тапаасновы якіх выклікалі асацыяцыі з сацыяльнай няроўнасцю, прывілеяванымі класамі, таксама былі перайменаваны. Так, замяняліся адзінкі *Паноўка* (з 1964 г. *Знамя*, Тал.), *Каралі* (з 1938 г. *Большавік*, Сен.), *Цараўцы* (з 1935 г. *Кірава*, Слуц.), тапаасновы якіх суадносіліся з апелятывамі *пан* 'уладальнік маёнтка, асоба, якая належыць да прывілеяваных слаёў грамадства'; *кароль* 'тытул манарха ў некаторых краінах'; *цар* 'тытул манарха ў Расіі, Балгарыі, Сербіі'. Але гэтыя страчаныя айконімы пераважна адантрапанімічнага паходжання і паходзяць ад уласных імёнаў *Пан* [14, 313], *Кароль* [14, 187]. Замяняліся айконімы, якія суадносіліся з прозвішчамі вядомых ваенных дзеячаў грамадзянскай вайны Л. Карнілава, М. Юдзеніча: *Карнілавічы* (з 1964 г. *Ударная*, Сен.), *Юдзенічы* (з 1964 г. *Савецкая*, Сен.); з прозвішчам царскай дынастыі Раманавых: *Раманава* (з 1918 г. *Леніна*, Гор.), але гэтыя адзінкі ўтвораны ад царкоўных імёнаў у іх размоўных формах або мянушак – ад антрапонімаў *Корніло* [15, 102], *Роман* [15, 141], *Юдзік*, *Юдко* [14, 496].

Адбылася змена намінацыі «нейтральных» айконімаў, апелятывы якіх з'яўляліся фізіка-геаграфічнымі тэрмінамі, што ўказвалі на асаблівасці мясцовасці. Страчаная адзінка *Барок* (з 1934 г. *Надзежда*, Добр.) утворана ад лексемы *бор* 'стары густы сасновы лес, які расце на высокім месцы'. Айконім *Круты Роў* (з 1937 г. *Сярэбраны Ручай*, Крыч.) паходзіць ад аронімнага апелятыва *роў* 'доўгае паглыбленне, выкапанае ў зямлі, канава'. Страчаныя назвы паселішчаў *Цёмнае Балота* (з 1973 г. *Сасновы Бор*, Шчуч.), *Крыніца* (з 1930 г. *Новы*, Пух.) матываваны гідраграфічнымі тэрмінамі *крыніца* 'натуральны выхад падземных вод на паверхню зямлі, вадаём, які ўтвараецца на месцы выхаду падземных натуральных вод'; *балота* 'нізкае багністае месца, звычайна са стаячай вадой і вільгацелюбнай расліннасцю' і іншыя.

У разрад замененых назваў трапілі і адгідронімныя адзінкі, утвораныя шляхам трансанімізацыі ад назваў кантактных гідронімаў. Айконім *Каўпыніца* (з 1962 г. *Колас*, Круп.) паходзіць ад патамоніма *Каўпыніца*, правага прытока р. Нача (бас. Дняпра); страчаная назва паселішча *Обаль* (з 1931 г. *Ферма*, Шум.) утворана ад гідроніма *Обаль*, правага прытока Заходняй Дзвіны.

Такім чынам, у працэсе дэнамінацыі замене падлягалі айконімы, што мелі «абразлівыя канатацыі», суадносіліся з рэлігійнай тэматыкай, з назвамі прывілеяваных класаў, указвалі на былыя рэаліі. У шматлікіх выпадках значэнне апелятываў спрадвечных найменняў не ўтрымлівала негатыўных канатацый, якія ім надаваліся па недасведчанасці. Перайменаванні прывялі ў шэрагу выпадкаў да страты традыцыйных айконімаў, тапаасновы якіх ўтрымлівалі звесткі аб асаблівасцях гаспадарчай дзейнасці, фізіка-геаграфічных асаблівасцях мясцовасці, імёнах-мянушках тагачаснага насельніцтва, таму мэтазгодна вяртанне шматлікіх страчаных адзінак у тапанімічную сістэму краіны.

Літаратура

1. Томахин, Г. Д. Топонимы как реалии языка и культуры (на материале географических названий США) / Г. Д. Томахин // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 84–90.
2. Калиновська, О. В. Специфіка конотативних значень на позначення просторових понять в українському політичному дискурсі ХХ століття / О. В. Калиновська // Наукові записки. Національний університет «Києво-Могилянська академія». – 2006. – Том 60 : Філологічні науки. – С. 66–71.
3. Поспелов, Е. М. Переименования городов и сел в СССР / Е. М. Поспелов // Топонимика СССР / АН СССР, Моск. филиал географического общества ; под ред.: Е. М. Поспелова [и др.]. – М., 1990. – С. 54–73.
4. Лемцюгова, В. П. Беларуская айканімія. Лінгвістычны аналіз населеных пунктаў Мінскай вобласці / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 156 с.
5. Яшкін, І. Я. Слоўнік беларускіх мясцовых географічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія / І. Я. Яшкін. – Мінск : Бел. навука, 2005. – 808 с.
6. Лемтюгова, В. П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения: названия типов поселений / В. П. Лемтюгова. – Минск : Наука и техника, 1983. – 198 с.
7. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1984. – 653 с.

8. Худаш, М. Л. 3 історіі украінської антропонимії / М. Л. Худаш. – К. : Наукова думка, 1977. – 236 с.
9. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўнік / С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
10. Веселовский, С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – М. : Наука, 1974. – 381 с.
11. Морошкин, М. Славянский именовослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке / М. Морошкин. – СПб., 1867. – 213 с.
12. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінскага раёна / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭН, 1998. – 640 с.
13. Malec, M. Staropolskie skrócone nazwy osobowe od imion dwuczłonowych / M. Malec. – Wrocław etc. : PAN, 1982. – 220 s.
14. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 505 с.
15. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – 328 с.
16. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.

Спіс умоўных скарачэнняў

а) раёнаў:

Бых. – Быхаўскі, Бял. – Бялыніцкі, Ваўк. – Ваўкавыскі, Верхн. – Верхнядзвінскі, Віц. – Віцебскі, Гарад. – Гарадоцкі, Гор. – Горацкі, Добр. – Добрушскі, Кам. – Камянецкі, Круп. – Крупскі, Крыч. – Крычаўскі, Лаг. – Лагойскі, Маз. – Мазырскі, Паст. – Пастаўскі, Пух. – Пухавіцкі, Сен. – Сенненскі, Тал. – Талачынскі, Хойн. – Хойніцкі, Чашн. – Чашніцкі, Чэр. – Чэрыкаўскі, Шум. – Шумілінскі, Шчуч. – Шчучынскі.

б) іншае:

бас. – басейн

р. – рака

И. О. Ковалевич

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОТСУБСТАНТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ДЕТСКОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

В науке доказано, что ребенок усваивает язык активно (в отличие от пассивного механического копирования или заучивания), конструктивно, постоянно анализируя языковые явления. Несомненным является тот факт, что детская языковая и речевая активность, неотъемлемой частью которой является воображение, носит творческий характер. По мнению известного психолога В. Кудрявцева, «для того, чтобы постичь реальную сущность предмета, ребенок должен его вообразить, взглянуть на него с нетрафаретной, а подчас и парадоксальной точки зрения» [1, 18]. Словообразование, в свою очередь, и представляет собой свободное экспериментирование со звуковой оболочкой слов. Все детские окказионализмы, появившиеся как результат детского словообразования, являются производными единицами, созданными в номинативных целях.

Многие психологи и лингвисты отмечают большой интерес детей к глаголам. По данным А. Н. Гвоздева и М. П. Феофанова глаголы наряду с именами существительными появляются в речи детей в раннем возрасте. Гораздо позже в словарь ребенка входят наречия, местоимения и прилагательные. Пристрастие детей к глаголам привлекает внимание не только ученых, но и детских писателей. Так, К. И. Чуковский убежден, что любовь к прилагательным присуща только книжным детям и детям, созерцательно настроенным. По его мнению, активные дети строят всю свою жизнь на глаголах, что должно учитываться детскими писателями при написании произведений [2, 286].

Исследование детских новообразований позволяет сделать вывод о том, что глагол не только лежит в основе детского словообразования при образовании субстантивных и адъективных дериватов, глагол может стать результатом и конечным продуктом словообразования. Цель данного исследования – выделить характерные для детского словообразования модели образования окказиональных глаголов, мотивированных именами существительными, сопоставить детские модели с теми, которые имеются в нормативном языке, и описать имеющие место отступления от языковой нормы.

Путем чистой суффиксации образуются окказиональные глаголы с деривационным значением *«действовать с помощью того, что названо мотивирующим существительным»*, где большая часть

глаголов означает использование орудия в соответствии с его назначением. В качестве мотиватора выступает суффикс *-и-* (глаголы на *-ить*). Производящие существительные можно условно разделить на следующие семантические группы: существительные, называющие *строительный инструмент или орудие труда* (**топорить, метлить, рубанить, молоточить**); существительные, называющие *музыкальные инструменты* (**гармонить, балалаить**), а производные глаголы имеют значение «*играть на данном музыкальном инструменте*»; существительные, называющие *кухонные принадлежности* (**ножить, мясорубить**); существительные, называющие *игрушки* (**юлить** от «юла»).

Наряду с суффиксом *-и-* в процессе образования глаголов выше описанной семантики детьми могут использоваться форманты *-а-* и *-ова-*: **паяльничать, кочергать, утюгать** (ср. *утюжить*), **рогать, компьютеровать** и т. д.

Формант *-и-* прослеживает достаточную активность при образовании производных глаголов со значением «*совершать действия, свойственные тому, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным*». В качестве мотиваторов могут выступать как одушевленные, так и неодушевленные существительные: **вратарить** – от «вратарь», **ведушить** (быть ведущим), **строителить** (ср. *шоферить, пекарить*), **медведить** – от «медведь» (М. Яснов); **пистолетить** – (ср. *пистолет пистолетит*); **мотоциклить** (ср. «*Листик замотоциклил!*» – начал дергаться)). Имеются случаи образования дериватов вышеописанного типа, мотивированных именами собственными (**нивить** – ср. «*Нива*» *нивит*), что явно противоречит языковой норме. Особый интерес представляет окказионализм «**строителить**», который был образован от существительного «*строитель*». Следует отметить, что в нормативном языке данное существительное является мотивированным узואльным глаголом «*строить*», но детьми воспринимается в качестве непроизводного.

Отличительной чертой детских окказионализмов, построенных по данной модели, является то, что они не имеют дополнительных компонентов в значении, а обозначают исключительно то,

о чем «говорят»: значение окказионализма выводится из суммы значений составляющих его компонентов. С подобными узуальными образованиями дело обстоит несколько иначе, так как только часть глаголов не имеет дополнительных семантических компонентов (ср. *партизанишь, кашеваришь, слесаришь*). Значения большинства глаголов данного типа содержат дополнительные компоненты: «быть кем» (*соседить* – быть соседом); «работать в качестве кого» (*шахтерить* – работать шахтером); «уподобляться кому-чему-л. (не будучи кем-чем-л.)»; *козлить* – фальшиво петь (подобно козлу), *лисить* – хитрить (подобно лисе) и т. д. [3, 161].

Наряду с суффиксом *-и-* для образования дериватов данного типа используется формант *-нича(ть)*: *грубиянничать, бандитничать* (вести себя, как бандиты), *царевичничать* (от «царевич») и т. д. Имеются случаи употребления суффикса *-а-*: *часикать* (делать то, что свойственно часам), *рябать* (о курочке Рябе), что явно нарушает существующие языковые нормы, так как в нормативном языке при помощи вышеуказанного форманта не образуются узуальные слова со значением «делать то, что свойственно предмету, названному мотивирующим существительным» [3, 26–27].

По менее продуктивным словообразовательным моделям образуются глаголы, имеющие следующие деривационные значения:

- «совершать действие во время того, что названо мотивирующим существительным», где в качестве мотиватора выступает суффикс *-ова-*, а в качестве мотивата – существительные, называющие какое-либо событие, пору года и т. д.: *войновать* (во время войны), *весновать* (проводить весну), *летовать* (проводить лето);

- «наделять качеством, названным мотивирующим именем существительным», где в качестве мотиватора выступает суффикс *-и-*: *содить* (ср. *солить*), *кустить* водоросль (делать похожей на куст);

- «отправить в место, названное производящим существительным» с мотиватором *-и-*: *пленишь* (отправить в плен);

Имеются случаи образования окказионализмов по деривационным моделям, отсутствующим в нормативном языке: *анекдотить* (рассказывать анекдоты); *елочить* (любоваться елкой); *аппетитничать* (есть с аппетитом). Согласно языковой норме, глаголы на *-нича(ть)*

мотивируются одушевленными именами существительными и имеют значение *«совершать действие, свойственное лицу или животному, которые названы мотивирующим словом»*: ср. *садовничать, попугайничать* [3, 301].

Большинство префиксально-суффиксальных глаголов в детской речи мотивированы существительными, которые образуются при помощи суффиксов *-и-, -а-, -ыва/-ива*. Вместе с этими суффиксами в состав префиксально-суффиксального форманта входят приставки *вы-, за-, на-, раз-, о-, по-*. Следует отметить, что в этой области словообразования имеет место огромное количество «ошибок», производимых детьми, что ведет к появлению новых деривационных моделей. Так, в нормативном языке существует модель образования глаголов от имен прилагательных при помощи приставки *вы-* и суффикса *-и-* с общим словообразовательным значением *«наделить тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным»* [3, 111]. В детской речи при помощи вышеуказанных формантов образуются отсубстантивные глаголы, имеющие значение *«добыть, получить то, что названо мотивирующим существительным»* (*выпузырить* пузырь – ср. *вытрудить*).

В нормативном языке при помощи формантов *за- + -и-* образуются существительные со значением *«покрыть, заполнить тем, что названо мотивирующим существительным»*, а в качестве производящей основы выступают неодушевленные существительные (ср. *захламить, задымить*) [3, 158]. В детской речи в качестве производящей основы может выступать одушевленное существительное (*залошадить* – от «лошадь»): *«Весь мост залошадило»*. Кроме того, окказиональный глагол употребляется детьми безлично. Форманты *за- + -и-* могут образовать другую деривационную модель, характерную для детской речи, со следующим значением: *«совершить действие при помощи того, что выражено мотивирующим существительным»*. В качестве мотивирующих основ выступают имена существительные, имеющие инструментальное или орудийное значение: *замолоточить* (*забить молотком*), *загвоздить* (*прибить при помощи гвоздей*), *задверить* (*прижать при помощи двери*), *закопнуть* (*убить копьем*). То же значение имеют и окказионализмы, образованные при помощи

по- + *-а-* или *по-* + *-ива-*: **поспичкать**, **покулакивать** (делать массаж), которые в нормативном языке производят глаголы несовершенного вида с длительно-прерывистым значением от глагольных основ: ср. *потирать* [З, 385].

К числу детских относится модель, по которой образуются глаголы от основ существительных при помощи префикса *на-* и суффикса *-и-* с общим деривационным значением «*покрыть, заполнить тем, что названо мотивирующим существительным (иногда в чрезмерно большом количестве)*»: **налужить** (о дожде), **нагрязить**, **напомадить** (ср. *намастить, намылить*). Подобные дериваты образуются и при помощи других словообразовательных единиц: *про-* + *-и-* (**промазутить**, **прорастворить**, **прошампунить**), *за-* + *-и-* (**запластилинить** – *покрыть пластилином*), *из-* + *-ива-* (**измазучивать**). Однако нельзя утверждать, что эти модели являются полностью синонимичными, так как в их семантике имеются дополнительные оттенки значения, отличающие их друг от друга. Дериваты с формантами *на-* + *-и-* подразумевают покрытие поверхности, но не полностью и не обязательно равномерно. Глаголы на *за-* + *-и-* обозначают покрытие всей поверхности. Форманты *про-* + *-и-* указывают на то, что действие совершается с особой тщательностью и аккуратностью, а окказиональные глаголы, образованные при помощи *из-* + *-ива-*, наоборот, имеют отрицательное значение и обозначают действие, выполненное небрежно (ср. *испачкать, измазать* и т. д.).

Глаголы, имеющие значение «*приобрести то, что выражено мотивирующим словом*», в процессе детского словотворчества образуются от основ существительных при помощи формантов *о-* + *-е-*: **обородеть** (вырастить бороду), **обусеть** (вырастить усы). Согласно языковой норме, данные аффиксы используются для образования отадекватных глаголов со значением «*приобрести тот признак, который назван мотивирующим прилагательным*»: ср. *ороговеть, оголеть*. Другим значением наделяется глагол, образованный от основы существительного при помощи *за-* и *-а-*. В детской речи по данной модели образуются глаголы со значением «*поместить внутрь того / покрыть тем, что выражено мотивирующим существительным*»: **защекать** (спрятать за щеку), **замуфтать** (закутать в муфту), **запластилинить**. Глаголы, образованные

при помощи префикса *о-* и суффикса *-а-*, имеют значение «удалить, очистить от того, что выражено производящей основой»: **оскорлупать** (удалить скорлупу). В нормативном языке при помощи данных формантов образуются глаголы от основ прилагательных. То же деривационное значение имеют глаголы, образованные от основы существительного при помощи приставки *рас-* и суффикса *-и-*: **распаковать** (удалить пакет), **раскулачить** пальцы (разъединить пальцы, которые были зажаты в кулак), **расшкурить** (очистить от кожуры).

Согласно существующим языковым нормам, префиксально-суффиксальные глаголы, мотивированные именами, относятся к совершенному виду, в то время как глаголы, мотивированные глаголами, могут относиться как к совершенному виду, так и к несовершенному. В детской речи наблюдаются отсубстантивные глаголы несовершенного вида, которые образуются при помощи *на-* + *-ыва-*, *о-без-* + *-ива-*: **нанитывать** бусы – собирать бусы на нить, **обезвлагивать** – удалять влагу (ср. обезжиривать).

Многие детские новообразования с трудом поддаются объяснению, так как в языке отсутствуют их аналоги, и своеобразные деривационные модели представлены единичными случаями: **проталонить** (ср. прокомпостировать), **отпеченить** (открыть пачку печенья), **заботинить** ногу (ср. зашнуровать ботинок), **наштормить** корабль (испытать на шторм) и т. д.

Материал детских новообразований позволяет проследить тенденцию детей образовывать отсубстантивные глаголы при помощи постфиксации, которая обязательно сопровождается суффиксацией и префиксацией (суффиксально-постфиксальные образования немногочисленны). Как результат мы имеем непереходные глаголы.

Среди суффиксально-постфиксальных дериватов можно выделить группу глаголов, имеющих значение «совершать действия или приобретать признаки того, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным», где в качестве формантов выступают суффикс *-и-* и постфикс *-ся*: **клубочиться** («Смотри, как котенок клубочится! Совсем как ежик»), **волчиться** (от «волк») (В. Орлов). Следует

отметить имевшее место в первом примере нарушение формальных ограничений языковой нормы, так как в узуальных дериватах подобного типа отсутствует финалия основы *-ок-* (ср. *клубок*). Имеются случаи образования окказиональных глаголов при помощи формантов *-и(ть)-ся*, которые присоединяются к основе существительного, называющего животное (в детской речи также и птицу), и имеют значение «*рождать детеныша, названного мотивирующим именем словом*»: *индюшиться* (ср. *пороситься, ягниться*) [3, 163]. Многие детские новообразования так и остаются единичными примерами деривационных моделей, не имеющих аналогов в нормативном языке: *ладошкаться* (ср. *хлопать в ладоши*), *аппаратываться* (ср. *фотографироваться*), *бигудиться* (крутить волосы на бигуди), *посудиться* (мыть посуду, мешая друг другу), *кнопиться* (о кнопке) и т. д.

В нормативном языке в области префиксально-суффиксально-постфиксального образования глаголов словообразовательные типы образуют лишь глаголы с префиксами *о-* и *об-*, суффиксом *-и-* и постфиксом *-ся*, мотивированные именами. Остальные форманты выделяются в отдельных глаголах, а также продуктивны в области окказиональной деривации. Детские модели характеризуются разнообразием формантов и точным деривационным значением, что затрудняет объединение в одну группу несколько моделей. Кроме того, для детских моделей характерна ярко выраженная омонимия, так как одинаковые по составу глаголы имеют совершенно разные значения. Так, при помощи формантов *об-* + *-и-* + *-ся* образуются глаголы, которые могут иметь следующие значения: «*погрузиться, покрыться тем, что выражено мотивирующим существительным*» (*обснегиться, обмолочиться* (о ложке), *обмамиться*); «*употребить в пищу в большом количестве то, что выражено мотивирующим существительным*» (*обсосиситься*). В качестве аналога для производства окказионализма «*обснегиться*» ребенок мог использовать отглагольный дериват «*обсыпаться* (снегом, песком и т. д.)», при этом глагольная основа заменяется именной основой потенциально зависимого слова. Вместо суффикса *-и-* может быть употреблен суффикс *-а-*: *обсвечкаться* (о елке). В свою очередь

глагол **«обсосиситься»** имеет в основе своего образования прототип глагольного деривата **«объесться (сосисками, макаронами)»** со значением **«съесть что-либо в чрезмерно большом количестве»**. Приставка **об-** может быть заменена приставкой **на-**, при этом значение остается прежним (ср. **намакарониться** – **наесться макарон**, **накашиться** – **наесться каши**).

Путем выделения узуальных прототипов можно объяснить семантику следующих окказионализмов: **перезвериваться** – **переодеваться (в разных зверей)**, **углазиться** – **увеличиться (о глазах)**, **отмухиваться** – **отмахиваться (от мух)**, **откнопкаться** – **отсоединиться (о кнопке)**, **спаровозиться, свагониться** – **столпиться, сгуститься**.

Иногда семантика детской модели отличается достаточной прозрачностью: ср. **олиситься, окошениться, оцыпляться (отелиться, окотиться)**, **приместиться, прицветочиться (приземлиться)**, **придождиться (Н. Гузеева)**. Однако остаются образования, с трудом поддающиеся объяснению:

– **Козлята, козлята, откопытеся! Козлята взяли и откопытились** [4, 348].

– **Положи побольше сметаны, чтобы все рассметаннилось** [3, 454].

Можно сделать вывод, что модели образования глагольных дериватов характеризуются многообразием как формы, так и содержания. В области отсубстантивного суффиксального образования глагольных дериватов наиболее регулярными являются деривационные модели со значениями **«действовать с помощью того, что названо производящей основой» (топорить, утюгать)**, **«совершать действия, свойственные тому, кто (что) назван (о) мотивирующим существительным» (медведить, пистолетить)**.

Сложные форманты чаще всего представлены в детских окказиональных моделях (**об- + -и- + -ся – обсосиситься; от- + -а- + -ся – откнопкаться и т. д.**). Кроме того, многие из них находятся в синонимических (разные форманты выражают одинаковое значение) и омонимических (одни и те же форманты выражают разные деривационные значения) отношениях.

Следует отметить, что многие модели не имеют аналогов в нормативном языке и относятся исключительно к области детского словотворчества. Их интересной особенностью является то, что в основе их образования находятся синтаксические конструкции, выполняющие роль своеобразных прототипов.

Литература

1. Кудрявцев, В. Т. Феномен детской креативности: произвол и штампы сознания / В. Т. Кудрявцев // Дошкольное воспитание. – 2007. – № 2. – С. 18–27.
2. Чуковский, К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский. – Изд. испр. и доп. – Минск : Нар. Асвета, 1984. – 319 с.
3. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка : ок. 1900 словообразоват. ед. / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 636, [4] с.
4. Харченко, В. К. Словарь современного детского языка : ок. 10 000 слов : свыше 15 000 высказываний / В. К. Харченко. – М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 637, [3] с.

Л. В. Пузан, Е. Н. Рудая

УНИВЕРБАЦИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В данной статье обсуждаются проблемы немецкого словосложения, которое, как известно, является одним из древнейших способов образования новых слов и на современном этапе развития немецкого языка занимает одну из ведущих позиций в его словообразовании.

Словосложению посвящена обширная специальная литература. Так, деление сложных слов на копулативные, детерминативные и т. д., которым пользуются и в современной литературе по словообразованию, восходит еще к древнеиндийским грамматистам. Несмотря на это и на тот факт, что отдельные модели сложных слов детально описывались в самых различных языках, дискуссии о сущности словосложения и его отличительных признаках до сих пор не потеряли своей актуальности по причине разнообразия типов сложных слов, вхождения этой категории в разные части речи и т. д. [1, 61].

В круг вопросов, которыми занимаются исследователи этой области, входят такие, как сущность словосложения и его функции, значение сложного слова, семантические отношения между его компонентами, корреляция сложного слова и соответствующего словосочетания, классификации сложных слов, взаимосвязь словосложения и словопроизводства и др. В последние годы наметилось изучение композит в функционально-прагматическом аспекте, которое требует дальнейшего анализа исследуемых единиц [2, 237].

В области словообразования лингвисты (W. Admoni, W. Schmidt, P. Braun, А. В. Щербакова и др.) наблюдают усиление процесса универбации, который выражает в образовании слов, способных замещать синтаксические группы (словосочетания, предложения), и затрагивает, в первую очередь, такие виды словообразования, как словосложение, аббревиация и производство сложных слов. Термин «универб» (лат. unus – один, verbum – слово), впервые введенный А. И. Шумагером, обозначает стянутое в форму

цельнооформленного слова расчлененное наименование [3]. На то, что в основе многих сложных слов лежат непосредственно те или иные синтаксические комплексы, указывает Е. Кубрякова, приводя следующие примеры: англ. *father-in-law* «тесть», *good-for-nothing* «бездельник», фр. *vis-a-vis* «напротив», нем. *einundzwanzig* «двадцать один», *nichtsdestoweniger* «тем не менее». При этом исследователь обращает внимание на важный критерий сложения: возможность или невозможность прямолинейного сопоставления сложного слова с определенным синтаксическим комплексом, что обуславливает существование разных типов сложения [1], [11, 63].

По способности трансформироваться в соответствующие синтаксические конструкции анализируемые композиты в практике языкового анализа подразделяют на две группы: синтаксические и асинтаксические слова. Синтаксические слова (в нашей терминологии универбы) способны передавать содержание словосочетаний и придаточных предложений без изменения или почти без изменения смысла. Асинтаксические модели представляют собой образования, обнаруживающие различную степень идиоматичности, которые по этой причине не могут быть трансформированы в адекватную по смыслу синтаксическую конструкцию. Ср.: *Wohlstandsfolgen* – *die Folgen des Wohlstandes*; *Gesundheitszustand* – *der Zustand der Gesundheit*; *Temperaturwechsel* – *der Wechsel der Temperatur* и *Seehund* – тюлень, *Himmelsgeduld* – ангельское терпение, *Rühmichnichtan* – недотрога.

Слова, адекватные словосочетаниям и состоящие из тех же элементов, называют универбами, синтаксическими словообразовательными конструкциями, связанными с текстом окказиональными словесными структурами, эллипсами синтаксических конструкций, синтаксическими словами, голофрастическими конструкциями и т. д. (М. Д. Степанова, В. М. Павлов, А. В. Федоров, Н. Д. Миловская, Е. В. Розен и др.).

О некоторых активных процессах в синтаксисе немецкого словосочетания пишет И. Г. Ольшанский, относя к ним универбацию, синтаксическую и семантическую компрессию, оживление внутренней

валентности сложных слов, активизацию предложно-именных групп [4, 52].

Понятие «универбация» пересекается с такими понятиями, как лексикализация синтаксических образований, синтаксическая и фразеологическая деривация. Часть исследователей (И. Г. Ольшанский и др.) предпочитает термин «универбация», так как, благодаря более широкому объему содержания, он обозначает ряд процессов с аналогичным результатом. Данные процессы затрагивают в разной степени переменные свободные словосочетания и устойчивые словесные комплексы, предложно-именные группы слов и целые предложения. Активность межуровневых связей проявляется в направлении от предложения и словосочетания к слову. В сферу действия универбации втягиваются различные части речи.

При стяжении синтаксической конструкции в словообразовательную единицу происходят определенные языковые процессы, которые, несомненно, подлежат исследованию. Лингвистов могут заинтересовать вопросы соприкосновения словообразовательной единицы с ее трансформом в структурном, функциональном, смысловом и стилистическом аспектах.

Вышеизложенное обуславливает актуальность проводимого нами исследования. Актуальность определяется также решением задач с позиции связи словообразования и синтаксиса. Целью работы является изучение различных видов свертывания или семантической компрессии синтаксических конструкций в субстантивные универбы. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: установить типы субстантивных универбов в рамках словосложения и образования сложнопроизводных слов; описать структурно-семантические и функциональные особенности выделенных типов универбов.

В ходе исследования применялись конституентный и трансформационный методы. Конституентный метод, или анализ по непосредственно составляющим, позволяет описать иерархическую структуру любой морфемной конструкции, адекватно установить словообразовательную модель, например, отличить сложнопроизводные слова (*Zusammenbildungen*) от композит (*Zusammensetzungen*).

Трансформационный анализ зачастую является неотъемлемым дополнением конституентного метода, поскольку помогает установить мотивацию слова, например: *Projektionswand* – Wand für Projektion; *Schönheitssinn* – Sinn für Schönheit; *Rheinbrücke* – Brücke am Rhein.

Трансформация может применяться прямо и косвенно. В первом случае открывается мотивация слова, во втором случае конструкцию можно заменить другой, не изменяя смысл. Прямая трансформация играет большую роль при анализе композитов, так как позволяет определить, идентичен ли композит соединению. Однако следует принять во внимание тот факт, что даже при близком соприкосновении словарной структуры с ее трансформом часто имеет место стилистическое изменение [2, 100].

Анализ литературы по проблеме словосложения позволяет утверждать, что немецкое словосложение характеризуется широтой своего действия, так как затрагивает различные части речи, оно представлено не только в именах, но и в системе глагола. Немецкие сложные существительные более разнообразны по своему морфологическому составу, чем русские.

Своеобразие немецких сложных существительных заключается в сочетании ими двух функций: обозначение отдельных понятий и выражение отношений между компонентами. Последнее свойство, называемое условно синтаксической функцией словосложения, сближает немецкие сложные слова с синтаксическими словосочетаниями. Именно в сочетании названных выше двух функций заключается одна из причин широкого развития и распространения словосложения в немецком языке. Немецкое словосложение позволяет сочетание различных основ в сложных словах, причем «возможность сочетания основ безгранична в той же мере, в какой безграничны возможности комбинации слов в синтаксических сочетаниях» [5, 30].

Между компонентами детерминативных композитов могут устанавливаться самые разнообразные семантические отношения. В этой связи В. Флейшер приводит классификацию семантических отношений между конституентами композита, разработанную О. Бехагелем на примере существительных *Gold, Kupfer, Silber, Blei* в качестве определяющего слова. Сложные существительные с первым конституентом со значением «металл» могут обозначать: 1. Залежи,

месторождение – *Goldfeld, Goldwüste*; 2. Химические соединения – *Bleiwasser, Kupfertinktur*; 3. Изделия – *Goldplättchen, Kupferdraht, Goldmünze, Silberwaren* или цель, назначение – *Kupferhammer, Goldwaage*; 4. место хранения – *Goldkammer, Silberschrank*; 5. Сравнение – *Goldorange, Silbermöve, Bleifalke Kupfernase, Goldhaar*; 6. Обозначения профессий – *Goldgräber, Kupferschmied, Bleigießer*; 7. Оценку – *Goldkind, Goldtöchterchen, Goldsohn*; 8. Причину болезни – *Kupfervergiftung, Bleikrankheit* [6, 83–84]. Следует заметить, что данная классификация не является исчерпывающей.

Анализ собственных текстовых примеров, извлеченных методом сплошной выборки из художественной и газетно-публицистической прозы, позволил выделить 4 наиболее часто встречающихся типа субстантивных универбов. Первый тип универбов представлен сложными детерминативными существительными, имеющими прозрачную связь со словосочетаниями, в которые они могут легко переродиться, не утрачивая при этом своего смыслового содержания. Чаще всего это бинарные сочетания, имеющие структуру S + SGen. Между компонентами композитов, выраженных конкретными существительными, могут устанавливаться отношения принадлежности: *Hotelgebäude – Gebäude des Hotels, Hotelausgang – Ausgang des Hotels; Rheinufer – Ufer des Rhein*, например: *Schlangen haben wir hier nicht, mischt sich Erxleben ein, denn für besondere Vorkommnisse auf dem Hotelgelände ist er auch doch zuständig* [14, 56]; *Im Grünwald, südlich von München, lag inmitten des alten Parks die Villa des Staatsoperintendanten (Intendant der Staatsoper)* [10, 17].

Между компонентами сложных слов, выраженных основами абстрактных существительных, возникают семантические отношения, которые можно охарактеризовать в самом общем виде как «идентифицирующие»: *Unterhaltungskunst – Kunst der Unterhaltung; Verhaltensvarianten – Varianten des Verhaltens*, например: *Es lebe die Unterhaltungskunst! sagt sie lachend* [14, 82]; *Aber in Wahrheit spielen seine Gedanken hastig alle Verhaltensvarianten durch, die für ihn günstig sein könnten* [14, 101]; *Der Star hat immer recht. Ein bisschen Theater, ein kleiner Streit, ein gemäßigter Tobsuchtsanfall (Anfall von Tobsucht), und schon steigst du im Wert* [10, 80].

О функциональной синонимии субстантивных композит и сочетаний существительного с другим существительным в родительном падеже свидетельствуют случаи их параллельного употребления в тексте, например: Ср. Sie gingen durch die Nacht, am *Ufer des Rhein* entlang und waren glücklich [9, 30]. – Er hatte die Prüfung nicht bestanden, das sah sie an seiner Hilflosigkeit, mit der er jetzt an *das Rheinufer* trat [9, 44].

Параллельно могут употребляться также сложные существительные и сочетания существительного с прилагательным или предложные сочетания, например: Messingschild – messinger Klingelknopf; Goldring – goldener Ring / Ring aus Gold; Lederjacke – lederne Jacke / Jacke aus Leder.

Первые компоненты данных сложных слов имеют значение материала. Можно привести еще ряд композит, между компонентами которых устанавливаются вещественные отношения: Ein Siebzigjähriger springt an die Rampe, im Smoking, auf seiner kolossalen Glatze sitzt ein winziges grünes *Papphütchen* [14, 67]; Ein Mädchen saß dort, in einem *Tüllkleid*, ein Programm zerknüllt auf dem Schoß [10, 68]. Es war ein großes Zimmer mit einem kleinen, durch *Eisengitter* (Gitter aus Eisen) geschützten Austritt, in dem die Söhne des Hauses mit Pfeil und Bogen nach großen, bunten *Strohzielscheiben* (Zielscheiben aus Stroh) schossen [10, 42].

Использование сложного существительного вместо эквивалентного словосочетания удобнее. Словосложение является более экономным и рациональным, если между объемом словосочетания и соответствующего сложного слова нет или почти нет разницы.

Между компонентами композита могут устанавливаться и другие отношения: Als wir einmal *Vogelfutter*, *Vogelsand*, *Vogelspielzeug* kaufen, will das Kind einen Hamster oder ein Meerschweinchen [11, 33]; Zunächst gaben mich die Eltern in ein judisches *Mädchenpensionat* [11, 28]; Es war ein kleines Zimmer. Helle Tapeten, ein Notenständer, an der rechten Längswand eine andere Tür. «Sicher ein *Probezimmer*», dachte Krone [10, 57].

Сложные существительные *Vogelfutter*, *Vogelsand*, *Vogelspielzeug*, *Mädchenpensionat*, *Notenständer*, *Probezimmer* выражают отношение предназначения/цели и без труда трансформируются в идентичные

по смыслу и функции словосочетания: Futter, Sand, Spielzeug für Vögel, Pensionat für Mädchen, Ständer für Noten, Zimmer fürs /zum Proben. В качестве определяющего компонента использованы простые (Simplizia) существительные.

Нижеследующие субстантивные композиты имеют локальное значение: Eine entfernte *Flurglocke* verkündet klappernd, dass jemand jenes Haus betrat [11]; Das sagt er mit halber Stimmkraft, als dürfen es zufällige *Straßenpassanten* um keinen Preis hören [14, 81]; Er verbeugte sich ein wenig linkisch und steif, die Absätze zusammengenommen wie bei einem *Kasinoabend*, als er der Gattin des Kommandeurs vorgestellt wurde [10, 22]; Als sie sich nach Louises ausgedehnter *Afrika – Hochzeitsreise* mit Edgar wiedersehen, so... [16]; темпоральное значение: Es war ein warmer *Frühlingsnachmittag* [14, 45]. Er sah sie an, legte stumm den Arm um ihre zuckende Schulter und führte sie hinaus in die Luft des *Septemberabends* [10, 84]; Und wir, die *Kriegsjugend*, wir stehen daneben, ausgestoßen, leergebrannt, halbgebildet [10, 11].

Сложные существительные *Flurglocke*, *Straßenpassanten*, *Frühlingsnachmittag* и др. как более экономные конструкции существуют параллельно с сочетаниями *Glocke im Flur*, *Passanten auf der Straße*, *ein Tag im Mai*, *ein Nachmittag im Frühling*, что свидетельствует об их смысловом тождестве. Хотя следует заметить, что существительные с генитивным атрибутом в постпозиции могут иметь в тексте более конкретное значение нежели в качестве определяемого компонента в сложном слове. Выбор той или иной конструкции зависит от задачи построения текста в целом.

В нашей выборке зафиксированы субстантивные универбы с отношением качества: Glatt nickte. «Die Kunst des Gesanges ist die *Schwerarbeit* (die schwere Arbeit) unter den Künsten» [10, 27]. Употребление прилагательных в качестве определителя в немецком сложном существительном явление более редкое по сравнению с употреблением основы существительного и глагольной основы.

Нижеследующие примеры иллюстрируют отношения причины и сравнения: Soll ich vor die Rampe treten und sagt: «Der Wundersänger singt heute nicht. Er hat sich in die Hosen geschossen vor *Premierenangst* (Angst vor der Premiere)» [10, 80]; «Die gewölbten Braunen über den

grauen Augen und der zarte *Katzenmund* (wie der, bei einer Katze) schienen um Schutz zu bieten» [12, 88].

Не всегда вместо словосочетания может быть использовано сложное слово. В. Флейшер называет в этой связи синтаксические и узуальные ограничения. Синтаксические ограничения возникают при соединении сложных слов с атрибутами, которые относятся только к первому компоненту, а не ко всему композиту. Поэтому из двух конструкций «Das Rückkehrproblem aus dem Kosmos ist gelöst» и «Das Problem der Rückkehr aus dem Kosmos ist gelöst» правильной будет вторая. Вместо словосочетания можно было бы употребить сложное слово *Kosmos-Rückkehr-Problem*.

Кроме этого, В. Флейшер указывает еще и на тот факт, что не каждое потенциально возможное в языке сложное существительное воспринимается как норма, например: можно сказать *Messingstab*, *Silberlöffel*, *Altstadt* (но не *Altfrau*), *Rotwein* (но не *roter Wein*), *goldene Uhr* (но не *Golduhr*), *rote Beeten* (но не *Rotbeeten*) [6, 56].

Семантическая особенность сложных слов связана с их потенциальной тенденцией к идиоматизации. Первый компонент может утрачивать свое индивидуализирующее значение и приобретать обобщенное, генерализирующее, например: ...denn als sie im Juli 1945 bei Berts Geburt verstarb, ruhte der Vater des Jungen schon seit drei Monaten irgendwo in einem *Soldatengrab* [14, 67]. Сложное существительное *Soldatengrab* (солдатская могила) лексикализовано и обозначает не могилу конкретного солдата, а общее захоронение. Идиоматизацию сложных слов облегчает тот факт, что семантические отношения между их конститuentами не так четко грамматически выражены, как в предложении или в словосочетании. Но этот же факт затрудняет во многих случаях установление правильной семантической мотивации слова, например: *Spitzenverkehrsregler* – *Verkehrsregler in Spitzenzeiten* или *hervorragender Spitzenregler*?

К детерминативным композитам-универбам примыкают сложные образования, имеющие единую форму, расчлененную дефисом, причем первый компонент состоит из двух существительных: *Patient-Arzt-Verhältnis*, *Export-Import-Quoten*.

Прилагательные в качестве первого конститuenta встречаются реже и, как правило, в антонимичных отношениях: *Helldunkel-Wirkung*, *Schwarzweiß-Malerei*, з. В.: *Furchterregende Keulen*, denen man es auch

im *Schwarzweißdruck* ansieht, das sie rostig sind, werden von gesichtgeschwächten Figuren umkrampft [15, 25].

Подобные словообразовательные модели существовали уже в средневерхненемецком (*oster-wester wint*). Тенденция к идиоматизации у таких сложных образований невелика [6, 92–93].

Со временем появляются образования с союзом *und*, например: *Arbeiter-und-Bauern-Fakultät*, *Industrie-und-Handels-Kammer*, *Kohle-und-Energie-Programm*. Б. А. Абрамов называет такие соединения *синтактико-словообразовательными совмещениями* и считает, что этот тип неустойчивых, разложимых новообразований так же, как и другие окказиональные образования, может производить стабильные лексемы [7, 66], например: *Er war Feldzugsteilnehmer 1870/71 und Gründungsmitglied des Veteranen-und Kriegervereins* [13, 15]. *Die Tarifpartner der deutschen Metall-und Elektroindustrie haben sich geeinigt* [16].

Приведем несколько текстовых примеров: *Nicht einer der Jungen, denen es beschieden war, die Revolutions-und Kriegsjahre zu überleben, wurde traditioneller jüdischer Philosoph* [11]; *Den Violin und – Baßschlüssel kannte er, aber er konnte sich mehr wage entsinnen, was die Kreuzchen vor den Noten zu bedeuten hatten* [10, 18]; *Auf vieles Anraten meiner Freunde habe ich mich entschlossen, meine, mir noch in Erinnerung gebliebenen Erlebnisse aus meiner Jugend-, Jünglings- und Manneszeit in einem Buche herauszugeben* [15, 25].

Вышеуказанные окказиональные универбы, образованные по модели так называемых синтактико-синтаксических сращений, появились по причинам языковой экономии и удобства.

Многие сложные слова-универбы характеризуются условностью и схематизмом своего построения, выражая в компактной форме цельнооформленного слова развернутое содержание. Здесь мы различаем:

а) универбы, способные замещать более объемные синтаксические конструкции по сравнению с бинарными словосочетаниями, например, целые придаточные предложения: *Vor der Samstag-Abend-Vorstellung habe ich den Brief geschrieben und muß noch einen Zettel beilegen, dass...* [13, 23]; *Gleich würde er aus dem Bett springen, sich rasch anziehen, schnell eine Tasse Kaffee kochen, den Esstopf für die Zehn-Uhr-Mahlzeit bereiten* [11, 10].

Сложные окказиональные существительное *die Zehn-Uhr-Mahlzeit* и *die Samstag-Abend – Vorstellung* содержат в сжатом виде содержание придаточных предложений, в которые они могут быть трансформированы, являясь, таким образом, средством экономии и компрессии: *Vor der Vorstellung, die Samstag Abend... und für die Mahlzeit, die um 10 Uhr beginnen sollten.*

б) Субстантивные композиты, которые могут передавать в сжатом виде целые ситуации, для их расшифровки зачастую требуется контекст: *Inzwischen ist die Hundefrage bei uns aktuell geworden, denn in unserem Haus existiert ein kleiner schwarzer Pudel* [13, 73].

Не зная предыдущего контекста или ситуации, иногда бывает трудно понять содержание композита. В данном случае существительное *Hundefrage* описывает ситуацию, когда ребенок снова захотел иметь собаку, так как в их доме у соседей появился маленький черный пудель.

Еще один текстовый пример: *Der 23-jährige ist «Country Ambassador» für Deutschland bei couchsurfing.org, eine Art Botschafter im Zeichen der Couch. Eherenamtlich organisiert er internationale Couch-surfer-Treffen und hilft Neulingen dabei, sich in der Szene zurechtzufinden* [17].

В последнее время в газетной прессе можно часто встретить слова англоамериканского происхождения: «Couchsurfing» (дословно «диванный серфинг») / «Couchsurfer» (еще не зарегистрированные как лексические единицы в немецких словарях) и серийные образования от них, например: *Couchsurfing-Communitie, Couchsurfing-Länder, Couch-surfer-Treffen* и др. Значение данных композитов невозможно понять, не зная расшифровки определяющего компонента, который, в свою очередь, является сложным существительным, значение которого не может быть выведено из суммы значений его составляющих и, следовательно, должно быть расшифровано описательным путем, что и сделано в следующем текстовом примере: *Hunderte Menschen schlafen weltweit bei Fremden und nennen das Couchsurfing. Meistens ist Couchsurfing auch weit mehr als bloßes Übernachten. Man erlebt das Land und die Stadt aus der Sicht der Einheimischen. Geld fließt zwischen Gast und und Gastgeber keines. Das ist das Grundprinzip* [17]. Таким образом, универб «*das Couch-surfer-Treffen*» может быть трансформирован в придаточное предложение, содержащее больше информации нежели

само слово: встреча людей, которые во время отпуска, каникул и т. д. ночуют у чужих людей бесплатно.

Особый тип субстантивных универбов представляют:

а) субстантивации целых синтагм и предложений. Н. Д. Миловская называет их голофрастическими конструкциями (греч. *holos* – целый, *phrasis* – высказывание) [8], например: *das Aberduwirstmirdochfehlen*. Несколько текстовых примеров: *Zugleich spielt Regisseur Torsten C. Fischer aber so geschickt mit diesen klassischen Elementen des Genres «Über den Umweg-anderer-Partner-zu Mr.-bzw.-Mrs.-Right», dass sie nicht abgegriffen wirken, sondern angenehm frisch* [16]; *Freddy schluckte, doch er war von der Beinahe-Katastrophe auf der Kreuzung und dem Fast-ins-Schaufenster-hinein noch so geschafft, dass er ohne Widerrede ausstieg* [9, 10];

б) субстантивации инфинитива 1 и зависимых от него лексем (Infinitivische Zusammenbildungen), например: *Aber das Sich-bei-der-Arbeit-Zusammenraufen*, *das brachte – über manche augenblickliche Mißstimmung hinweg – das letzte I-Tüpfelchen des gemeinsamen und beglückenden Schaffens* [11, 125]. Инфинитивные субстантивации могут иметь и более простую структуру: *das Alleinsein*, *das Türöffnen*, *das Abschiednehmen*. Ср.: *Der Hof verdrängte das Ereignis in die Geschichte, die zum Vergessenwerden verurteilt war* [12, 178]; *Herr Semling hat mir versichert, dass sein Sohn einfach keine Zeit habe zum Dummheitenmachen* [13, 108].

Субстантивации словосочетаний с инфинитивом ряд исследователей относит к особому подвиду сложнопроизводных слов [2, 114–115], другие считают их сложными словами (А. Искоз и А. Ленкова, Н. Renicke).

Проведенное исследование подтвердило наблюдаемую лингвистами тенденцию к синтезу в словообразовании немецкого языка. В словосложении данная тенденция проявляется в универбации, т. е. образовании слов, адекватных синтаксическим конструкциям.

Анализ установленных типов универбов в рамках словосложения и субстантивации показал, что слова-универбы обнаруживают разную степень смысловой адекватности с коррелирующими синтаксическими структурами: от прозрачной до случаев, требующих расшифровки, то есть широкого контекста. Они могут передавать содержание

бинарных словосочетаний, придаточных предложений, отдельных синтагм и предложений, а также целых ситуаций, выполняя при этом функции языковой экономии, компрессии, номинализации.

Коммуникативная функция универбов связана с их ономаσιологическими особенностями. С одной стороны, это названия предметов и явлений реального мира, с другой стороны, в их составе появляются непосредственные конститuentы, которые играют определенную роль в контексте в зависимости их семантических особенностей. На прагматическую функцию исследуемых словообразовательных конструкций указывают их образное переносное значение и окказиональное употребление.

Следует подчеркнуть, что образование универбов не является самоцелью, а решением задач при построении текста в целом

Исследование может быть расширено за счет установления типов универбов, относящихся к другим частям речи, и описания их функций в тексте.

Литература

1. Кубрякова, Е. С. Что такое словообразование / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1965. – 78 с.
2. Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка = Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache : учеб. пособие для студ. лингв. и пед. фак. высш. учеб. заведений / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – 2-е изд. испр. – М. : изд. центр «Академия», 2005. – 256 с.
3. Шумагер, А. И. К проблеме универбации в лингвистике // Лексические категории (на материале немецкого языка) / А. И. Шумагер. – Калинин, 1984. – 146 с.
4. Ольшанский, И. Г. О некоторых активных процессах в синтаксисе немецкого словосочетания // Иностранные языки в школе. – 1976. – № 1. – С. 18–25.
5. Федоров, А. Ф. Немецко-русские языковые параллели / А. Ф. Федоров. – М. : Наука, 1961. – 295 с.
6. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1969. – 325 s.
7. Абрамов, Б. А. Синтаксически обусловленная деструкция сложных и производных слов в немецком языке // Вопросы языкознания. – 1970. – № 5. – С. 69–79.
8. Миловская, Н. Д. Голофрастические конструкции – особая категория лексики современного немецкого языка // Лексика и текст / Н. Д. Миловская. – Калинин, 1980. – С. 133–135.
9. Розен, Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке : кн. для учителя / Е. В. Розен. – М. : Просвещение, 1991. – 192 с.

10. Konsalik, H. G. Ein Mensch wie du / H. G. Kosalik. – München : Carl Habel Verlag. – 223 s.
11. Seydewitz, R. Alle Menschen haben Träume / R. Seydewitz. – Berlin : Buchverlag Der Morgen. – 551 s.
12. Ulitzkaja, L. Sonetschka und andere Erzählungen / L. Ulitzkaja. – Berlin : Verlag Volk und Welt. – 287 s.
13. Probst, A. Die letzten großen Ferien / A. Probst. – Berlin : Verlag Neues Leben, 1978. – 180 s.
14. Neumann, G. Waterloo / G. Neumann. – Leipzig : Mitteldeutscher Verlag Halle, 1980. – 240 s.
15. Valentin, B. Du bleibst da, und zwar sofort! / B. Valentin. – München-Zürich : R. Piper Verlag, 1982. – 175 s.
16. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2006. – № 25.
17. Wochenende. – 2010. – № 182.

МГПУ ИМ. И.П. ШАМЯКИНА

В. Н. Сергей

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОТЕНЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО В СТРУКТУРИРОВАНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Существительное, как известно, является не только одной из основных частей речи, но и важнейшим средством номинации. Как часть речи имя существительное характеризуется тремя главными признаками: семантическим, морфологическим и синтаксическим. В семантическом плане существительные обозначают субстанции: одушевленные существа, предметы и объекты, вещества, а также качества, действия и состояния, поскольку любое понятие может мыслиться как субстанция.

В плане морфологии имя раскрывается через категории числа и рода. Дискуссионной является категория детерминации существительного, поскольку значения детерминации выражаются не морфемами, а артиклями и другими детерминативами, которые не входят, однако, в состав имени. Вместе с тем сочетание «детерминатив (артикл, местоимение и др.) + имя существительное» представляет собой именную группу с единым планом содержания, позволяющим рассматривать её как одно целое. Именно детерминатив формирует именную группу и актуализирует её в предложении. «Существительное само по себе не в состоянии выполнить ни одной из возложенных на его категории синтаксических функций. Для того чтобы фигурировать в предложении, оно должно сопровождаться (эксплицитно или имплицитно) знаками актуализации» [1, 319]. Самыми частотными знаками актуализации во французском языке выступают артикли и местоимения. Формирование и актуализация именной группы во французском предложении артиклями и местоимениями даёт основание считать, вслед за В. Г. Гаком, детерминацию синтаксической категорией. К этому следует добавить, что среди различных знаков актуализации существительного именно артиклю принадлежит первое место, именно артикл выражает категорию детерминации «в чистом виде» [2, 97]. В свою очередь, детерминация имени существительного во многом зависит от функции, выполняемой им в предложении. Первичной синтаксической функцией существительного, как известно,

является функция подлежащего: имя в данной позиции называет субстанцию как основу описываемой порождаемым предложением ситуации. В этом плане необходимо отметить: подлежащее, прежде всего, обозначает субъект как «исполнителя действия, носителя состояния или признака, обозначенного в сказуемом» [2, 73]. Но подлежащее может также обозначать действие и состояние (как субстанцию – основу описываемой ситуации).

А. И. Смирницкий трактует субъект более широко и рассматривает его как «тот предмет мысли, по отношению к которому мыслится, определяется и выделяется предикат» [3, 107–111]. Таким образом, субъект, выделяемый по логическому принципу, в предложении находит своё выражение в подлежащем.

С семантикой и структурой предложения подлежащее соотносится непосредственно, т. е. связано более тесно, чем другие именные члены предложения. В своё время Ж. Дамурет и Э. Пишон отметили значимость подлежащего как исходного члена предложения. Разделяя их точку зрения, М. Д. Потапова также считает, что подлежащее – «наиболее частотное лингвистическое (морфолого-синтаксическое) обозначение исходного предмета отношения» [4, 13–19]. Для Н. Д. Арутюновой подлежащее – это «своего рода якорь, крючок, которым предложение зацепляется за действительность» [5, 372].

Подлежащее признаётся центром формальной и смысловой структуры предложения в традиционном понимании вопроса. Как один из главных членов предложения, оно занимает ведущее положение и является исходным пунктом для адресанта речи при порождении высказывания. Здесь явно усматривается связь с актуальным членением предложения, в котором подлежащее играет роль темы, что и возводит его в ранг главного члена предложения и предопределяет ему инициальную позицию. Построение предложения по схеме «подлежащее – сказуемое» интуитивно воспринимается во французском языке как логический образец и поэтому является наиболее распространенным. Прямой порядок слов в предложении отражает логическое развёртывание мысли адресанта речи от данного к новому, от известного к неизвестному, хотя тема не всегда

совпадает с подлежащим, а рема – со сказуемым. Как отмечает Л. М. Скрелина, «преобладание прямого словопорядка объясняется наличием единого предречевого механизма, регулятором которого является инциденция» [6, 61–67]. В унисон звучит и следующее замечание: «Семантический облик подлежащего-существительного, когда именно оно стоит первым слева, порождает определённые смысловые ожидания и тормозит в нашем уме другие семантические области» [7, 198].

С точки зрения коммуникативной оси «адресант речи – предложение (высказывание) – адресат речи», инициальная позиция подлежащего обоснована тем, что в ней естественно совмещаются формы выражения логического субъекта (исходного предмета отношения или мысли) и грамматического субъекта (подлежащего). Будучи исходным предметом отношения, подлежащее вводится в предложение «по интенции реализуемой в предложении мысли». Однако, становясь членом предложения, подлежащее, в свою очередь, устремляется к глаголу, одновременно вызывая его к существованию, как бы полагая его, «что предполагает обратное действие: глагол также устремляется к подлежащему. Такая взаимоустремленность этих двух членов предложения и «является отличительной чертой предикативного отношения, связывающего подлежащее и сказуемое» [8, 68]. В предикативном единстве подлежащее является определяемым, а сказуемое определяющим. В этом заключается суть предикативности: содержание имени существительного в функции подлежащего объясняется и реализуется сказуемым.

Подлежащее и сказуемое, выражающие отношения в синтаксической структуре, называют одновременно элементы объективной действительности. Устремления лингвистов-исследователей и направлены на раскрытие соотношения между членами предложения и компонентами обозначаемой этими членами ситуации, что не всегда однозначно, поскольку подлежащее, например, может называть не только объект, носителя действия или состояния, но и причину и даже само действие:

La douleur m'a fait réveillé. – Je me suis réveillé à cause de la douleur. (Боль меня разбудила. – Я проснулся из-за боли).

La lecture est difficile. – Il est difficile de lire. (Чтение – тяжело. – Тяжело читать).

В грамматике подлежащее обычно определяется чисто формально и рассматривается как элемент структурной организации предложения. В плане же семантической организации последнего подлежащее исследуется как конститuent, способный выражать различные семантические компоненты субстанционального характера или же, например, признаковые, деятельностные, событийные и т. д.

Du côté de Sapigneul, des fusées s'élançaient. Une rouge s'alluma comme une lampe au milieu de déroulement de la nuit et elle resta là, suspendue [9, 99]. (Со стороны селения Сапинель в небо взмыли ракеты. Краснота загорелась в ночи, словно подвешенная лампа).

La respiration est devenu plus difficile. (Дышать (дыхание) стало труднее).

Victoire ... Défaite ... ces mots n'ont point de sens. La vie est au-dessous de ces images, et déjà prépare de nouvelles images. Une victoire affaiblit un peuple. Une défaite en réveille une autre ... [10]. Победа ... Поражение ... эти слова не имеют никакого смысла. Жизнь выше этих картинок и уже готовит новые картинки. Победа ослабляет народ. Поражение пробуждает в нем другое ...

Исходя из вышеизложенного, представляется наиболее естественным подходить к анализу семантики подлежащего, равно как и сказуемого, как к функциональной категории. Именно функциональный подход, позволяющий учитывать специфику семантики (признаковость, событийность и т. д.), присоединяемой к денотативному содержанию имени, даёт полное представление о подлежащем. Денотативность (предметность или субстанциональность) составляет семантическую основу подлежащего в общекатегориальном плане. Денотативный характер подлежащего проявляется в том, что, оформляясь артиклем или другим детерминативом, оно действительно обозначает (предмет или признак), а сказуемое ничего само по себе не обозначает (в том смысле слова «обозначать», которое выражает отношение между именем и его денотатом); оно лишь приписывает признак тому объекту, который обозначен подлежащим» [11, 351]. В этом состоит семантическое различие между подлежащим и сказуемым.

Итак, подлежащее всегда субстанционально, является определяемым и, соответственно, тяготеет к инициальной позиции. Постпозиция подлежащего во французском языке менее употребительна. Она была более специфична для структуры предложения в старофранцузском языке, особенно в памятниках IX–XI веков. Данный факт объясняется, с одной стороны, двухпадежной системой склонения, благодаря которой противопоставление «подлежащее – прямое дополнение» не нуждалось в фиксированном месте. С другой стороны – это следы влияния латинского языка, в котором структура далека от фиксированного порядка слов. Вместе с тем, благодаря появлению детерминативов, центр организованной структуры французского предложения перемещается в препозицию. Таким образом, постпозиция оказалась той синтаксической ситуацией, которая способствовала формированию детерминации имени.

В современном французском языке инверсия подлежащего встречается, в основном, для выражения вопроса и для выделения подлежащего в качестве ремы [12, 94], т. е. имеет преимущественно структурно-грамматическую функцию.

Денотативный компонент, как исходная основа семантической структуры подлежащего, реализует предметную соотнесенность предложения. В связи с этим следует отметить, что предметным именам в этой позиции свойственно определённое равновесие формирующих их семантическую структуру денотативных и сигнификативных компонентов. Абстрактные же существительные характеризуются преимущественно сигнификативным значением, что, по мнению исследователей языка, объясняется отсутствием у них референта – реального объекта: абстрактные имена соотносятся не с конкретными предметами и объектами, а с понятиями о них. Указание на денотат осуществляется косвенно, через различные признаки, что, в свою очередь, требует непосредственной связи сигнификативных (признаковых) компонентов со знанием говорящего о данном денотате (референте). В одном из предыдущих примеров *Une rouge s'alluma comme une lampe au milieu de déroulement de la nuit et elle resta là, suspendue* [9, 99] абстрактное существительное *une rouge* (краснота) соотносится с реальным объектом *des fusées* (ракеты) через признаки *élançées* (выпущенные, выстрелянные) и признак,

обозначающий цвет – *rouge* (красный). Адресант речи знает из собственных наблюдений о происхождении красноты в ночном небе и пытается донести данную информацию до адресата.

Различная степень знания реализуется в различных способах детерминации обозначений этого денотата (референта) в высказывании, т. е. через разные формы детерминатива, сопровождающего то или иное обозначение (имя существительное).

В объективном бытии предмет мысли не может быть определённым или неопределённым: он выступает таковым лишь в конкретной ситуации в процессе (акте) коммуникации и конкретно – по отношению к его участникам. Следовательно, определённая или неопределённая, как значения категории детерминации имени, с одной стороны, имплицитно обусловлены причинами, которые лежат вне системы языка, и с другой – связаны более конкретно с предметом мысли и с особенностями мышления говорящего. Нормами мышления вырабатывается предикация, составляющая семантическую основу предложения и реализующаяся в предикативном отношении, которое, в свою очередь, передаётся синтаксическими категориями, в том числе и категорией детерминации имени.

Грамматически подлежащее всегда определено: имя в этой позиции, несмотря на его различную семантику, сопровождается артиклем или другим детерминативом, что свидетельствует о наличии грамматического значения «предметности». Как было уже сказано, такое положение логически закономерно: «Онтологический или мысленный предмет выступает как определяемое, носитель предикативного признака» [13, 63]. Иначе говоря, подлежащее получает грамматическую детерминацию. Только такая установка подлежащего (имени существительного) создаёт предпосылки для организации предложения. Инициальная репрезентация и грамматическая детерминация имени-подлежащего способствуют непосредственному проявлению синтаксических свойств этого существительного и влияют на синтаксическую структуру предложения: «представление, которое непосредственно соединяется с термином подлежащего, имеет своей целью только указать на этот предмет, только сделать, так сказать, намёк на то, на что направлена мысль, чему намереваются приписать известное определение» [14, 56]. Однако для говорящего определённость предмета мысли, выражаемого

подлежащим, может оказаться значительно разнообразнее, в зависимости от ситуации и интенции. Процесс же приписывания определения, т. е. придания определённости или неопределённости предмету мысли, – задача отдельного исследования.

Таким образом, логико-семантический компонент, оформленный как подлежащее, соотносит данное предложение с реальной действительностью: существительное в позиции подлежащего выступает знаком конкретного предмета (факта, состояния, чувства или же определенного класса предметов и фактов) в предложении-высказывании. Являясь его отправной базой, подлежащее устанавливает референцию к окружающей действительности: к предмету, явлению, событию в конкретной ситуации, которые выделяются и одновременно индивидуализируются адресантом речи и о которых даётся необходимая информация через предикат.

Семантическая репрезентация предложения в целом зависит от семантической репрезентации подлежащего. Последняя обязательно предполагает значение детерминативов. Обращение к семантическому анализу подлежащего может объяснить, каким образом понимается предложение в целом, как оно интерпретируется и соотносится с онтологическими или мысленными предметами.

Семантическая дифференциация существительных в позиции подлежащего диктуется необходимостью установить специфику их соотносённости с реальными объектами или явлениями и, как следствие, – специфику реализации значения и формы детерминатива. В разное время существительные классифицировались с различных точек зрения и в различных целях: любая новая идея и теория получают апробацию, в первую очередь, на основе систематизации и анализа таких частей речи, как имя и глагол. Современная теория коммуникативного синтаксиса также не может обойтись без семантического разграничения существительных на подгруппы в зависимости от поставленных исследователем задач.

Учитывая синтаксическую (позиция подлежащего) и семантико-грамматическую (обозначение субстанциональности) особенности анализируемых имен, не следует забывать и о функциональном, динамичном характере их семантики, поскольку имя используется адресантом речи с конкретной целью и в конкретной речевой ситуации.

Предметные отношения действительности определяют системное формирование семантики имени: разные соотношения семантических компонентов служат основанием для противопоставления конкретной и абстрактной лексики или, иначе говоря, слов с предметным и предикатным значением. Основанием для такой классификации послужили наблюдения за различной степенью выраженности номинативной функции у тех или других лексических единиц. Вместе с тем внутренняя динамичность семантики, т. е. различное соотношение денотативного и сигнификативного компонентов, раскрывается лишь в реализации семантической структуры имени в предложении-высказывании.

Для данного исследования наиболее эффективной является классификация номинаций, которая представлена в трудах Н. Д. Арутюновой. Функциональный подход к значению предполагает то, что семантическое содержание слова формируется под влиянием его коммуникативной роли в сообщении, что и определяет разграничение идентифицирующих и предикативных знаков. «Если считать, что в предложении регулярно реализуются две основные коммуникативные функции – идентификация предметов, о которых идёт речь, и предикация, вводящая сообщаемое, то можно ожидать, что значение слов приспособляется к выполнению одного из этих двух заданий ... Идентифицирующие слова отражают и классифицируют то, что «существует в мире»: они как бы замещают мир в сообщениях о нем. Предикатные слова выражают то, что мы думаем о мире. Первые ориентированы на объективный мир, вторые – на познающего субъекта. Первые могут быть проиллюстрированы, вторые – нет» [5, 326–343]. Идентифицирующие знаки это, как правило, конкретные имена – референтная лексика; к предикатным знакам относятся имена абстрактные – пропозитивная или событийная лексика. Семантика идентифицирующих знаков ориентирована на денотат и создаётся общими чертами класса денотатов. В высказывании идентифицирующие знаки стремятся к сокращению и уточнению своих возможностей референции; реализуя свою способность к денотации, они вызывают индивидуализированные представления о конкретном предмете. Понятийное содержание предикатных знаков стремится к отрыву от денотата: своё

сигнификативное содержание они реализуют в высказывании как значение, создаваемое стандартизированными представлениями о свойствах предметов или событий.

Поскольку нас интересует позиция подлежащего, то среди идентифицирующих знаков следует разграничивать одушевлённые имена и имена предметов: это различие оказывается существенным.

Естественно, что семантические подгруппы существительных обладают различными референциальными возможностями, при этом монофункциональные знаки способны выполнять только одну функцию – либо идентификации, либо предикации; бифункциональные знаки – и ту, и другую функции [5, 329]. Так, предметные имена, которые образуют самую многочисленную группу, включаются в разряд бифункциональных знаков, поскольку они способны выступать в высказывании и в качестве идентифицирующих, и в качестве предикатных знаков.

Идентифицирующие знаки приспособлены наиболее естественно к референции, в то время как для предикатных знаков эта способность снижается, хотя и не исключается полностью. Кроме того, существительное в предложении-высказывании и вне его по-разному выполняют свою референциальную функцию: референциальная функция существительного в контексте относится французским лингвистом Ж.-К. Милнером к актуальной референции, отсылочная функция виртуального имени – к виртуальной [15]. В трудах Е. В. Падучевой вообще отрицается наличие референциальных свойств у имен как номинативных знаков. «... Референция осуществляется именной группой в составе высказывания в момент его произношения» [16, 82]. С этим можно согласиться, если считать, что референция – это отсылка имени к конкретному предмету, что, естественно, имеет место лишь в тексте.

Соответствие значения слова и того отношения, выразителем которого оно является, «зиждется на согласовании понятий пространственно-предметного плана, с одной стороны, и событийно-временного – с другой» [5, 124]. Этот тезис подтверждает необходимость учитывать семантическое разграничение субстантивного словаря в том плане, что семантика находится в зависимости от взаимодействия с другими понятийными сущностями: с одной стороны – предмет и пространственная ориентация, физическое

действие и физическое свойство предмета; с другой стороны – событие и время, свойство события и суждение о событии как мысленный акт. Эти понятия определяют специфику различных ситуаций и их анализ, поскольку возникает потребность установить характер связей именной группы с ситуацией, а следовательно, и с коммуникативной осью «адресант – высказывание – адресат». Иначе говоря, потребность исследовать детерминацию имени в позиции подлежащего как процесс формирования или проявления различных установок имени, что является объектом отдельного исследования.

Литература

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.
2. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. – 2-е изд. / В. Г. Гак. – М. : Высш. шк., 1986. – 312 с.
3. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : изд-во лит-ры на иностр. языках, 1957. – 286 с.
4. Потапова, М. Д. О структурной роли подлежащего в современном французском языке / М. Д. Потапова // Иностранные языки в школе. – 1976. – № 3. – С. 13–19.
5. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
6. Скредина, Л. М. О концептуальной схеме предложения / Л. М. Скредина // Проблемы синтаксиса простого предложения. – Л. : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. – С. 61–67.
7. Апиференко, А. Ф. Фразеологическое значение в системе семантических единиц других уровней языка // Теоретические проблемы семантики и её отражение в однозначных словарях / А. Ф. Апиференко. – Кишинёв : Штиинца, 1982. – 246 с.
8. Адмони, В. Г. Синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – Л. : Наука, 1973. – 365 с.
9. Giono, J. Le grand troupeau / J. Giono. – Paris : Gallimard, 1979. – 256 p.
10. Saint-Exupéry, A. Vol de nuit / A. Saint-Exupéry. – Paris : Gallimard, 1931. – 192 p.
11. Падучева, Е. В. Подлежащее или сказуемое? / Е. В. Падучева, В. А. Успенский // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. – 1979. – Т. 38. – № 4. – С. 349–360.
12. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. – 2-е изд. / В. Г. Гак. – М. : Высш. шк., 1986. – 220 с.

13. Сергеева, В. И. Многофакторность субъекта предложения / В. И. Сергеева // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин : КГУ, 1983. – С. 61–68.

14. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.

15. Milner, J.-Cl. De la syntaxe à l'interprétation / J.-Cl. Milner. – Paris : Ed. du Seuil, 1978. – 408 p.

16. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 271 с.

М. Г. Старовойт

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛЯ НЕОПРЕДЕЛЕННО БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА В БЕЛОРУССКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Исследованием оценочной категории неопределенно большого количества (НБК) ученые начали заниматься ещё в 1970–1980-е гг. Изучению категории НБК посвящены работы П. П. Бочкаревой, Т. А. Яцук, Е. В. Щebetенко, В. М. Вовк, А. А. Молчанова, М. И. Польской, Э. В. Игнатъевой, Н. И. Науменко. В 1982 г. Н. Л. Клименко была сделана попытка описать средства выражения НБК в виде функционально-семантического поля в английском и русском языках в контрастивном и переводческом аспектах. В данной работе была показана значительная близость структуры этих полей в обоих языках [1]. Подобные исследования в белорусском языке ранее не проводились. Для определения общих и специфических особенностей составляющих полей в белорусском, русском и английском языках важно определить взаимодействие парадигматических и синтагматических характеристик.

Поле неопределенно большого количества в белорусском, русском и английском языках представляет собой реализацию поля оценочного выражения неопределенного количества. При отборе практического материала мы опирались на образность языковых явлений. Организация лексики в систему строилась на основе ассоциативно-номинационного принципа, который определяет пути номинационной системы языка, привычные для носителей языка способы мотивации слов с оценочно-количественными значениями. В данном случае лексические единицы группируются вокруг языковых образов, лежащих в основе семантических переносов, реализация которых определяется нормой и узусом.

Для функционально семантических полей именно ассоциативно-номинационный принцип структурирования приобретает огромную значимость и информативность. Номинационная схема показывает участок «языковой картины мира» в пределах конкретного поля, она

способна передать национальную специфику языка и номинационную типологию. Анализ ассоциативно-номинационных направлений также имеет огромное значение для изучения глубинной когнитивной структуры значения. Выявление групп лексических единиц на основе образа, возникающего при восприятии слова внутри языковой категории «неопределенное количество», позволяет уточнить картину организации всей лексики в систему.

Анализ уровневой организации исследуемой категории НБК позволяет выделить в структуре два уровня: выражение прямого и переносного значения. При выражении неопределенно большого количества в прямом значении отсутствует образность. При структурировании лексических единиц с переносным значением НБК определены следующие классы образов: образы большого, образы больших/интенсивных природных явлений, образы совокупностей, образы движущихся совокупностей, образы артефактов, образы сильного/интенсивного, образы полного, образы быстрого движения.

Сходства и различия свойственны всем классам образов, на которые делятся по ассоциативно-номинационному принципу поля НБК. Большую часть полей НБК в белорусском, русском и английском языках образуют лексемы, выражающие НБК в переносном значении и входящие в периферийные семантические ряды. Преобладание этих средств в выражении понятия НБК в этих языках естественно, если учесть относительный характер понятия НБК и значение его в человеческой деятельности. В основе переносного наименования НБК лежит образ «большого», с которым сочетаются образы «сильного», «общего», «полного». Это образы большого размера (бел. *працяг, пашырэнне, велічыня, мноства*; рус. *протяжение, расширение, большой размер, обильность, чрезмерность*; англ. *extent, expansion, largeness, profusion*), большого числа (бел. *тузін, сотні, тысячы, мільёны*; рус. *дюжина, сотни, тысячи, миллионы*; англ. *dozen, hundreds, thousands, millions*), большого вместилища (бел. *свіран, рэзервуар, сховішча*; рус. *амбар, резервуар, хранилище, ангар*; англ. *barn, container, depository, hangar*), большой совокупности (бел. *згуртаванне, збіранне, патомкі, гарэм, гледачы, насельніцтва*; рус. *сообщество, скопление, потомки, гарем, зрители, население*; англ. *congregation, descendants, harem, audience, population*), интенсивных

природных явлений (бел. *прыток, вадаспад, моцны лівень, паводка, вывяржэнне, ўспышка*; рус. *приток, водопад, сильный ливень, наводнение, извержение, вспышка*; англ. *affluence, cascade, cataract, spate, outbreak*) и др. Процесс переноса заключается в том, что семы НБК в составе означаемого слова, которое употребляется для вторичного наименования НБК, становятся второстепенными, что сопровождается преобразованием семантической структуры слова. Так, ядерная сема, имеющаяся в прямом номинативном значении слова, приглушается, семы, являющиеся основанием для переноса, выдвигаются на передний план. Многие переносные употребления слов со значением НБК настолько прочно вошли в язык, что фиксируются в словарях [2, 135].

Пути формирования переносного значения НБК в белорусском, русском и английском языках примерно одинаковы. Часто используются сходные ассоциации с природными явлениями, вместилищами, совокупностями и др.; количество лексических единиц в каждом ряду различное, что обусловлено особенностями строения и развития языка. В английском языке способность выражать НБК при детерминологизации приобретает основная часть слов меры и веса, использовавшиеся в старой системе мер: англ. *acre(s), bushel(s), mile(s), ton(s)* и др. В русском и белорусском языках употребление в значении НБК существительных *тонны, километры* носит скорее окказиональный характер. Сочетаемость английских существительных со значением меры достаточно широка, например: *miles of houses, tons of people, pounds of passion*. Сочетаемость русских и белорусских слов-измерителей ограничена узким кругом существительных, обозначающих количество, которое потенциально можно измерить, например: рус. *километры лент, тонны мусора*, бел. *сотні нягод, мільён абяцанняў*.

Для выражения НБК в исследуемых языках часто используется образ большого числа. В английском и русском языках, в основном, употребляются числа кратные десяти. В английском языке в большей степени употребляются числительные и счетные существительные, чем в русском., например, англ. *dozen(s), score(s)*, рус. *дюжины, три десятка*. В белорусском языке при выражении значения большого числа часто используются такие лексемы, как бел. *замнога, безліч, зашмат, найбольш*.

Величина вместилища, на основе которого строится переносное значение НБК в белорусском, русском и английском языках,

оценивается субъективно, меняясь от ситуации к ситуации. У некоторых существительных семы НБК могут актуализироваться под влиянием контекста, необычной сочетаемости и т. п., например, англ. *a spoonful of salt*; рус. *ложка соли* – это обычная определенная мера. В сопоставляемых языках для выражения НБК используются примерно одинаковые наименования вместилищ: бел. *бочка, ведро, мяшок*; рус. *бочка, ведро, мешок*; англ. *barrel, bucket, sack*; однако имеются элементы, обозначающие специфичные реалии, например, в русском языке *ушат, кадка, кубышка* или в белорусском *бляхарня, конаўка, імбрычак, ложачнік, палумісак*. В целом, количество слов, обозначающих вместилище, неограниченно. Сочетаемость таких существительных связана с их семантикой. Некоторые сочетаются лишь с одним словом, например, англ. *a budget of news*; рус. *короб новостей*. В белорусском и русском языках для обозначения НБК денег узуально употребляют названия места, где их хранят, например, бел. *мяшок, кашалек, чамадан, панчохі*, рус. *мешок, кошелёк, чемодан, чулок*.

В английском и русском языках НБК могут обозначать любые единицы времени или денег при употреблении с актуализаторами типа «целый»: англ. *centuries of rain*, рус. *вечность страданий*. Время является таким важным фактором в жизни человека, что в языках выработались параллельные средства, выражающие НБК времени: англ. *I haven't seen you for ages*, рус. *Мы уже сто лет не виделись*, бел. *Мы ужо сто гадоў не бачыліся*.

Самыми яркими образами, на которых базируется переносное значение НБК, являются образы природных явлений. НБК в данном случае формируется на базе лексем, обозначающих сходные природные явления. Различия обусловлены особенностями строения и развития каждого языка, некоторыми экстралингвистическими факторами. Перенос сходства природных явлений происходит по линии их большого размера/интенсивности. В результате метафора создается в зависимости от степени ее мотивировки: рус. *море проблем, поток информации*, англ. *a sea of troubles, a stream of visitors* и др.

Наиболее употребительны в значении НБК англ. *flow, flood, stream, torrent, current, tide*; рус. *поток*. Частотны также англ. *river*,

рус. *река*, реже употребляется *ручей*. Англ. *confluence, inundation* и соответствующие рус. *половодье, прилив, наплыв, наводнение, приток* определяют НБК движущихся предметов, часто лиц и чувств: англ. *inundation of feelings, affluence of customers*, рус. *прилив чувств, поток посетителей*.

В связи с особенностями исходной семантики рус. *лавина*, англ. *avalanche* легко сочетаются с существительными, обозначающими нечто угрожающее или нежелательное, НБК которого быстро нарастает: англ. *avalanche of bills*, рус. *лавина счетов*. В белорусском языке данная лексема встречается редко.

На сочетаемость лексем, обозначающих в прямом значении осадки, большое влияние оказывает специфика их исходной сочетаемости. Англ. *hail, hailstorm*, рус. *град* характеризуют НБК предметов, способных причинить вред, доставить неприятность: англ. *hail of blows*, рус. *град ударов, град проклятий*, сочетаясь только с исчисляемыми существительными, обозначающими неодушевленные предметы. Широкую сочетаемость имеют англ. *rain, shower*, рус. *дождь, ливень*: англ. *rain of leaves, shower of sparks*, рус. *дождь брызг, ливень мыслей/снарядов*. Англ. *deluge, snowfall*, рус. *снегопад* сочетаются с существительными, обозначающими предметы, движущиеся в воздухе (как снежинки): *deluge of confetti* и *снегопад конфетти*.

Англ. *constellation, galaxy, pleiades*, рус. *созвездие, плеада* определяют НБК, сходное со звездами, чего-то яркого: англ. *constellation of memories*, рус. *созвездие талантов, плеада отличных стихов*. В белорусской речи подобные словосочетания малоупотребительны.

Сочетаемость англ. *forest*, рус. *лес* в основном ограничивается существительными, обозначающими острые, торчащие предметы: бел. *лес кольяў*, рус. *лес кольев*, англ. *forest of spires*. Сема труднопроходимость в основном значении бел. *ройсты, чаротнік*, рус. *дебри, джунгли, заросли* и англ. *brush, jungle, thicket* обуславливает их сочетаемость в значении НБК с негативно окрашенными существительными: бел. *ройсты праблем*, рус. *дебри слов, заросли трудностей*, англ. *jungle of problems*. НБК негативно окрашенных существительных определяют англ. *whirl, twirl, whirlwind, storm, hurricane, spout, tempest, tornado*, рус. *вихрь, буря, ураган, шквал*,

смерчь. Вызывают отрицательное отношение также англ. *abyss, depth*, рус. *бездна, пропасть*: англ. *abyss of nightmares*, рус. *пропасть бед, бездна неприятностей*.

Достаточно употребительны в значении НБК англ. *bunch* и *cluster* с исчисляемыми существительными, например, *bunch of bananas, cluster of sounds*. Сочетаемость рус. *гроздь* с абстрактными существительными окказиональна (*воспоминания, гнев*). В этом случае в белорусском и русском языках возникает значение совокупности лиц, предметов: бел. *гронка вінаграду/рабін*, рус. *грозди яблок/шаров*. Существительные белорус. *гара, груда*, рус. *гора, холм*, англ. *mountain, hill*, в основном, сочетаются с неодушевленными существительными: бел. *гара смеця*, рус. *гора долгов/мусора* англ. *mountain of debts/litter*.

Сочетаемость английских и русских существительных, в значении которых имеется сема интенсивного извержения воды, ограничена существительными, обозначающими конкретные неодушевленные предметы: англ. *fountain of tears / sparks*, рус. *фонтан слез / эмоций*. Слово *фонтан* в русском языке часто употребляется с существительными, связанными с человеческой речью, эмоциями: *фонтан брани / похвал / красноречия*. В таких сочетаниях хорошо ощущается негативное отношение говорящего к определяемому предмету. Подобные сочетания в белорусском языке выявлены не были.

Важное место в полях НБК занимают слова и выражения, в основе которых лежит образ совокупности. Компонентный анализ показывает, что, кроме архисемы «совокупность», в семантический состав входят также дифференциальные семы «упорядоченность/неупорядоченность», «люди/животные/предметы», «разнообразие» и др. Однако не все лексем со значением совокупности одинаково развивают переносное значение НБК. Так, в семантический состав лексем, являющихся названиями воинских подразделений и коллективов, объединенных одной целью, и употребляемых в строго терминологическом смысле, входят семы неопределенного количества (не НБК), но при выходе из терминологического употребления названия воинских частей развивают перенос: англ. *battalion of pupils, army of cockroaches*, рус. *батальон школьников, армия крыс*. Слова типа англ. *group, team, brigade*, рус. *группа, бригада* не употребляются в переносном значении.

Легко развивают переносное значение НБК лексемы, обозначающие совокупности животных. При употреблении они обладают яркой эмоциональной окраской. В их семантическом составе присутствуют коннотативные семы, отражающие ассоциации с признаками, характерными для определенных совокупностей животных: бел. *згряя буржуазных пісак*, рус. *свора мальчишек*, англ. *flock of girls*. Лексемы со значением упорядоченной совокупности предметов образуют переносное значение НБК сочетанием с существительными, обозначающими животных и предметы, совокупности которых имеют особые названия: англ. *flotilla of grey ducks*, рус. *эскадрильи журавлей*. Часто такие лексемы являются интернациональными, что и объясняет сходство состава английского и русского языков.

Сема НБК входит в означаемое лексем со значением беспорядочной совокупности лиц или предметов как в прямом, так и в переносном значении, например, англ. *crowd of tourists*, рус. *толпа туристов*, бел. *папрадкі (сбор женщин в какой-либо хате для прядения кудели)* – выражено прямое значение НБК. В примере англ. *rabble of thoughts*, рус. *толпа сомнительных интрижек* выражено переносное значение НБК. Наиболее употребительными лексемами в исследуемых языках являются бел. *натоўп, куча, стос*, рус. *толпа, куча, груда, кupa, ворох*, англ. *crowd, heap, pile, throng*.

В образовании переносного значения НБК участвуют также лексемы со значением движущихся совокупностей: англ. *caravan, cortege, escort, string, train*, рус. *караван, свита, эскорт*. Их сочетаемость определяется спецификой семантики. В белорусском языке лексемы со значением движущихся совокупностей малоупотребительны.

Лексемы, обозначающие в основном своем значении совокупность, возникшую путем накопления, определяют при переносе НБК неодушевленных исчисляемых и неисчисляемых предметов: рус. *заряд смелости, багаж медалей*, англ. *fund of tails / will, a stock of books*. Национально-специфическим является здесь словосочетание *king's ransom*, означающее громадную сумму денег, и белорусские лексические единицы *асяніна, працэнтаўка, фондуш*, которые также обозначают большую сумму денег.

Лексема *circle* со значением геометрических фигур, переносно обозначающая НБК предметов, употребляется в сочетаниях типа *circle of eyes*, что недопустимо с точки зрения норм русского и белорусского языков. В данных языках лексема *круг*, в основном, определяет неопределенное количество обязанностей, забот, интересов.

В целом частотность употребления лексем со значением совокупности в переносном значении НБК не одинакова, в каждом языке есть свои излюбленные средства. Достаточно употребительны в исследуемых языках существительные, обозначающие воинские подразделения, особенно бел. *армія, узвод, легіён, арда*, рус. *армия, взвод, легион, орда*, англ. *army, battalion, horde*. Реже употребляются рус. *эскадрон, дивизия*. Среди существительных, обозначающих совокупности животных, в английском языке частотными являются *flock, herd, pack*, в белорусском языке – *вырай, чарада, згряя, рой, статак, табун*, в русском языке – *стая, свора, рой, стадо, табун*.

В сопоставляемых языках значение НБК развивается на основе переносного употребления лексем с примарным значением крупных артефактов. В английском языке существительные характеризуются более широкой сочетаемостью по сравнению с белорусским и русским языками: англ. *a tower of will, a wall of questions*, рус. *башня сомнений, лабиринт ухищрений, паутина событий*.

Состав белорусских, русских и английских классов, куда входят лексем с примарным значением «мощь», «бурная реакция», примерно одинаков. В английском языке распространен оборот *a power (of)*, который употребляется в значении НБК в разговорной речи. Широко употребляется для выражения НБК англ. *world*, рус. *мир*, несущее образ всеобщности. В английском языке неопределенный артикль и предлог *of* актуализирует значение НБК. В белорусском и русском языках *мир* в значении НБК употребляется реже и только с актуализаторами типа *цельй*.

Таким образом, анализ структуры полей НБК белорусского, русского и английского языков дает основание утверждать, что пути образования лексических знаков являются, в основном, сходными в исследуемых языках. Выделенные в полях НБК семантические ряды русского, белорусского и английского языков различаются по наполнению и количественному составу. Это объясняется структуральными различиями языков, а также экстралингвистическими факторами.

Литература

1. Клименко, Н. Л. Лексико-фразеологические средства выражения НБК в современном русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Л. Клименко ; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л., 1982. – 22 с.
2. Категория количества в современных европейских языках / В. В. Акуленко [и др.] ; под общ. ред. В. В. Акуленко. – Киев, 1990. – 284 с.

МГПУ им. И.П.Шамякина

РАЗДЕЛ II

ЯЗЫК И ДИСКУРС: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С. И. Айзатулина, Т. Н. Талецкая

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА РЕЧЕВЫХ АКТОВ УМОЛЧАНИЯ

Языковая система, основное предназначение которой – служить целям коммуникации, располагает разнообразными средствами обозначения фактов реальной/предполагаемой действительности и способами выражения отношения к ним со стороны коммуникантов. Коммуникация – это не только речь. В реальном общении используются как вербальные, так и невербальные средства. Иногда коммуникативно значимым является даже молчание, если оно имеет преднамеренный характер и используется для того, чтобы вызвать определенный перлокутивный эффект у адресата. Такие речевые акты называются силенциальными (от *silence* – молчание). Молчание интерпретируется в прагматике как нулевой речевой акт [1], [2]. От молчания следует отграничивать умалчивание, являющееся стратегическим силенциальным актом неразглашения, утаивания информации (всегда имеет преднамеренный характер). Что касается исследуемых нами актов *умолчания*, то их мы связываем с коммуникативно-значимым прекращением речи и подразумеваем под ними недоговоренные речевые акты, в которых недосказанность имплицитно устанавливается с помощью намёка, а её референция устанавливается адресатом на основе догадки.

Ситуативная обусловленность речи упрощает формы языкового общения, делает излишним называние того, что в конкретной ситуации ясно без слов. В таких случаях номинация отдельных компонентов ситуации осуществляется имплицитным способом, в частности лишь намёком на определенный отрезок окружающей или предполагаемой

действительности. Такого указания, с позиции говорящего, должно быть достаточно, чтобы адресат понял, о чем идет речь, поскольку коммуникантов связывает «двойственная ситуативность высказывания» [3, 15]: с одной стороны, оно привязано к референтной ситуации, о которой идет речь, с другой стороны – к ситуации общения, в которой осуществляется коммуникация. Тем самым обозначаемая ситуация и ситуация общения, как бы «вплавляясь» в речь, восполняют имплицитно то, что не было выражено вербально.

Проблема семантической имплицитности непосредственно связана с одной из центральных проблем языкознания – проблемой номинации. Отображаемая сознанием говорящего экстралингвистическая ситуация структурируется в актах умолчания не полностью. В них не получают номинации отдельные компоненты ситуации (самостоятельные субстанции, их признаки, состояния, пространственная и временная локализация). Чтобы коммуникативный акт состоялся, номинация последних должна быть осуществлена имплицитным способом. Используя речевые акты умолчания, говорящий не называет, а лишь намекает на те или иные факты, события, состояния, действия, обстоятельства, намерения и т. д. При этом он активно прогнозирует в дискурсе указание на определенный отрезок окружающей (или предполагаемой) действительности. В своей стратегии говорящий опирается на общую пресуппозицию, на обстоятельства, в которых разворачивается конкретная ситуация общения, использует паралингвистические и другие средства, чтобы обеспечить референцию имплицитного содержания недосказанности.

Наличие у коммуникантов общей пресуппозиции способствует установлению между ними общего коммуникативно-прагматического пространства, позволяющего одному намекать, а другому догадываться о недосказанном. Общее коммуникативно-прагматическое пространство, формирующееся как особый код, ключ от которого имеется у каждого из коммуникантов, позволяет декодировать недосказанность не только по отношению к тому, что происходило в прошлом или имеет место в настоящем, но и по отношению к будущим событиям. Референция таких высказываний возможна благодаря наличию общих

представлений коммуникантов, позволяющих им мыслить в одном направлении.

Степень прагматического потенциала в актах умолчания, как показывает материал нашего исследования, различен. Это позволило нам дифференцировать их как преднамеренные и непреднамеренные.

Прагматические причины, вызывающие непреднамеренную недосказанность, часто связаны с таким эмоциональным состоянием говорящего как гнев/возмущение/негодование, досада/сожаление, смущение/неуверенность/замешательство, обида/огорчение, удивление/недоумение и др., когда в порыве чувств говорящий просто не в состоянии логично завершить начатое высказывание, однако его имплицитное содержание логически выводится адресатом из контекста речи. Например:

«Du hast ... du hast mir etwas bedeutet», hörte ich mich selbst sagen, «Ich habe dir nichts vorgespielt. Deine Schwester irrt sich.»

«Aber du hast ja nicht mal ... », *sie brach mitten im Satz ab und wandte sich halb ab. «Als ich dir erzählt hab, dass ich schwanger bin, hast du ja nicht einmal ... nicht einmal ... », sie war nicht in der Lage, diesen Satz zu beenden, dieses letzte Wort über die Lippen zu bringen: Heirat.*

«Ich wollte nicht heiraten», sagte ich, leiser. «Ich wusste, dass ich nicht so weit war. Es lag nicht daran, dass ich dich nicht liebte.» [4, 46]

Недосказанность «Aber du hast ja nicht mal ...»; «Als ich dir erzählt hab, dass ich schwanger bin, hast du ja nicht einmal ... nicht einmal ...» вызвана обидой, негодованием девушки по поводу равнодушной реакции её друга на незапланированную беременность. Она ждала от него предложения о свадьбе, но не решалась произнести это вслух – *sie war nicht in der Lage, diesen Satz zu beenden, dieses letzte Wort über die Lippen zu bringen: Heirat.* Адресат тем не менее понимает, в чем его упрекают, и объясняет причину своего поведения – он не мог/не хотел жениться, потому что был к этому не готов (*Ich wollte nicht heiraten. Ich wusste, dass ich nicht so weit war.*)

Еще одна типичная ситуация, когда девушка, узнав об измене своего друга, задает ему вопрос о том, правда ли это, в глубине души все же надеясь на то, что это просто недоразумение: «Und wenn das alles nicht stimmte? Wenn Khalid sich das nur ausgedacht hatte? Wenn Philipp doch bei Grit geblieben war? Wenn das wirklich nur ein

dummer Irrtum gewesen ist?» [5, 235]. Но, к сожалению, это правда. В смущении и замешательстве молодой человек не может дать связное объяснение своему поступку. Его речь обрывиста – «Mascha ... Ich ... Wieso ...». Philipp ließ sich aufs Sofa fallen. «Es war, weil ... Oh Gott ...». Несвойственная ему бледность и встречный вопрос также подтверждают его вину – *So blass hatte sie ihn noch nie gesehen*. «Woher weißt du das?» Also doch. Mascha antwortete nicht, sondern leerte den Rucksack auf den Boden. Ситуация для девушки прояснилась, она пытается найти в рюкзаке ключи от квартиры, чтобы вернуть их другу.

Прагматической причиной недосказанности может стать также поиск говорящим наиболее адекватной формы выражения:

Sie trank von ihrem Kaffee und setzte die Tasse vorsichtig auf die Untertasse, als wollte sie der nicht mit einem Klirren wehtun. «Du brauchst dir keine Vorwürfe zu machen, dass du die ganze Angelegenheit aufgerührt hättest. Mir schwankte schon seit längerem, dass da was ... na ja, also dass er ... dass Papa ... irgendwas ...» *Ihre Stimme war immer leiser geworden*.

«Dass er eine Freundin hat», sagte ich, weil ich wissen wollte, ob meine Befürchtung stimmte [6, 127].

В сложившейся ситуации мать пытается сохранять внешнее спокойствие и очень деликатно хочет объяснить дочери-подростку, что у её отца есть другая женщина – Sie setzte die Tasse vorsichtig auf die Untertasse, als wollte sie der nicht mit einem Klirren wehtun. Из контекста видно, как тщательно она пытается подобрать нужные слова – Mir schwankte schon seit längerem, dass da was ... na ja, also dass er ... dass Papa ... irgendwas Тем не менее ее выдает голос – *Ihre Stimme war immer leiser geworden*). Дочь понимает, в чем дело, её вербальная реакция на умолчание однозначно восполняет то, что мать не решалась произнести вслух – Dass er eine Freundin hat.

Такие непреднамеренные акты умолчания не являются номинативными единицами, поскольку вербально не полностью описывают обозначаемую ситуацию, но они функционируют как семантически, а значит, и коммуникативно значимые единицы, поскольку их имплицитная семантика и интенция говорящего понятны адресату в конкретной ситуации общения.

Среди непреднамеренных мы выделили также группу некоммуникативных умолчаний. К ним мы относим речевые акты, не завершаемые в силу того, что говорящий по определенным причинам не может или не хочет говорить дальше (речь обрывается), а также речевые акты, прерываемые адресатом.

Обрыв и прерванные речевые акты являются неотъемлемыми признаками интеракции. Обрыв может происходить по субъективным причинам, когда говорящий, например, не в состоянии закончить свою мысль из-за сильного эмоционального переживания:

«Du wirst diesen Unfug natürlich nicht spielen, Hannah», sagte sie schließlich fest und lächelte und lächelte und lächelte.

«Aber ...», *begann ich, doch das Wort blieb mir im Hals stecken vor Entsetzen*. «Ihr dürft es mir nicht verbieten, ich habe schon zugesagt. Ich habe versprochen, dass ich spielen werde, und es ist doch nichts dabei. Ich meine, es ist nichts Verdorbenes oder so» [7, 79].

Что хотела возразить Ханна своим «Aber ...», её мачеха так и не узнает, поскольку произошел обрыв в речевой цепи – «*das Wort blieb mir im Hals stecken vor Entsetzen*».

Обрыв высказывания может произойти и по объективным причинам:

а) из-за внезапного вмешательства адресата:

«Hast du ihr von dir erzählt?»

«Ich? Was sollte ich ihr erzählen?»

«Dass du am Fenster stehst und zuschaust, wie die Bomben fallen, während sie in der Schrankkammer sitzt. Dass du es aufregend findest, wenn ...»

«*Hör auf!*» Beschämt schlug sich Nell die Hände vors Gesicht. «Ich hätte es dir nicht erzählen sollen!» [8, 78];

б) из-за любого внешнего раздражителя (например, телефонного звонка):

«Na ja, ich weiß nicht ...», beginnt Josephine, *aber bevor sie zu Ende sprechen kann, klingelt das Telefon*. «Wart mal einen Moment.» [9, 131];

в) из-за наложения речи:

Er schwieg. Brühte Tee auf, stellte ihr eine Tasse hin, lehnte sich ans Fenster und blickte auf die Straße.

«Mascha, weißt du ...», *begann er schließlich*.

«Khalid, ich ...», *sagte sie im selben Atemzug* und beide mussten lachen.

«Okay, erst du», *meinte sie dann und griff zur Tasse* [5, 189].

Во всех этих случаях прерванный самим говорящим или адресатом речевой акт представляет собой речевой брак и не является коммуникативно значимым, т. к. высказыванием утрачивается способность к осуществлению номинативной, а значит, и коммуникативной функции в процессе общения.

Если же говорящий возвращает себе речевой ход, прерванный адресатом, и досказывает начатое, то восстанавливается коммуникативная значимость высказывания:

«Und wo kriegst du das Geld her? So ein Kind kostet eine Menge Geld. Wo willst du dreißig-, vierzigtausend Dollar herkriegen? Gibt es irgendeinen mir unbekanntem reichen Onkel, der dir Geld zusteckt?».

«Ich habe Mutter's Geld», *sagte ich*. «Ich kann ...».

«*Du wirst dieses Geld nicht anrühren*», *schrie er*. «*Das ist für deine Ausbildung. Für keinen anderen Zweck!*».

«Darf ich bitte ausreden? Ich habe das Geld von Mutter, erstens, und ich habe Geld gespart, von meinen Sommerjobs, und ich will auch diesen Sommer arbeiten. Ich muss es halt nach und nach verdienen. Die meisten Leute haben keine fünfzigtausend Dollar, wenn sie ein Kind bekommen, auch junge Ehepaare nicht» [4, 8].

Говорящий, используя повтор, возвращается к прерванному отцом высказыванию – Ich habe das Geld von Mutter, чтобы подчеркнуть значимость для него того факта, что деньги принадлежат ему, и завершает начатое высказывание – Ich kann arbeiten und Geld verdienen.

Эффект недосказанной мысли может создаваться за счет активной позиции адресата. Эта активность проявляется не только тогда, когда человек говорит, но и когда он слушает собеседника. Это так называемая внутренняя активность, реакция на то, что воспринимается – одновременная оценка высказываний, частичное планирование своей реплики, не дожидаясь, пока говорящий закончит. Активность адресата по поддержанию речевого контакта проявляется в стратегиях общения, направленных на сохранение за говорящим речевого хода или на смену речевого хода. Сохраняя речевой ход

за говорящим, адресат использует повторы, подхваты, стимулируя говорящего досказать недосказанное. Например, в следующей ситуации внешним стимулом к продолжению высказывания является подхват «*Erste was?*»:

«Ich habe kein schlechtes Gewissen, Martin ist noch immer der Einzige für mich. Gab es andere vor Alex?»

«Nein. Ich war schon mal verliebt, aber ich bin nie aktiv geworden. Alex ist meine erste ...»

«*Erste was?*»

«Liebe».

«Endlich sagst du es» [10, 133].

Речевой акт – акт двусторонний, в котором участвуют минимум два коммуниканта. Поэтому значение каждого высказывания определяется не только интенцией самого говорящего, но и её восприятием адресатом. Мена коммуникативных ролей реализует принцип коммуникативного сотрудничества, предложенный Г. П. Грайсом [11, 133]. Коммуниканты преследуют определенную стратегию речевого поведения: стремясь побудить мыслить в нужном направлении, заранее предусматривая при этом обоюдные возражения, они не оставляют друг другу возможности высказаться до конца – перебивают, дополняют друг друга и т. д. Так, предвосхищая мысль говорящего, адресат может перехватить речевую инициативу и прервать контакт, досказывая начатое говорящим высказывание. Либо говорящий сам останавливается, прежде чем его мысль полностью реализуется в речи, а адресат, помогая ему, досказывает недосказанное, осуществляя своего рода «*konversationelle Unterstützungsarbeit*»:

«Aber wie alt ist sie eigentlich?»

«Fast sechzehn», sagte Thorn.

«Verdammt, du bist verrückt, Mann», sagte Dex. Dafür können sie deinen Arsch drankriegen. Ich dachte, sie wäre mindestens – nun – »

«*Siebzehn?*», lachte Thorn [12, 57].

Такой речевой акт является продуктом совместного речетворчества говорящего и адресата. Говорящий начинает высказывание – Ich dachte, sie wäre mindestens – nun –, адресат его завершает – Siebzehn. Такие акты умолчания можно считать условно недосказанными,

поскольку речевой акт получает завершение в досказывающей реплике адресата, интуитивно догадавшегося, о чем идет речь:

Als ich am nächsten Morgen in die Küche kam, saß nur Mami am Frühstückstisch. Sie sah überhaupt nicht so strahlend und energiegeladen aus wie sonst, sondern hockte zusammengesunken hinter ihrer Tasse.

«Papa ist doch nicht – », fragte ich sie und merkte, wie mir schon wieder das Wasser hochstieg.

«Nein, er ist nicht *ausgezogen*. Noch nicht» [6, 127].

Отвечая на незавершенный вопрос дочери, мать одновременно досказывает ее предположение относительно местонахождения отца. Высказывание «Papa ist doch nicht *ausgezogen*» принадлежит обоим коммуникантам.

В следующей ситуации в диалог Сильвии и Надин внезапно вмешивается косвенный адресат (Таня), адекватно досказывая то, что хотела сказать Сильвия:

«Ich hab mir gedacht, dass ich dich ja einladen könnte – »

Es klappt! Wahnsinn! Wunder gibt es immer wieder!

«Aber du gehörst ja noch nicht zu unserer Clique. Du müsstest also – »

Sie hielt inne.

«'ne Mutprobe machen», ergänzte Tanja, was ihr von Sylvia einen missbilligenden Blick eintrug.

«Misch du dich nicht ein», sagte da auch schon Nadine [6, 24].

В этой ситуации речевой акт «Du müsstest also / 'ne Mutprobe machen», распределяясь по разным репликам, является совместным речевым продуктом говорящего (Сильвии) и косвенного адресата (Тани). Прямым адресатом являлась Надин.

Есть ситуации, когда досказывание адресата не является адекватным (преднамеренно или непреднамеренно). Тогда последующий речевой ход говорящего может быть корректирующим, как в следующей ситуации:

«Seit mein Vater zusammen mit seinen Brüdern dieses blöde Appartement gekauft hat, sind wir nirgendwo anders mehr gewesen. Und jedes Jahr gibt es das gleiche Theater, bis die drei sich einig geworden

sind, wer wann hinfährt. Ich habe schon mal gedacht, sagte Marie, ob ich nicht ...

... *wenigstens für eine Woche mitkommen kann, hakte Florian ein.*
Komm, das muss doch möglich sein.

Nein. Das habe ich nicht gemeint. Ich habe darüber nachgedacht, ob ich nicht die Wohnung verkaufen oder vermieten und stattdessen in das alte Haus umziehen soll.» [13, 75].

Адресатом нарушается постулат качества или истинности по Г. П. Грайсу – Versuche, Gesprächsbeiträge zu machen, die wahr sind. Sage nichts, wofür dir angemessene Gründe fehlen! Референция досказывающей реплики адресата ошибочна, что подтверждается вербальным сигналом говорящего – Nein. Das habe ich nicht gemeint. Говорящий (Marie) корректирует ошибочно установленную адресатом референцию, продолжая высказывание, чтобы Флориану стало понятно её истинное намерение.

Что касается преднамеренно неадекватного досказывания адресатом незавершенной мысли говорящего, то оно может явиться предметом специального прагматического исследования. Поскольку прагматика досказывающих реплик не является целью нашей работы, то проиллюстрируем лишь саму ситуацию, когда адресат понимая, что хочет сказать говорящий, умышленно блокирует перлокутивную реакцию:

«Du willst also, dass ich dir verzeihe, dass du Weihnachten mit Nathalie ins Bett gegangen bist und am Samstag vor allen mit ihr rumgeknutscht hast?»

«Ja, Mascha. Bitte!»

«Okay, das mache ich.» Sie seufzte.

«Mascha!» Philipp sprang vom Sofa auf und kam erleichtert auf sie zu. Mit zitternder Stimme sagte er: «Du weißt ja nicht, was –»

«– was für ein Heuchler du bist?» Ihre Worte klangen so kalt, wie sich ihr Herz anfühlte [5, 235].

Возможное продолжение реплики Филиппа «Du weißt ja nicht, was –» могло бы быть – was du für ein Schatz bist, was du für mich bedeutest и др. Но Маша досказывает реплику с отрицательной коннотацией, что является логичным выражением её эмоционального состояния (*Ihre Worte klangen so kalt, wie sich ihr Herz anfühlte*).

Итак, проанализировав преднамеренные и непреднамеренные акты умолчания, досказываемые самим говорящим или адресатом, можно заметить, что их семантика полностью эксплицируется в дискурсе само- либо взаимодосказыванием. Тем самым отображаемая ситуация действительности получает свое полное наименование.

В основе любого высказывания, ориентированного на конкретного адресата, лежит коммуникативное намерение (интенция) говорящего. Реальная ситуация общения и реакция адресата постоянно корректируют и направляют формы выражения и намерения говорящего. Например, возникают ситуации, когда говорящий лишь намекает на предмет речи, преднамеренно не договаривая то, что и так понятно адресату, т. е. коммуникативно имплицуется смысл, понятный адресату в контексте конкретного речевого акта:

«Ich sag keinem was, Miss.» Er lehnte den Sattel an die Hüfte und zog seine Mütze aus der Tasche. «Ich weiß schon wochenlang, dass Sie ... »
Er wurde rot.

«Na, Sie wissen schon, aber ich hab's keiner Menschenseele erzählt.»
Er sah aus wie jemand, der viel Schweres durchgemacht hat. «Ich hab mal ... 'ne Lady gekannt,» sagte er schließlich. «Es gibt Sachen, die merkt man, wenn man einer iss, der was merkt. Es gibt so was, was eine Frau an sich hat, wenn sie ...» Er starrte in die Ferne. *Das Thema war ihm furchtbar peinlich.* «Aber Sie müssen sich nicht sorgen. Im Dorf iss viel gequakt worden über Sie und diesen jungen Mulligan, aber jetzt redet keiner mehr» [8, 143].

В данной ситуации очевидно, что говорящему нелегко обсуждать такую деликатную тему (*Das Thema war ihm furchtbar peinlich*) с женщиной, чтобы дать ей понять о том, что он знает о её беременности. О неловкости свидетельствует не только его невербальное поведение (*Er wurde rot*), но и речевое, когда он умалчивает о своих предположениях – Ich weiß schon wochenlang, dass Sie Es gibt so was, was eine Frau an sich hat, wenn sie В таких ситуациях коммуникативное намерение говорящего заключается в переводе части информации, о которой неудобно или нежелательно говорить, в подтекст. То, что говорящий имеет в виду, предоставляется «досказать» (мысленно или вербально) самому адресату в силу присущей ему

способности догадываться, предвосхищать развитие хода мысли говорящего. А говорящий занимает в этом случае удобную позицию – «ничего такого» не сказавшего. В анализируемой ситуации адресат адекватно понимает намек, сигнализируя об этом своей вербальной реакцией – Na, Sie wissen schon, aber ich hab's keiner Menschenseele erzählt. Данный пример наглядно свидетельствует о том, что умолчания прагматичны уже только в силу своей недоговоренности, так как побуждают адресата к самостоятельному домысливанию содержания невербализованной части информации. Функционирование в речи преднамеренных умолчаний свидетельствует о том, что в самом языке есть средства, обладающие заданностью на воздействие.

Порождению любого речевого акта предшествует формирование речевого намерения говорящего, в котором учитываются предварительные знания о партнере по общению. Поскольку им приходилось общаться раньше, их связывают какие-то общие события, ситуации, переживания, темы. Когда речь снова заходит о них, то известные им обоим факты не обязательно эксплицируются в речи. Достаточно лишь указания (намёка) на те или иные обстоятельства. Примером является следующая ситуация, когда спустя некоторое время встречаются парень и девушка. Она отказалась от их общего ребенка и передала его на усыновление. Отец мальчика добивается через суд права на воспитание собственного ребенка, что ему удается. И вот однажды происходит их случайная встреча, заходит речь о ребенке:

«Es geht ihm gut», sagte ich endlich. *Ich wusste nicht, ob das Thema Madison tabu war.* «Er ist wirklich süß».

Cheryl lächelte. «Schön». Das klang, als ob wir über irgendein Baby sprechen würden, das mit uns nichts weiter zu tun hatte. «Freut mich».

Ich räusperte mich. «Wenn du einmal ... », begann ich.

«Nein, das nicht», sagte sie. «Viel Glück, trotzdem» [4, 133].

Снова очень деликатная ситуация, когда говорящий не уверен, может ли он вообще затрагивать эту тему – *Ich wusste nicht, ob das Thema Madison tabu war.* Все же он делает попытку пригласить мать навестить собственного ребенка, если она когда-нибудь этого захочет – *Wenn du einmal ...*. Но ее ни к чему не обязывающие реплики (*Schön, Freut mich*) и ее отрицательная реакция на умолчание

(Nein, das nicht) ясно дают понять, что судьба ребенка ее не интересует, а тема «Мэдисон» для нее закрыта.

Вообще существуют темы и ситуации, о которых непросто говорить. Есть деликатные вещи, которые обычно не называют. А если все же приходится о них говорить, то, как правило, используется удобное в этом случае прагматическое средство – умолчание. Например:

«Du wirst doch nichts am Magen haben?».

«Nein, habe ich nicht.» Mascha hätte Grit am liebsten den Porree über ihre rot gefärbten Schnittlauchlocken gekippt. Hätte toll ausgesehen. Wie die Halloweenüberraschung in der Gesterbahn.

«Dann wirst du doch nicht etwa ... Ach, Kind, nein, ihr achtet doch auf so was, Philip und du? Oder etwa nicht?» Grits Augen weiteten sich.

«Ich kenne da einen guten Frauenarzt» [5, 82].

Внезапная догадка Грейт, что плохое самочувствие Маши, возможно, вызвано беременностью, звучит в ее намеке – Dann wirst du doch nicht etwa То, что умалчивается Грейт, ясно для Маши из ситуации – Ach, Kind, nein, ihr achtet doch auf so was, Philip und du? Oder etwa nicht? Да к тому же следует конкретное предложение о помощи – Ich kenne da einen guten Frauenarzt.

Нежелание высказать мысль до конца явно прослеживается и в следующей ситуации, когда достаточно намека, чтобы получить ответ на высказанное предположение:

Und dann hörte ich eine bekannte Stimme sagen:

«Na, biste auch noch nicht komplett?».

Sabrina. Mir war ganz schwindlich vor Erleichterung. «Nee. Leider alles zu teuer. Große Scheiße».

Sabrina sah mich verständnislos an. «Was spielt das denn für eine Geige?».

Jetzt sah ich sie verdattert an. «Wie meinst du das?».

«Na, warum willst du den Scheiß denn bezahlen?».

«Du meinst – ?».

Sie nickte.

«Klaro. Für so was gibt man doch kein Geld aus» [6, 49].

Фоном для использования умолчания в этой ситуации является предварительная договоренность обеих девочек о том, что одна из них совершит кражу, о чем она, оказавшись в магазине, как видно, забыла – *Leider alles zu teuer*. Но ей явно дают понять взглядом (*Sabrina sah mich verständnislos an*) и словом (*Na, warum willst du den Scheiß denn bezahlen?*), что покупать эту вещь необязательно. С помощью намека (*Du meinst – ?*) в речевом акте умолчания имплицитруется вопрос относительно ожидаемого действия (*klauchen*), на который она получает положительный невербальный (*Sie nickte*) и вербальный ответ подруги (*Klaro. Für so was gibt man doch kein Geld aus*).

Преднамеренные умолчания в проанализированных ситуациях не только коммуникативно значимы (информативно ценны для адресата), но и стратегически оправданы интенцией говорящего – воздействовать на адресата с помощью содержащегося в умолчании намека.

Предпринятый нами анализ актов умолчания выявил тенденцию распределения их по двум основным группам – преднамеренные и непреднамеренные умолчания. Первые отражают интенцию говорящего воздействовать недоговоренностью, у непреднамеренных умолчаний интенция на недоговоренность отсутствует. Выявленное различие основано на разнице мотивов в порождении умолчаний: непреднамеренные умолчания определяются мотивами, связанными с оформлением речевого акта на этапе его реализации (выбором наиболее подходящей формы выражения мысли, изменением коммуникативного задания, влиянием факторов психологического порядка, вмешательством адресата и др.), умолчания преднамеренного характера – мотивами, связанными непосредственно с содержанием речевого акта.

Используя умолчание преднамеренно как средство воздействия говорящий исходит из предположения, что адресат может или должен догадаться о том, что умалчивается. В обеспечении адекватной референции умалчиваемой информации главная роль принадлежит когнитивной компетенции коммуникантов. На ее основе у коммуникантов формируется общность денотативной ситуации. В процессе восприятия умолчания адресат не только мысленно

воссоздает денотативную ситуацию, а затем соотносит недоговоренность с конкретным референтом, но и понимает намерение говорящего. В этом и состоит особый прагматический потенциал актов умолчания – побудить адресата к самостоятельному домысливанию содержания умалчиваемого и адекватному восприятию интенции говорящего. Прагматическая направленность имплицитной семантики в актах умолчания, ее связь с теорией речевого воздействия заключается, тем самым, в наличии не выраженных вербально, но угадываемых адресатом смыслов.

Литература

1. Богданов, В. В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации / В. В. Богданов // Языковое общение и его единицы. – Калинин : КГУ, 1986. – С. 12–18.
2. Крестинский, С. В. Интерпретация актов молчания в дискурсе / С. В. Крестинский // Язык, дискурс и личность. – Тверь : ТГУ, 1990. – С. 38–45.
3. Сусов, И. П. Предложение и действительность / И. П. Сусов // Коммуникативно-прагматические функции речевых единств. – Калинин : КГУ, 1980. – С. 11–25
4. Klein Norma. Madison und die Freiheit der Jugend. – Fischer Taschenbuch Verlag : Frankfurt am Main, 2002. – 284 s.
5. Prick Ilke S. Zimt und Honig. – Thienemann Verlag GmbH : Stuttgart/Wien, 2005. – 239 s.
6. Schindler Nina. Spaß im Angebot. – Fischer Taschenbuch Verlag : Frankfurt am Main, 2004. – 158 s.
7. Frey Jana. Das eiskalte Paradies. – Fischer Taschenbuch Verlag : Frankfurt am Main, 2003. – 190 s.
8. Ray Kitty. Nells geheimer Garten. – Rowohlt Taschenbuch Verlag : Hamburg, 2002. – 414 s.
9. Weidenfeld Nathalie. Die Orangenprinzessin. – Der Marion von Schröder Verlag : München, 2001. – 230 s.
10. Kerr, M. E. Sommergefühle. – Fischer Taschenbuch Verlag : Frankfurt am Main, 2002. – 160 s.
11. Grice, H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // Syntaxe and semantics. – New Yorks : P. Cole, J. Morgan, 1975. – Vol. 3. – P. 41–58.
12. Whitcher Susan. Herz steht Kopf. – Fischer Taschenbuch Verlag : Frankfurt am Main, 2004. – 211 s.
13. Günzel-Horatz Renate. Marie. – Fischer Taschenbuch Verlag : Frankfurt am Main, 2002. – 202 s.

МГПУ им. И.П.Шамякина

Е. В. Архипова

РЕЧЕВОЙ АКТ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В настоящее время вопросы, непосредственно связанные с коммуникацией, диалогическим общением, речевым воздействием, оптимизацией общения, находятся в центре внимания лингвистической науки и являются одним из приоритетных направлений в исследованиях.

Речевые акты согласия/несогласия представляют собой акты, «выражение которых входит в коммуникативную потребность языка», поскольку для повседневной речевой коммуникации естественным являются ситуации, в которых коммуникант, «выражая свое отношение к событию (факту), прямо или косвенно соглашается с мнением собеседника, или, наоборот, возражает, стараясь убедить его в противоположном» [1, 3]. Данные речевые акты регулируют межличностные отношения и представляют собой класс высказываний, активно участвующих в процессе речевой коммуникации. В ходе речевого общения с помощью согласия/несогласия устанавливаются и корректируются коммуникативно-прагматические отношения между участниками общения, передается авторская позиция адресата, его языковая и коммуникативная компетентность. Таким образом, важность эффективности коммуникации обуславливает актуальность изучения свойств, функций и языкового воплощения речевого акта согласия/несогласия (РА с/н) в связи с большой степенью его распространенности в диалогическом дискурсе.

На современном этапе лингвистической науки не ослабевает интерес исследователей к изучению характерных признаков, функций согласия/несогласия, а также к выбору средств выражения в условиях непосредственного общения, что нашло свое отражение в работах, осуществляемых как на материале отдельных языков, так и в сопоставительном плане. Изучение литературы по данному вопросу показывает разнообразие подходов исследователей к описанию

специфики согласия/несогласия как языкового явления, а также классификации основных способов его выражения.

Вопрос о позиции речевых актов согласия/несогласия в общей системе речевых актов рассматривается в работе Г. Р. Восканян в рамках исследования комиссивных высказываний [2]. Автор относит данный речевой акт к комиссивам: в ситуации, когда адресат дает согласие выполнить определенное действие, он принимает на себя обязательство, т. е. дает обещание.

Согласие Г. Р. Восканян классифицирует как объективированное (вынужденное) и субъективированное (добровольное). Объективированное согласие инициируется распоряжением, повелением, официальной просьбой. Субъективированное согласие является реакцией в ответ на бытовое требование/повеление, просьбу, мольбу и характеризуется возможностью возникновения отказа/несогласия адресата осуществить некое действие.

Что касается диалогических единств, в которых функционируют речевые акты несогласия, то автором подчеркивается наличие в них вспомогательных ходов, содержащих различные условия с целью убедить или принудить собеседника к выполнению действия.

В работе И. В. Галактионовой выделяется два типа речевых актов: 1) согласие/несогласие с мнением (с/н1) и 2) согласие/несогласие в ответ на побуждение (с/н2). Речевые акты первого типа представляют собой констатацию правильности/неправильности мнения собеседника, оценка этого мнения как соответствующего/несоответствующего действительности. Речевые акты второго типа представляют собой согласие/несогласие адресата выполнить то действие, к совершению которого его призывает адресант. В данном речевом акте высказывания выполняют функции либо обещания выполнить действие, либо отказа реализовать намерения собеседника. Автором представляются формулировки условий успешности для каждого типа РА, на основании которых с/н1 относится к репрезентативным РА, а с/н2 – к комиссивным РА [3].

Анализ функционально-семантических свойств реплик, выражающих согласие/несогласие, также является предметом многих исследований.

Например, в диссертации М. Е. Басковой [4] исследуются прагмалингвистические и интеракциональные свойства высказываний несогласия на материале английского диалога. По определению автора такие высказывания представляют собой манифестацию интенции неприятия речевого действия адресата. Особенность речевых актов несогласия заключается в том, что они являются иллокутивно «опасными», но одновременно необходимыми для успешности речевого общения. К основным характеристикам несогласия автор относит категоричность/некатегоричность, а также косвенность.

М. Е. Баскова выделяет импозитивно-ориентированные и констативно-ориентированные высказывания несогласия. Высказывания первого типа представляют собой негативную вербальную реакцию на инициальные речевые действия импозитивного типа, предполагающие ответное действие (речевое/неречевое). Высказывания второго типа являются негативной реакцией на речевые действия констативного типа, т. е. неприятие высказанного собеседником суждения как ложного или необоснованного.

Еще одна группа высказываний прохибитивного несогласия представляет собой реплики, выражающие запрет и возникающие в ответ на речевые действия, которые противоречат принципу вежливости и другим социокультурным нормам.

В связи с изучением речевых актов негативной реакции, функционирующих в современных драматических произведениях Я. В. Боргер [5] ставит вопрос о неоднородности акта негации, включающего в себя различные типы выражения негативной реакции, в том числе и несогласия. В работе обосновывается разделение различных типов речевых актов негативной реакции на основании коммуникативных целей, концепция адресата и адресанта, событийного содержания, моделей этих актов, позволивших определить универсальные характеристики каждого типа речевого акта негации. Что касается средств выражения негативной реакции, то Я. В. Боргер квалифицирует их как эмоционально-экспрессивные единицы.

На материале русского и немецкого языков исследуются функционально-семантические свойства реплик со значением согласия /несогласия в работе О. Н. Морозовой [6]. Автор рассматривает

особенности функционирования данных реплик в диалогическом общении, а также условия их успешной и эффективной реализации.

В работе выделяются согласие/несогласие общего и частного типов. Согласие/несогласие общего типа отражает намерение коммуниканта начать/не начинать реализацию предложенного типового сценария. Согласие/несогласие частного типа реализуется в репликах, функционирующих на уровне отдельных интерактивных ходов диалога. Автором подчеркивается важность этапных реплик со значением согласия/несогласия в процессе диалогического взаимодействия. Кроме того, в работе выделяется ходовое согласие/несогласие как вид согласия/несогласия частного типа. Появление подобных реплик возможно на протяжении всего диалога, т. к. они не привязаны к какому-либо отдельному высказыванию.

В своем исследовании О. Н. Морозова раскрывает регулятивную функцию реплик со значением согласия/несогласия в диалоге.

Л. Н. Маслова рассматривает специфику согласия/несогласия в устной научной коммуникации с позиций лингвистической гендерологии [7]. В работе выявляются различия в согласии/несогласии в зависимости от статусных и ролевых характеристик участников коммуникации (симметричные и асимметричные), а также по степени эксплицитности. Кроме того, в зависимости от вектора направления автор выделяет 5 видов согласия и 4 вида несогласия:

- 1) согласие участника дискуссии с докладчиком;
- 2) согласие одного участника дискуссии с другим участником дискуссии;
- 3) согласие докладчика с похвалой;
- 4) согласие докладчика с критикой;
- 5) согласие докладчика или участника дискуссии с третьим лицом;
- 6) несогласие участника дискуссии с докладчиком;
- 7) несогласие одного участника дискуссии с другим участником дискуссии;
- 8) несогласие докладчика с критикой;
- 9) несогласие докладчика или участника дискуссии с третьим лицом.

По степени эксплицитности выражения автором различаются прямое и косвенное согласие/несогласие.

Что касается гендерной специфики выражения согласия/несогласия в устной научной дискуссии, то Л. Н. Маслова акцентирует ее проявление в виде тенденций к выбору различных тактик, имеющих коммуникативно-прагматическую значимость.

Языковые средства реализации согласия/несогласия также активно и плодотворно изучались и продолжают исследоваться в лингвистике, предпринимаются неоднократные попытки их классификации.

В контексте исследования реплик-повторов на материале художественного диалога Н. Ю. Шведова характеризует ряд конструкций со значением согласия/несогласия. По мнению автора, функционируя в диалогических единствах, повторы могут выражать реакцию на предыдущее высказывание и обладать определенной экспрессивностью. Что касается классификации реплик-повторов, то она построена на основании коммуникативно-смысловой организации диалогических единств и степени представленности элементов первой реплики во второй, от характера изменений, заключенных во второй реплике. Каждая структурная разновидность реплик-повторов несет своеобразные оттенки субъективно-модальных значений [8].

Изучению лексико-синтаксических средств выражения согласия-несогласия в русском языке посвящены исследования Т. М. Свиридовой [9, 10]. Согласие/несогласие рассматривается как многоаспектная семантическая категория, отражающая отношение к «положению дел» в картине мира как сформированная позиция адресата относительно предмета обсуждения. Реакция согласия/несогласия определяется в диалогической речи в связи с высказыванием какого-либо лица и в результате программируется коммуникативным содержанием исходной реплики, ее модальным качеством [9, 4].

Согласие/несогласие представляет собой самостоятельное модальное значение, которое проявляется на всех уровнях языка [9, 5]. Т. М. Свиридова подчеркивает иерархичность системы единиц языка, репрезентирующих согласие/несогласие. В корпусе средств, выражающих данную категорию, выделяются лексические средства,

синтаксические конструкции, а также другие способы модификации содержания согласия/несогласия [10]. Наиболее распространенными экспрессивными средствами выражения согласия/несогласия автор считает конструкции с повтором, основанные на структурных компонентах исходной реплики, и нечленимые предложения (частицы, междометия, модальные слова и сочетания и другие выразительные словесные элементы) [9].

П. А. Лекант значение несогласия определяет как значение сферы модальности и субъективности, которая обнаруживается в частных значениях, таких как негативная оценка, возражение, отклонение предполагаемого. Что касается средств выражения несогласия, то в работе выделяются типизированные средства, формирующие высказывания с модальным значением несогласия в русском языке. Автор обращает внимание на недостаточную освещенность той стороны модальности, которая связана с позицией говорящего [11, 41–44].

Стилистический подход использован в классификации типичных речевых формул согласия/несогласия В. И. Красных [12, 28–31]. Тем не менее, автору не удается охватить многочисленные языковые конструкции, эксплицирующие согласие/несогласие.

В. Ф. Киприянов [13] и В. В. Бабайцева [14] в качестве языковых средств, способных выражать согласие/несогласие, выделяют нечленимые предложения. В. Ф. Киприянов формулирует идею о том, что структура согласия/несогласия состоит из модальных слов, частиц, междометий и т. п., функционирующих в речи самостоятельно («Да», «Нет», «Конечно», «Вот еще!» и др.). В работе подчеркивается обусловленность смыслового содержания подобных языковых единиц контекстом, интонацией, невербальными средствами общения [13].

В. В. Бабайцева также выделяет группу нечленимых предложений, которые выражают согласие/несогласие и указывает на их соотношенность с модальными оценочными предложениями [14].

На формально-семантических основаниях построена классификация Н. И. Поройковой. Автором выделяются два структурно-семантических типа: 1) конструкции с эксплицитным или имплицитным повтором;

2) конструкции со словами подтвердительно-опровергающей семантики [15, 104]. Вторая группа включает в себя две разновидности лексики:

1) слова, используемые при оппозиции говорящий/слушающий. К этой группе относятся глаголы мысли (думать, считать, полагать) и словосочетания со значением «выражать мнение» (придерживаться точки зрения, разделять, присоединяться к точке зрения);

2) слова и выражения модально-оценочного характера, оценивающие высказывание с точки зрения соответствия действительности и выступающие в качестве самостоятельных реплик [15, 111].

О. В. Озаровский выделяет три способа выражения согласия/несогласия. Первый способ представляет собой лексико-грамматический повтор высказывания собеседника в пределах, достаточных, с одной стороны, для показа правильности осмысления его сообщения, с другой – для узнавания собеседником своей мысли. Автор акцентирует внимание на функционировании так называемого переключателя – «служебно-семантического элемента с функцией контрастного преобразования словесных понятий». В качестве примера ученый приводит «формы согласия: – Ты не обедал? – Не обедал; – Ты обедал? – Обедал. Формы несогласия: – Ты не обедал? – Обедал; – Ты обедал? – Не обедал» [16, 113].

Ко второму способу выражения согласия/несогласия относится форма семантически специализированных и синтаксически нерасчлененных слов-предложений типа: «да», «нет», «конечно». Данные нерасчлененные слова-предложения ясно обозначают согласие-несогласие, но не содержат в себе, с чем именно не согласен говорящий. «Слова-предложения согласия/несогласия освобождены от функции содержательного выражения позиции говорящего: они передают только коммуникативно-модальные значения согласия-несогласия, которое в принципе может быть выражено одной лексемой» [16, 115]. Список слов-предложений обширен, что объясняется определенной «ситуативно-функциональной специализацией, закреплением дополнительных оттенков стилистического, эмоционально-экспрессивного, этикетно-прагматического плана» [16, 115].

Лексически свободные и синтаксически расчлененные предложения, не являющиеся повтором чужого высказывания («не могу не согласиться», «он явно лжет», «не сомневаюсь в вашей правоте») представляют собой третий способ выражения согласия/несогласия.

В целом, как можно заметить, большинство исследователей единодушны в том, что реакция согласия/несогласия программируется предыдущим высказыванием, которое представляет собой констатацию точки зрения адресанта либо побуждение адресата выполнить некоторое действие. В связи с этим выделяется два типа реакции согласия/несогласия: 1) согласие/несогласие на мнение и 2) согласие/несогласие в ответ на побуждение. Помимо этого, основной, конструкцией, в которой функционирует согласие/несогласие, признается диалогическое единство, т. е. сочетание диалогических реплик.

Тем не менее нам представляется, что реакция согласия/несогласия предопределяется инициальными высказываниями, эксплицирующими не только мнение/утверждение адресанта либо побуждение адресата к действию, т. е. на репрезентативные и директивные речевые акты. Реакция согласия/несогласия может программироваться также высказываниями, содержащими, например, обещание адресанта выполнить/не выполнить определенное действие, а также высказываниями, отражающими психологическое состояние автора иницирующей реплики. Кроме того, за пределами обсуждений остались имплицитные способы манифестации согласия/несогласия, а также факторы, обуславливающие их использование коммуникантами. Исследование особенностей функционирования согласия/несогласия в подобных контекстах и одновременно средств его выражения (как эксплицитных, так и имплицитных) является задачей наших дальнейших исследований.

Литература

1. Нестерович, Т. Н. Речевой акт согласия/несогласия в современном французском языке / Т. Н. Нестерович.. – № 22. – Минск : МГЛУ, 1997. – 40 с. (Сер., Лекции преподавателей)

2. Восканян, Г. Р. Структура, типы, контексты функционирования комиссивных и эмфатических асертивных высказываний в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. / Г. Р. Восканян. – Пятигорск, 1986. – 16 с.

3. Галактионова, И. В. Средства выражения согласия/несогласия в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Галактионова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1995. – 24 с.

4. Баскова, М. Е. Прагмалингвистические и интеракционные характеристики высказываний несогласия (на материале современного английского диалога) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Е. Баскова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 1992. – 16 с.

5. Боргер, Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Я. В. Боргер ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2004. – 173 с.

6. Морозова, О. Н. Функционально-семантические свойства реплик со значением согласия-несогласия в диалогическом общении (на материале русского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. Н. Морозова ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2000. – 176 с.

7. Маслова, Л. Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Н. Маслова ; Моск. гос. ун-т. – М., 2007. – 192 с.

8. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : АН СССР, 1958. – 218 с.

9. Свиридова, Т. М. Выражение согласия/несогласия лексико-синтаксическими средствами : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. М. Свиридова ; Моск. пед. ун-т. – М., 1994. – 22 с.

10. Свиридова, Т. М. Категория согласия/несогласия в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Т. М. Свиридова ; Моск. пед. ун-т. – М., 2008. – 30 с.

11. Лекант, П. А. Несогласие как одно из модальных значений высказывания / П. А. Лекант // Семантика грамматических форм и речевых конструкций : сб. науч. тр. – М., 1991. – С. 41–44.

12. Красных, В. И. Выражение согласия-несогласия с высказыванием собеседника / В. И. Красных // Русский язык за рубежом. – 1970. – № 1. – С. 28–31.

13. Киприянов, В. Ф. Фразеологизмы-коммуникативы в современном русском языке (Состав фразеологизмов-коммуникативов) / В. Ф. Киприянов. – Владимир : ВГПИ, 1975. – 72 с.

14. Бабайцева, В. В. Русский язык / В. В. Бабайцева. – М. : Высшая школа, 1979. – 356 с.

15. Поройкова, Н. И. Функционирование средств выражения согласия-несогласия в диалоге / Н. И. Поройкова // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц : сб. науч. тр. – Л., 1976. – С. 102–115.

16. Озаровский, О. В. Согласие-несогласие как категория коммуникативного синтаксиса (в грамматике русского языка для иностранцев) / О. В. Озаровский // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис : сб. науч. тр. – М., 1980. – С. 109–120.

МГПУ им. И.П.Шамякина

О. М. Ермакова

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ МЕНАСИВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Менасив – это речевой акт угрозы, в котором говорящий сообщает адресату, что нанесет ему определенный вред, если тот поступит или не поступит определенным образом. При этом цель говорящего – вызвать у адресата негативное эмоциональное состояние, которое может привести к ожидаемому перлокутивному эффекту.

Менасив характеризуется широкой вариативностью средств выражения, что непосредственно зависит от коммуникативного контекста и всех его составляющих. Менасив может быть выражен эксплицитно и имплицитно. Речевые акты с эксплицитно выраженной угрозой имеют схожую логико-семантическую структуру, включающую в себя три компонента: предупреждение, условие осуществления угрозы и собственно угрозу. Например: «Keep your hands off me (*предупреждение*). [...] And if you don't get out right away (*условие осуществления угрозы*), I'm calling the management and asking for the police (*собственно угроза*)» [1]. В других ситуациях первый или второй компоненты менасива могут отсутствовать: в речевом акте «If you tell anybody, I'll come back and kill you» нет первого компонента – предупреждения, в речевом акте «Be off, or I'll kick you downstairs!» нет второго компонента – условия осуществления угрозы. То, что один из компонентов логико-семантической структуры опускается, связано с тем, что его функцию берут на себя другие (грамматические и лексические) компоненты высказывания. Наличие обоих компонентов в менасиве используется для усиления негативного эмоционального воздействия на адресата с целью скорейшего достижения ожидаемого эффекта. Иногда говорящий дублирует выражение условия угрозы с помощью лексических и грамматических средств, пытаясь помочь адресату адекватно распознать его интенцию.

Первый компонент коммуникативной ситуации угрозы (предупреждение) с точки зрения теории речевых актов является прямым директивом. Для выражения директива используются:

повелительное наклонение («**Shut up and get out!**» interrupted Nicole; «We'll get the gendarmes» [2]) или модальные предикаты («**You better be scared,**» he murmured; «And if you're not now, I guarantee you will be soon») [3]. Второй компонент менасива приобретает черты косвенного директива, выраженного условным придаточным предложением. Так, условие угрозы в менасиве «If you do, I'll kill you» может быть выражено следующим образом: «Don't do it, or I'll kill you». Третий компонент – собственно угроза («I'll kill you») раскрывает интенцию говорящего, намеревающегося поступить определенным образом. На первый взгляд, может показаться, что третий компонент является обещанием. Однако в действительности это менасив, поскольку негативные эмоции адресата по поводу обращенного к нему высказывания очевидны.

В коммуникативной ситуации использования менасива обязательно наличие говорящего как субъекта действия, адресата как объекта действия и самой угрозы как потенциального действия. В лингвистическом плане первые два элемента выражаются личными местоимениями (I) и (you): «**I'll come back and kill you**»; «If **you** ever deny it again **I'll drown you**». Менасив оформляется глаголом в будущем времени: «But if you don't tell me, I **shall kill** them myself – much as I hate it» [4]; «And if you don't make this young lady an ideal husband, **I'll cut** you off with a shilling» [5].

Формы выражения сказуемого прямого речевого акта угрозы могут быть разными:

1) глагол со значением активного действия в будущем простом времени – «Shut up, Eve Malone. **I'll stick** the scissors in you». «If you move another step,» she exclaimed, breathing quickly, «I **shall cry out**» [6].

2) выражение «be going», передающее намерение говорящего: «**I'm going** to kill you for that,» he whispered [3].

3) перформативный глагол в настоящем простом времени: «Get out of here!» Slowik cried. «Or **I'll call** the police!» [3]; «If you do not go down at once to the creek, where Ali is waiting with my canoe, I **shall tell** him to return to the settlement and bring the Dutch officers here» [6] или длительном времени – «Keep your hands off me. I don't like to be

touched. And if you don't get out right away, I'm **calling** the management and asking for the police...» [1].

В большинстве проанализированных нами примеров агрессивные намерения говорящего выражаются глаголами с негативной семантикой: «I **warn** you to refrain from provoking me...» [7]. «I am known for the gentleness of my disposition, and the extraordinary sweetness of my nature, but I **warn** you, Miss Cardew, you may go too far» [8]. В некоторых случаях негативная семантика не у самого глагола, а у его дополнения: «I warn you to refrain from provoking me, or I'll ask your **abduction** as a special favour!» [7]. В некоторых менасивах может присутствовать информация и о способе совершения действия: «I'm gonna roll you **like a doughnut**. I'm gonna turn you **inside out like a pair of gloves**» [3]. Для обозначения в менасиве той части тела, на которую направлена угроза, используется предикатная группа, состоящая из глагола и прямого дополнения – «I'm going to claw your **eyes** out...» [9].

Если менасив выражен конвенционально, то распознать его достаточно легко, однако в чистом виде он встречается редко. Косвенный речевой акт угрозы сложно опознать как таковой без контекста, т. к. он характеризуется большой вариативностью средств оформления. Самым распространенным способом выражения косвенного менасива является использование директива-совета: «You better be scared,» he murmured [3]. В данной ситуации, несмотря на то что угроза замаскирована под совет, адресат понимает истинную интенцию говорящего, т. к. хорошо знает характер, привычки и желания последнего. Косвенный менасив может оформляться вопросительным высказыванием, чаще всего это общий вопрос: «And you better share the right thing, Ramon. Do you know why?» [3]; «Well, suppose I did find it [the ruby], would I take it to Sergeant Kean and say where I came across it, or would I give it to you?..». В некоторых случаях угроза, выраженная неконвенционально, содержит лексику с явно негативной семантикой: «You want to find out how getting your nose broken feels?» [3].

Ответная реплика на менасив в данном случае не предусмотрена, т. к. с коммуникативной точки зрения это не вопрос. Однако иногда может последовать ответ как перлокутивная реакция на угрозу –

«Do you know what will happen if you say anything else?» – «You'd kill me» [3]. Ответ адресата свидетельствует о том, что он адекватно распознал интенцию говорящего.

К неконвенциональным способам выражения менасива можно отнести использование репрезентатива, отражающего реальное положение дел. В следующей ситуации говорящий дает понять адресату, что каким-то образом связан с касающимися его с событиями. При этом цель говорящего – не просто сообщить факты, а намекнуть адресату, что ему может быть нанесен определенный вред: «Stop! look here, Joseph,' she continued, taking a long, dark book from a shelf; 'I'll show you how far I've progressed in the Black Art. I shall soon be competent to make a clear house of it. The red cow didn't die by chance; and your rheumatism can hardly be reckoned among providential visitations!» [7].

Бывают ситуации, когда угроза выражается репрезентативом в сочетании с директивом – «...We have a gun. Now, listen carefully. Leave the key in the ignition, because we're going to take the loan of your car. And get out. Nice and easy. And the old guy, too. Also nice and easy. He gets out of his side. And leave the lady in the car. We're going to take the loan of the lady for a while, too» [1]. Говорящий сообщает адресату, что у него есть ружье, и приказывает адресату выйти из машины. В ином контексте высказывание «We have a gun» могло бы и не означать угрозы. Но в данной ситуации адресат адекватно распознает скрытую угрозу благодаря самой коммуникативной ситуации – встреча незнакомцев состоится ночью, тон говорящего агрессивный и т. д.

Способом выражения косвенного менасива может быть репрезентатив в сочетании с промиссивом. В следующей ситуации, описывая социальное положение адресата, говорящий сообщает ему о факте получения о нем информации и обещает продолжить расследование – «You're one of that bunch that hangs around with Meyer Wolfshiem – that much I happen to know. I've made a little investigation into your affairs – and I'll carry it further tomorrow» [10].

Сопоставляя средства оформления косвенного и прямого менасивов, можно заметить общие черты. Так, в следующем косвенном менасиве субъект и объект действия выражаются личными

местоимениями *I* и *you*, как в прямом менасиве – «Whenever I meet that Jingle again, wherever it is [...] I'll inflict personal chastisement on him, in addition to the exposure he so richly merits...» [11]. При этом грамматический и логический субъекты действия в косвенном менасиве могут не совпадать («Listen to me, you impertinent young rossie... you'll feel the weight of my hand on you if there's any more of this»).

Менасивы также обладают определенными гендерными отличиями. Для их исследования нами собран обширный аутентичный материал из художественных произведений английской художественной литературы XVIII–XIX веков. В литературе более позднего времени происходит размытие черт женской и мужской речи, достигшее своего апогея во второй половине XX века как результат влияния феминистского движения и значительных изменений, произошедших в содержании социальных ролей мужчины и женщины.

В английской литературе XVIII–XIX веков мужчины и женщины совершают как прямые, так и косвенные речевые акты угрозы. Интерес представляет тот факт, что в женской литературе менасивы встречаются значительно реже, чем в произведениях писателей-мужчин, что можно объяснить с психологической точки зрения. Так, типичная женщина спокойна, тактична, старается проявлять расположение, понимает чувства других людей. Женщины стремятся избежать открытых конфликтов и стараются войти в положение собеседника. Типичный мужчина, напротив, старается всегда доминировать. При этом он независим и агрессивен, и это объясняет частое использование им угроз. Эти характерные особенности персонажей, естественно, находят отражение в художественных произведениях. Чаще всего угроза из уст женщины содержит следующие обещания – ограничить или вовсе прекратить общение, выгнать из дому или уйти самой, применить физическое насилие, обидеться, испортить репутацию в обществе. Женщина живет в мире, в котором люди пытаются поддержать и помочь друг другу, достичь согласия через общение. Прекращение общения, лишение домашнего очага, испорченная в обществе репутация и т. д. не позволят адресату достичь той близости, на которую он мог бы рассчитывать рядом

с женщиной. Угроза применения физического насилия со стороны женщины свидетельствует о том, что мужчины и женщины индивидуальны и далеко не всегда соответствуют классическому представлению об их психологических портретах. Поэтому, если женщина властна, агрессивна и склонна к авторитарному стилю поведения, видит мир как иерархию господства и пытается занять свое место в ней, она вполне может прибегнуть к подобной угрозе.

Довольно часто встречается ситуация, когда женщина не конкретизирует угрозу, называя определенное действие, которое она намеревается совершить, а выражает ее косвенно – «You have changed your intention since our last conversation, [...] I warn you of the effect of my displeasure!» [11]. Это можно объяснить тем, что женщина не уверена в том, что она действительно будет что-то предпринимать, если ее условие не будет выполнено. Мужчины же в подавляющем большинстве случаев угрожают применением насилия, причем, чаще всего прибегая к прямому менасиву – «It won't do, Job Trotter. Come! None o' that 'ere nonsense. You ain't so wery 'andsome that you can afford to throw away many o' your good looks. Bring them 'ere eyes o' yourn back into their proper places, or I'll knock 'em out of your head. D'ye hear?» [12]. Мужчины в качестве угрозы довольно часто обещают подать в суд, выслать провокационное письмо, лишиться наследства, ограничить или полностью прекратить общение. Они гораздо чаще, чем женщины, произносят неконкретные угрозы – «No trifling with me! I never jest! There is grim purpose in what I do, and I warn you that you do not thwart me. Take care, for the sake of others if not for your own» [13].

В произведениях, написанных женщиной, героиня может выражать угрозу с использованием вспомогательного/модального глагола *shall* – «If you fail me, I shall betray your share in it – more than your share – and paint you in such colors as will shut the doors of society to you. You understand now, do you?» [14]. Иногда использует модальный глагола *will* – «If you say another word, we will push you out of the room this moment» [15]. Глагол *shall* можно определить в данных речевых актах как вспомогательный, не несущий какой-либо смысл. Однако используемый в речевом акте угрозы глагол *shall* приобретает черты модального, т. к. несет дополнительное значение угрозы, предупреждения и таким образом усиливает эмоциональное

воздействие на адресата. Модальный глагол *will*, особенно рядом с подлежащим, выраженным местоимением первого лица, несет модальное значение волеизъявления, намерения/готовности совершить угрозу.

Угрозы, произнесенные мужчинами, обычно содержат большое количество эмоционально окрашенных слов. Так, к наиболее часто употребляемым мужчинами эмоционально окрашенным глаголам относятся – *warn, kill, knock, punish, peril*. Женщины чаще используют глаголы *warn, trash, betray*.

По сравнению с современной английской литературой в литературе 18–19 веков при выражении угрозы негативно окрашенная лексика встречается довольно редко. Для выражения собственно угрозы как структурного компонента менасива чаще используется нейтральная лексика – «Upon my life, if you don't come, I will cut and run» [16]. Эмоционально насыщенная лексика встречается в том случае, когда говорящий желает произвести впечатление на адресата и убедить его совершить желаемое действие – «If you do that, I will never forgive you. It would be most dishonourable, most unkind. You will not do that, Austin?» [17].

Таким образом, как показывает практический материал нашего исследования, языковое выражение менасива напрямую зависит от степени экспликации иллюкутивной силы. Большинство эксплицитных менасивов имеют одинаковую логико-семантическую структуру, включающую предупреждение, условие осуществления угрозы и собственно угрозу. Для выражения угрозы как потенциального действия наиболее часто используются глаголы со значением активного действия в настоящем простом или длительном времени, глаголы негативной семантики, выражение *be going*, глаголы *to warn, to threaten*. Косвенный менасив наиболее часто выражен директивом, репрезентативом, репрезентативом в сочетании с директивом, репрезентативом в сочетании с промиссивом. В менасивах находят выражение и гендерные различия. Последние проявляются в специфическом выборе мужчиной или женщиной коммуникативных стратегий, а также лексических и грамматических средств оформления речевых актов угрозы.

Литература

1. Career-English [Электронный ресурс] / I. Shaw – Nightwork. – Режим доступа : <http://career-english.blog.ru/5550093.html>. – Дата доступа : 29.05.2009.
2. Ebook@Adelaide [Электронный ресурс] / F. S. Fitzgerald. – Tender is the Night. – Режим доступа : http://ebooks.adelaide.edu.au/f/fitzgerald/f_scott/tender/. – Дата доступа : 11.09.2009.
3. Английский – просто [Электронный ресурс] / S. King – Rose Madder. – Режим доступа : http://www.english-easy.info/literature/king/Rose_Madder.zip. – Дата доступа : 10.03.2009.
4. Project Gutenberg [Электронный ресурс] / A. Bronte – Agnes Grey. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/etext/767>. – Дата доступа : 03.04.2009.
5. Project Gutenberg [Электронный ресурс] / O. Wilde – An Ideal Husband. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/etext/885>. – Дата доступа : 28.08.2009.
6. Project Gutenberg [Электронный ресурс] / J. Conrad – Almayer's Folly: a Story of an Eastern River. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/etext/720>. – Дата доступа : 03.04.2009.
7. Project Gutenberg [Электронный ресурс] / E. Bronte – Wuthering Heights. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/etext/768>. – Дата доступа : 03.04.2009.
8. Английский – просто [Электронный ресурс] / S. King – Rage. – Режим доступа : <http://www.english-easy.info/literature/king/Rage.zip>. – Дата доступа : 10.03.2009.
9. Ebook@Adelaide [Электронный ресурс] / F. S. Fitzgerald // The Great Gatsby. – Режим доступа : http://ebooks.adelaide.edu.au/f/fitzgerald/f_scott/gatsby/. – Дата доступа : 11.09.2009.
10. Project Gutenberg [Электронный ресурс] / Ch. Dickens – The Pickwick Papers. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/etext/580>. – Дата доступа : 29.05.2009.
11. Project Gutenberg [Электронный ресурс] / A. Radcliffe // The Mysteries of Udolpho. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/etext/3268>. – Дата доступа : 15.11.2009.
12. Project Gutenberg [Электронный ресурс] / Ch. Dickens // The Pickwick Papers. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/etext/580>. – Дата доступа : 29.05.2009.
13. Project Gutenberg [Электронный ресурс] / Br. Stocker // Dracula. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/etext/345>. – Дата доступа : 15.11.2009.
14. Project Gutenberg [Электронный ресурс] // Duchess – The Haunted Chamber. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/etext/16053>. – Дата доступа : 15.11.2009.
15. Project Gutenberg [Электронный ресурс] / D. Kilner // Life and Perambulations of a Mouse. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/etext/583>. – Дата доступа : 15.11.2009.

16. Project Gutenberg [Электронный ресурс] / С. М. Yonge // Abbeychurch. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/etext/4267>. – Дата доступа : 15.11.2009.

17. Project Gutenberg [Электронный ресурс] / М. Е. Braddon // The Lovels of Arden. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/etext/9475>. – Дата доступа : 15.11.2009.

МГПУ им. И.П.Шамякина

Т. А. Конончук

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ

Уже несколько десятилетий лингвистическая прагматика занимается изучением функционирования языковых знаков в процессе коммуникации. В лингвопрагматических исследованиях подчеркивается, что «речь неотделима от форм жизни и входит как неотъемлемая часть в человеческую деятельность, что и позволяет выявить новые стороны в механизмах языка и речи» [1]. Проблемы оценочной семантики пересекаются с проблемами взаимодействия языка и речи, субъективного и объективного в языке, с вопросами типологии и структуры лексического значения и т.п. В связи с этим, как подчеркивает А. В. Заморева, «рассмотрение вопросов об оценке и ее аспектах, несмотря на более чем полувековую историю изучения, остается по-прежнему актуальным и перспективным» [2]. За годы изучения оценочных значений наметилось несколько подходов к их исследованию, важнейшими из которых являются:

- *логиико-философское направление*, занимающееся исследованием связей языковых и аксиологических структур (Дж. Мур, П. Х. Ноуэлл-Смит, А. А. Ивин, Н. Д. Арутюнова и др.) [2], [3];

- *функционально-семантическое направление*, изучающее оценочные значения и их функционирование в языке (Е. М. Вольф, Т. В. Маркелова, А. Н. Шрамм, Н. М. Лукьянова и др.). Согласно этому направлению, в семантике оценочных высказываний заложен ценностный аспект, который и является предметом исследований [2], [4], [5];

- *функционально-прагматическое направление*, рассматривающее средства выражения оценки в речи и ее воздействие на реципиента. Считается, что любой речевой акт несет в себе оценку. Этой концепции придерживаются В. И. Шаховский, В. Г. Гак, В. Н. Телия, И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян, Г. Н. Складарская, И. А. Стернин, Н. Н. Миронова, Т. В. Михайлова, Л. О. Черненко и др. [2], [6];

- *психолингвистическое направление*, анализирующее оценку в контексте личностного или языкового сознания, в плане выявления

роли оценочного параметра в психологической структуре значения и др. (А. А. Залевская, Е. Ю. Мягкова, Е. П. Ильин, Е. Н. Колодкина и др.) [2], [7];

▪ *когнитивное направление*, получившее в последнее время бурное развитие, изучает оценку в качестве одной из составляющих ментальных структур и ее место в концепте. Представителей этого направления интересует, какие когнитивные процессы лежат в основе оценочных значений, оценочных обобщений концептов (Т. В. Писанова, А. В. Суслов, Л. О. Черненко, Л. А. Сергеева, И. А. Стернин и др.) [2], [3];

▪ *лингвокультурологическое направление*, концентрирующееся на том, как в «специфике оценочной картины мира и особенностях воплощаемых целеустановок говорящих, ценностных стереотипах, мировоззренческих позициях вскрываются характерные черты некоторой лингвокультурной общности» [8], [6]. Представителями этого течения являются А. Н. Баранов, Е. Ф. Арсентьева, Т. В. Писанова и др.

Уже этот (далеко не полный) перечень лингвистических исследований оценки свидетельствует о сложности и многогранности данного явления и о недостаточной до сих пор разработанности проблем оценки. Так, до сих пор нет единого мнения о дефиниции оценочного значения и типах оценки. Языковые средства выражения оценочного значения в каждом отдельном языке изучены и описаны лишь фрагментарно. В теоретическом аспекте нет даже четкого места оценки среди лингвистических категорий. Она иногда соотносится с модальностью, иногда трактуется как логическая (связанная с мыслительными операциями человека над суждениями) либо как семантико-стилистическая категория [2], [4]. Это свидетельствует об актуальности проблемы и заставляет исследователей вновь и вновь возвращаться к оценочности и ее многосторонней связи с человеческим фактором в языке.

Значительный *оценочный* потенциал вопросительных высказываний, а также *оттенки* оценки, выражаемые этой структурой, вызывают огромный интерес в прагматике. Данная структура может выражать различные речевые действия, различные модальные

оттенки – сомнение, предположение, просьбу, сообщение и различные оценки. Так, проведенное нами исследование оценочного потенциала немецких вопросительных структур показало, что наряду со своей основной функцией – запросом информации – вопросы могут также выражать и оценку. При этом функцией вопросительных высказываний в некоторых случаях становится непосредственное побуждение собеседника к оценке объекта или ситуации, например:

Ich trank das Glas aus und gab es Fred gleich wieder mit. «*Gefällt es Ihnen hier?*» fragte ich.

Das Mädchen nickte.

«Besser als in der Konditorei drüben?»

«Ich hasse Konditoreien», sagte sie [9, 53].

Оценка запрашивается при этом в аспекте «нравится/не нравится». Само собой разумеется, что «нравится» оценивается субъектом как «хорошо», а то, что «не нравится», расценивается им как «плохо», и не приемлется им. Необходимо отметить, что запрашивается оценка посредством ограниченного числа глаголов: *gefallen*, *schmecken*, *mögen*, а также конструкции *gern haben*, к примеру:

«*Gefällt es dir?*»

«Es ist geradezu unheimlich! Du bist eine ganz neue Frau darin» [9, 178];

«*Magst du wirklich keinen Fisch?*» fragte Pat.

«Und wie! Fludern! Davon habe ich schon seit Tagen geträumt» [9, 220];

«*Hast du Hunde gern?*» fragte der Baron.

«O sehr, meine Großmama hat einen in ihrer Villa in Baden, und wenn wir dort wohnen, ist er immer den ganzen Tag mit mir [10, 49].

Чаще всего, однако, вопросительные высказывания выполняют аксиологическую функцию как вторичную, например: «*Hast du deinen feinen Posten noch?*» fragte sie mich. Ich nickte. «Ja, ich verdiene jetzt gut» [9, 117]. Оценочные вопросы могут иметь в своем составе лексемы с положительной и отрицательной оценочной семантикой:

«*Willst du vielleicht einen ordentlichen Grog haben, Pat? Das ist doch besser. Ich kann rasch einen machen.*»

Sie schüttelte den Kopf. «Ich fühle mich schon wieder wohl» [9, 222];
War das ein Traum, ein böser, gefährlicher Traum? fragte sich Edgar am nächsten Morgen, als er mit versträhntem Haar aus einer Wirrnis von Angst erwachte [10, 95].

Аксиологическое значение содержится в таких примерах в ингерентной семантике оценочных лексем. В целом же подобные вопросы сочетают в себе несколько сем одновременно – сему побудительности, присущую общему вопросу, эпистемическую модальность и сему оценочности. Они воспринимаются как явно оценочные высказывания и выполняют наряду с запросом информации одну из своих вторичных функций – эмоционально-оценочную [11].

Однако лишь небольшая группа вопросительных высказываний с положительной оценочностью даёт *общую* оценку типа «хорошо»/«плохо» без ее уточнения. Таким структурам свойственно наличие в пропозиции лексем *gut, fein, schön* и т. п., например:

«*Gute Kasse heute gehabt?*» ↑ fragte ich leise [9, 179];

Na, na, was hast du denn? *Ist doch auch ganz schön, nicht jeden Tag um sechs aufstehen zu müssen, oder?* ↑ Und kein Chef ärgert dich. Kannst tun, was du willst... [12, 177].

Как видно, в них оценочная модальность сочетается с предположением разной степени уверенности и побудительностью, выражаемой либо только восходящим тоном, либо восходящей мелодией в сочетании с лексическим элементом «*oder?*». Так возникает, как минимум, четырехслойная модальная структура высказывания: достоверность + оценочность + предположение + побудительность.

Анализ показывает, что вопросов с *отрицательной* оценкой, выраженной эксплицитно при помощи лексем *schlecht, schlimm*, в выборке очень мало, например:

Was soll die geschiedene Frau nachher machen? Zu ihren Eltern kann sie nicht zurückgehen. Und die Leute sprechen nicht freundlich über sie.

Aber das ist doch schlimm?

Warum denn? Wir denken eben anders über Ehe und Familie [12, 135].

Отрицательная оценка в подобных ситуациях может быть выражена и с помощью *стилистических* средств – путем употребления просторечных слов и выражений, к примеру: «Du meinst, wenn man

dann was *verboxt* hat? Nie entschuldigen, Baby. Nie reden. Blumen schicken. Ohne Brief, Die decken alles zu. Sogar Gräber» [9, 66]; Ich traute meinen Ohren nicht. Da war er ja endlich, der richtige Ton! Der Ton des Interessenten! Oder war das wieder ein neuer *verfluchter* Dreh? [9, 74]. Глагол *verboxen* не просто обозначает «поступать, совершать», а имеет еще и стилистическую помету «разговорное слово, выражение», которое означает неодобрительное «*натворить что-л.*». Словосочетание *verfluchter Dreh* также является просторечным выражением, имеющим отрицательное значение.

Что же касается *контекстуально* обусловленной оценки, выражаемой при помощи вопроса, то необходимо заметить, что данный тип в примерах встречается гораздо реже. Вопросительное высказывание в таком случае выполняет в тексте свою основную функцию – запрос информации, а на нее накладывается еще и вторичная – эмоционально-оценочная, возникающая на уровне межфразовых связей. При этом оценочность не выражена, а скрыта в микроконтексте или даже в глобальном контексте, например:

«*Lenz hat wohl überall Freunde?*»

Ich nickte. «Er findet sie auch leicht. Das haben Sie ja auch bei Binding gesehen» [9, 84].

Положительная оценка Ленца вытекает в данном случае из контекста как следствие положительно оцениваемого социального действия – способности находить друзей.

Некоторые вопросительные высказывания приобретают положительный тип оценки благодаря *обращениям* с оценочной семантикой. Используя сравнение героини с цветком, говорящий тем самым дает ей положительную оценку, а оформляя свое высказывание как вопрос, просит речевого партнера дать ему недостающую информацию: Er lachte. Dann wandte er sich an Pat. «*Was sagen Sie zu uns Schwätzern, kleine Blüte auf den tanzenden Wassern?*» [9, 169].

В следующем примере установление отрицательной оценки из микроконтекста было бы невозможно без знания глобального контекста, где под *Großvater* подразумевается старый автомобиль:

«*Was wollen Sie denn für den Großvater haben?*»

Der Mann schluckte und schwieg [9, 140].

Что касается *структурных* типов вопросительных высказываний, то оценку выражают большей частью общие и удостоверительные вопросы. Они имеют максимальный побудительный потенциал, а выражению оценки служит лексика пропозиции: «Hast du Pat gesagt, dass wir unser eintägiges Jubiläum als Taxichauffeure feiern?» fragte ich ihn. Er pfiß durch die Zähne. «Genierst du dich deswegen, Bursche?». «Halt den Schnabel», erwiderte ich [9, 167]; «Sie finden mich wohl etwas idiotisch, was?» Sie lachte [9, 117].

Таким образом, анализ практического материала исследования показывает, что основной части вопросительных высказываний свойственно наряду с их первичной функцией выражение оценочной квалификации объекта. Оценка при этом выражается в основном лексически, а общая оценочная характеристика дается значительно реже, чем частная. Основная масса проанализированных вопросительных структур выполняет в речи экспрессивно-оценочную функцию в сочетании с передачей различных модальных отношений. Перечень эмоционально-оценочных значений здесь достаточно широк: удивление (26%), одобрение (13%), возмущение (12%), недоумение (11%), страх (10%), упрек (7%), насмешка (7%), подозрение (7%), радость (5%), надежда (4%), отчаяние (3%), пренебрежение, восхищение, сожаление (около 2%), отвращение и угроза (меньше 1%), например:

«Du, Klavierspieler, du! Ich sage dir nochmals: es war ein Glücksfall, ein besonderer Glücksfall, dieses Mädchen! Du hast natürlich keine Ahnung von so was! Hast du dir die Augen angesehen? Natürlich nicht, – du hast dein Schnapsglas angesehen –» (Восхищение) [9, 60];

«Der Wagen da läuft ungefähr zweihundert Kilometer.»

Sie beugte sich etwas vor und steckte ihre Hände in die Taschen ihres Mantels, «Zweihundert Kilometer?» (Удивление)

«Genau hundertneunundachtzig Komma zwei, amtlich abgestoppt», erklärte Lenz, wie aus der Pistole geschossen, stolz. [9, 30];

«... Der liebe Gott wird schon weiterhelfen. Und so jemand will Erzieherin sein, Mädchen heranbilden. Eine Frechheit ist das. Sie glauben doch nicht, dass ich Sie in diesem Zustande im Hause behalten werde?» (Пренебрежение) [10, 33].

Очевидно, что в данных высказываниях тесно переплетаются эмоциональность и оценочность, что усложняет выбор критерия для классификации. И все же представляется возможным разграничение (хотя и несколько условное) всего многообразия оттенков на две большие группы: положительную и отрицательную эмоциональную оценку. Положительную эмоциональную оценочность выражают в выборке 4 оттенка: радость, надежда, восхищение, одобрение. При этом частотность каждого оттенка невелика по сравнению с отрицательными. Группа негативно окрашенных оценочных оттенков, как показывает анализ экспериментального материала, используется в речи гораздо чаще (87%), чем положительная эмоциональная оценочность (13%). Нередко оценка выражается одновременно несколькими средствами, например: «Was denkst du denn eigentlich, *du Schwein*? Denkst du, du kannst hier einen einzigen mit *deinen dussligen Magenblutungen an der Nase rumführen*?» [10, 108].

В данном примере возмущение выражается: просодически (громкостью речи, усиленными ударениями, большим мелодическим интервалом); лексически (инвектив *Schwein*, просторечное слово *dusslig*, выражение *an der Nase herum führen*); морфологически (*du* – форма как знак подчиненности адресата адресанту).

Часто для выражения оценки используется несколько следующих друг за другом вопросов, постепенно интенсифицирующих оценку и раскрывающих всю ситуацию, к примеру – оттенок отчаяния: *Mit rasch zitternden Schritten ging er dem Baron nach, trat ihm, der eben die Treppe hinauf wollte, in den Weg und sagte gepresst, mit schwer verhaltenen Tränen: «Was habe ich ihnen getan, dass Sie nicht mehr auf mich achten? Warum sind Sie jetzt fremd zu mir? Und die Mama auch? Warum wollen Sie mich immer weg schicken? Bin ich Ihnen lästig oder habe ich etwas getan?»* [10, 73].

Для выражения такого оттенка оценки, как насмешка, чаще всего используется стилистический прием иронии: «*Fahren wir nach Hause, Robby*», sagte sie, und ihre dunkle Stimme war noch tiefer als sonst.

«*Nach Hause? Zu Fräulein Elfriede Müller mit dem goldenen Kreuz auf der Brust? Wer weiß, was sich der Teufel ausgedacht hat*» [9, 219]. Данный пример иллюстрирует также и сочетание вопросительных структур, выражающих разные типы оценочного отношения в одном

контексте. Первое вопросительное высказывание (*Nach Hause?*) представляет собой удивление, а следующее за ним (*Zu Fräulein Elfriede Müller mit dem goldenen Kreuz auf der Brust?*) – насмешку, выраженную стилистическим приемом иронии, при котором смысл высказывания является противоположным содержанию его пропозиции.

Одна из самых высоких степеней негативной оценки проявляется в отвращении, когда для субъекта оценки ее объект является абсолютно неприемлемым. Негативность данной оценки носит рационально-эмоциональный характер и основывается на моральных принципах субъекта: «*Wie nur ein Mensch sich dazu hergeben konnte, seine Lippe mit Schminke auszumalen? – Negerhaft!*» [13, 153]. Само отвращение выражается в пропозиции данного вопроса лексически как несовместимость действий оцениваемого объекта с моральными принципами субъекта оценки (*sich hergeben können*). Отвращение подкрепляется и лексически в последующем контексте – *negerhaft*.

Таким образом, оценочный потенциал вопросительных высказываний достаточно широк. Он простирается со многими промежуточными значениями от восторга до отвращения, что свидетельствует о том, что вопросительные структуры наряду со своей первичной функцией могут одновременно выполнять и оценочную функцию, т. е. давать денотату положительную или отрицательную, общую или частную, рациональную или эмоциональную оценку. Вопросительные конструкции способны выражать как положительную, так и отрицательную оценку. Негативная оценочность наблюдается чаще и является более дифференцированной по семантике, чем позитивная. Основным средством выражения как положительной, так и отрицательной оценки в вопросе является его лексическое наполнение. Специальный порядок слов, характерный для вопроса, и его просодические характеристики, а также стилистические приемы и структурные факторы, действуя однонаправленно с лексической семантикой, способны значительно усилить оценочную семантику подобных высказываний.

Аксиологическая модальность оказывается в вопросе тесно переплетенной с другими модальными значениями – достоверностью,

предположением, побудительностью, каждое из которых в разной степени задействовано в оценочных значениях. Совместно они создают высказывания с многослойной семантической структурой и богатыми выразительными возможностями.

Специфические синтаксические структуры немецкого вопроса – общий и частный вопрос – обнаруживают различную частотность в каждом оценочном значении. Так, общие вопросы предпочтительно употребляются с целью выразить надежду, удивление, подозрение, а также для побуждения собеседника к оценке, в то время как специальные вопросы используются для выражении недоумения, сожаления.

Литература

1. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/grammar/128.Arnold-research>. – Дата доступа : 11.01.11.
2. Заморева, А. В. Репрезентация концепта «общая оценка» в современном русском языке: системно-структурный, когнитивный и функционально-прагматический аспекты анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Заморева ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2007. – 21 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – I–XV, 896 с., 1 ил.
4. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с. (Лингвистическое наследие XX века)
5. Маркелова, Т. В. Периферия функционально-семантического поля оценки в русском языке / Т. В. Маркелова // Семантика слова в контексте высказывания : межвуз. сб. науч. тр. – М., 1996. – С. 8–18.
6. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – М. : Генезис, 2008. – 416 с.
7. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2001. – 752 с. : ил. – (Сер., Мастера психологии).
8. Баранов, А. Н. Когнитивный статус естественной языковой оценки (к типологии языковой стратегии оценивания) / А. Н. Баранов // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. – Тарту, 1989. – Вып. 840 : Формальные и неформальные рассуждения : тр. по искусственному интеллекту / отв. ред. И. Сильдмяэ. – С. 5–23.
9. Zweig, St. Novellen / St. Zweig. – Moskau : Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. – 519 S.
10. Remarque, E.-M. Drei Kameraden / E.-M. Remarque. – Moskau, 1961. – 455 S.

11. Остроухова, Л. А. Структура и семантика неместоименных вопросительных предложений в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. А. Остроухова ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. Ф. И. Герцена. – Л., 1983. – 18 с.

12. Lernziel Deutsch. Deutsch als Fremdsprache. Grundstufe 1. – Ismaning : München : Max Hueber Verlag, 1991. – 233 S.

13. Hesse, H. Klein und Wagner / H. Hesse. – Frankfurt am Main, 1997. – 345 S.

МГПУ им. И.П.Шамякина

Ю. И. Кравченко

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ PR В АСПЕКТЕ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Современный этап развития лингвистики характеризуется неослабевающим интересом к коммуникативным особенностям текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации. Становление дискурсивного анализа во второй половине XX века предоставило необходимую методологическую базу для изучения политического, научного, рекламного и многих других типов дискурса. Интенсивное развитие политических технологий, возрастающая роль средств массовой информации, все большая театрализация политической деятельности способствуют повышению внимания общества к теории и практике политической коммуникации.

Политическая коммуникация – это явление, с которым все сталкиваются ежедневно. Борьба за власть является основной темой и движущим мотивом этой сферы общения. Чем более открыта и демократична жизнь общества, тем больше внимания уделяется языку политики. Политической коммуникацией интересуются как политические PR-структуры, журналисты и политологи, так и самые широкие массы граждан. Внимание первых сосредоточено, как правило, на выявлении механизмов порождения и функционирования политических текстов, на анализе политических метафор как способа осмысления мира политики, на характеристике речевого поведения политика, на изучении коммуникативных стратегий в политической деятельности [1, 32].

В современном обществе возрастает значимость политической коммуникации, поскольку в условиях демократического социального устройства вопросы власти обсуждаются открыто, и решение целого ряда политических проблем зависит от того, насколько адекватно эти проблемы будут интерпретированы языком.

Для общения в области политической коммуникации характерна высокая степень манипулирования, и поэтому выявление механизмов политической коммуникации представляется значимым для определения характеристик языка как средства воздействия. В этом смысле

важность и актуальность изучения политического PR продиктована необходимостью поиска для политиков оптимальных путей речевого воздействия на аудиторию, с одной стороны, и необходимостью понимания аудиторией истинных интенций и скрытых приемов языкового манипулирования, с другой стороны.

Возрастающий интерес ученых к коммуникации в области PR, прежде всего, определяется ролью PR в современном обществе. Экспансия средств массовой коммуникации (радио, телевидение, Интернет) привела к тому, что жизнь современного общества нельзя представить без PR. В настоящее время происходит процесс превращения PR как вида массовой влиятельной коммуникации в мощный воздействующий и регулирующий социальный фактор, в котором пересекаются социальные, культурные, экономические, правовые и другие аспекты жизнедеятельности человека [2, 112].

Политический PR как явление сферы массовой влиятельной коммуникации играет важную роль в жизни современного общества. С другой стороны, в настоящее время активно изучаются механизмы воздействия политического PR на адресата с точки зрения коммуникативной лингвистики и прагматики.

В политической коммуникации стратегия ориентирована на изменение политических взглядов адресата, на преобразование его отношения к тем или иным теориям, событиям, людям. Опираясь на теоретические разработки О. Иссерс [3] в области функционирования прагматических стратегий и тактик, можно выделить следующие стратегии речевого поведения, используемые в политическом PR, и классифицировать их следующим образом: конвенциональные стратегии; презентационные стратегии; конфликтные стратегии; стратегии дискредитации; инвективные стратегии. Каждая из перечисленных прагматических стратегий характеризуется определенным набором речевых тактик и реализующих их приемов.

Конвенциональная стратегия характеризуется следующими прагматическими тактиками и приемами:

- тактика комплимента реализуется тактическими приемами выражения симпатии, формирования эмоционального настроения,

установления добрых отношений, управления дистанцией, смещение внимания особенно в ситуации коммуникативной неудачи, коммуникативного конфликта или дискомфорта;

- тактика интеграции предполагает использование приема очерчивания своего круга и присоединения адресата к группе «своих»;
- тактика конструирования образа партнера предполагает использование приемов отождествления, атрибуции, стереотипизации и установления ассоциативных связей.

Приведем пример конвенциональной стратегии... (ток-шоу «К барьеру!», НТВ, Выпуск 126, 30.11.2006):

K1 (М. Швыдкой): Нас очень мало, Андрей; нас очень мало, Геннадий Андреевич. Мы привыкли всю жизнь думать, что россиян «не меряно». Так выигрывали все войны и проводили индустриализацию. Считали, что нас бесконечное множество, а оказалось очень мало. И надо поэтому учитывать, как живет каждый человек. Тогда и Ваша, Андрей, и Ваша, Геннадий Андреевич, партии смогут добиться большего. Сбережение народа – первейшая задача любой власти.

K2 (Г. Зюганов): Михаил Ефимович, хочу поддержать Вас в этой мысли. Да, нас мало. За 10 лет население страны еще сократилось почти на 10 миллионов. Из них 9 миллионов только русских, причем русские области и сегодня в 2–3 раза вымирают быстрее остальных. Но для того чтобы страна развивалась, надо одновременно с социальной политикой развивать экономику, промышленность и производство.

Данный тип стратегии направлен, прежде всего, на выявление общего в дискуссии. Коммуниканты не стараются с помощью различных тактик, пусть даже и носящих кооперативный характер, дискредитировать оппонента как личность, несмотря на наличие схожих позиций по конкретному вопросу. Они стараются найти реальные точки взаимодействия и проявляют уважение к общественной и политической позиции конкурента. *K1: Тогда и Ваша, Андрей, и Ваша, Геннадий Андреевич, партии смогут добиться большего. Сбережение народа – первейшая задача любой власти. K2: Михаил Ефимович, хочу поддержать Вас в этой мысли.* Тактика интеграции проявляется, в первую очередь, в уважении позиции

собеседника и принятии его точки зрения. Деятели, участвующие в дискуссии, стремятся не только найти компромисс в решении проблемы, но и прийти к общему соглашению.

Презентационные стратегии характеризуются следующими тактиками и входящими в них приемами:

- для прагматической тактики оппозиционирования основным конституирующим приемом является построение четкой оппозиции «Я – Они»;

- для прагматической тактики аполлогизации собственной стороны наиболее характерно использование приема отказа от общих пресуппозиций, создание и внедрение в сознание общих элементов модели мира;

- тактика персонификации предполагает создание желательных ассоциаций, связей.

Приведем пример презентационной стратегии и реализующих ее тактик (*ток-шоу «К барьеру!»*, НТВ, Выпуск 68, 17.03.2005):

К1 (И. Хакамада): Я вызываю к барьеру господина Якеменко, лидера «Идущих вместе», который взял на вооружение методы Геббельса. Я считаю, что пора прекратить эту вакханалию, иначе мракобесие захватит всю страну.

К2 (В. Якеменко): Я принимаю вызов Ирины Хакамады. Это один из немногих российских политиков, кто откровенно, единым фронтом выступает с фашистами, дает интервью фашистским газетам, я считаю, что это неприемлемо, безнравственно и готов разговаривать с ней на любые темы.

Тактика персонификации путем сравнения с фашистами и фашистским режимом взята на вооружение обоими участниками дискуссии. К1 использует в стратегии презентации своего оппонента сравнение с одним из самых негативных персонажей гитлеровской Германии – Геббельсом, отвечавшим за пропаганду и идеологию во времена руководства Гитлера. К1 также использует лексику, изначально относящуюся к церковной, чтобы подчеркнуть негативность действий оппонента, его разнузданность и отсутствие нужного образования. К2 отвечает на «приветствие» К1 практически зеркально: *К1: Я вызываю к барьеру господина Якеменко, лидера*

«Идущих вместе», который взял на вооружение методы Геббельса. К2: Это один из немногих российских политиков, кто откровенно, единым фронтом выступает с фашистами, дает интервью фашистским газетам. В данной ситуации К2 явно копирует оппонента и не может противопоставить ему что-то другое.

Стратегия конфликта представлена следующими тактиками с характеризующими их приемами:

- тактика аффективного реагирования отражает эмоции, настроения, чувства говорящего, переживание человеком своего отношения к высказыванию и окружающему миру;

- тактика оценочного реагирования содержит различные типы оценок (нормативных, интеллектуальных, эмоциональных) относительно формы и содержания своего и чужого высказывания и компонентов коммуникативной ситуации;

- основным приемами при применении тактики шутки является смещение фокуса внимания, формирование эмоционального настроения, управления дистанцией. Эту тактику использует ведущий ток-шоу «К барьеру!» В. Соловьев, он разряжает обстановку, иногда ставит участников в неудобное положение: В. Соловьев: *«Скажите, пожалуйста, где простому человеку за один день можно найти один миллион у. е.»* (обращение к президенту банка);

- при использовании тактики диффамации применяются различные приемы негативной оценки: прием «отстранения», прямое оскорбление, косвенное оскорбление, развенчание притязаний, навешивание ярлыков, умаление интеллектуальных, нравственных, профессиональных, физических качеств, игра на понижение роли и статуса и некоторые другие. В случае применения тактики диффамации в виде иронической оценки происходит умаление авторитета оппонента через осмеяние: В. Алкснис к В. Соловьеву: *«Мы-то русские, а вы – нерусские!»* (ток-шоу «К барьеру!», НТВ, Выпуск 106, 20.04.2006);

- при применении тактики дегуманизации основным приемом является создание и внедрение в сознание аудитории общих элементов модели мира, а именно: некоей фобии, причиной которой является партнер по коммуникации.

Приведем пример стратегии конфликта (*ток-шоу «К барьеру!»*, НТВ, Выпуск 55, 25.11.2004): (К1 – Д. Рогозин, К2 – В. Жириновский, В – ведущий).

К2: Всеми вопросами ведает тот самый президент, за которого он выступает. Если все плохо в стране, то это его президент. И законы, которые мы принимаем, это его президент ... И «Единая Россия» в Думе, и «Родина», это президент решил. Мы были до этого президента, до него были.

В: Где вы остановитесь? Вот с какого момента вы прекратите гнобить стариков? Вот с какого момента вы скажете, ладно, хоть ты и был коммунистом, но ты живи.

К2: Не о коммунистах речь идет, а о руководителях. Речь идет о тех, кто последние 20 лет нам морочит голову. С 85-го по 2005. Кто развалил страну и привел к тому, что погибло 5 млн.?

В: Но один из них – это Жириновский Владимир Вольфович. Секретарь бюро комсомола, который студент, комсомолец, который теперь кричит, что не был комсомольцем.

К2: Что развалил? Человек учился на отлично. И товарищи избрали. Рогозин ни копейки не дал. Никогда.

В: Хорошо, спрошу у Рогозина. Брал хоть копейку Жириновский? У КГБ. Он сказал, что вы знаете.

К1: Владимир Вольфович, судя по всему, что-то имеет с ... Он что-то знает. Агент 008.

К2: Но не пролил ни одной капли крови. Ни один солдат не пострадал из-за меня. А из-за вас миллионы.

В: Можно я сейчас с Рогозиным поговорю?

К2: ... Я мог начать Третью мировую войну. У меня лежал пакет. Я бы его порвал, и нажал бы на кнопку. И поднял бы все войска по тревоге.

В: Это мания величия. Это вы в каком звании были?

К2: лейтенант.

К1: Это во сне было.

В: У нас каждый лейтенант может начать Третью мировую войну.

В данном отрывке представлены следующие тактики: тактика дискредитации с применением риторических вопросов (*К2: Кто развалил*

страну и привел к тому, что погибло 5 млн.?), использование просторечной лексики с негативной коннотацией – здесь ведущий обращается к одному из коммуникантов нарочито грубо, подчеркивая тем самым свое отношение к К2 и подстраиваясь под его стиль речи (В: *Где вы остановитесь? Вот с какого момента вы прекратите гнобить стариков?*), конструирование образа оппонента за счет дискредитации его в глазах аудитории с применением прецедентных текстов (В: *Хорошо, спрошу у Rogozina. Брал хоть копейку Жириновский? У КГБ. Он сказал, что вы знаете. К1: Владимир Вольфович, судя по всему, что-то имеет с ... Он что-то знает. Агент 008.*), тактика игнорирования собеседников, апологизации собственной персоны (В: *Но один из них – это Жириновский Владимир Вольфович. Секретарь бюро комсомола, который студент, комсомолец, который теперь кричит, не был комсомольцем. К2: Что развалил? Человек учился на отлично. И товарищи избрали. Rogozin ни копейки не дал. Никогда.*), тактика запутывания (К2: *Не о коммунистах речь идет, а о руководителях. Речь идет о тех, кто последние 20 лет нам морочит голову.* – коммуникант отходит от темы, меняя смысл высказывания и отказываясь от своих слов, сказанных несколькими минутами ранее). К2 игнорирует оппонента и ведущего, развивая тему собственной непричастности к коммунистическому прошлому нашей страны, хотя доподлинно известно о его непосредственной и активной деятельности в рядах КПСС.

Стратегии дискредитации являются основным средством воздействия на противостоящую сторону. Данные стратегии реализуются через следующие тактики:

- тактика цитирования. Это может быть как цитирование известных людей (например, В. Похмелкин на вопрос К. Затулина о том, продажны ли наши политики, ответил: *«Политика может быть сильной и лживой, слабой и честной»* (А. Дюма); таким образом, он не высказал прямо своей точки зрения, уклонился от ответа, либо цитирование слов объекта дискредитации. Обращение к словам объекта дискредитации делает суждения говорящего убедительными, основанными на конкретных фактах – приведенных высказываниях оппонента: В. Комиссаров, комментируя проект закона, подготовленный

А. Чуевым: *«Нет, вы посмотрите, что он тут понаписал: вот это-то поправка к статье!»*. А. Чуев предстает перед телезрителями в невыгодном свете (ток-шоу *«К барьеру!»*, НТВ, Выпуск 49, 14.10.2004);

- тактика приведения примера. Данная тактика применяется для убедительности высказывания, создания ощущения непосредственного контакта с телезрителем, понимания его проблем. В словесной дуэли А. Никонова и М. Арбатовой на тему о возросшем уровне преступности А. Никонов избрал тактику приведения примера. Его целью было показать осведомленность в вопросах криминогенной обстановки в стране, собственные переживания: *«Представляете, однажды мой друг шел по улице, его избили. Так и было... Как-то раз на меня напали...Это действительно так происходит по всей стране!»* (ток-шоу *«К барьеру!»*, НТВ, Выпуск 66, 03.03.2005);

- тактика утрирования применяется в том случае, если говорящий ставит цель намеренно преувеличить значение какого-то события, придав ему ироническую оценку. Использование данной тактики дискредитирует соперника: В. Соловьев: *«Счастливый у вас брак: больница, убийства, наконец тюрьма, а потом-то смерть, слава Богу!»* (ток-шоу *«К барьеру!»*, НТВ, Выпуск 51, 28.10.2006);

- тактика апелляции к авторитету. Ссылка на авторитет дается участниками речевого общения для подтверждения правильности излагаемой информации. А. Хинштейн: *«Этот закон был утвержден всеми, чистая правда, даже президент согласился»* (ток-шоу *«К барьеру!»*, НТВ, Выпуск 151, 27.09.2007);

- тактика обращения используется для установления контакта с оппонентом и зрителями: М. Арбатова: *«Голубчик, дружок, Вова...»* (обращение к В. Соловьеву) (ток-шоу *«К барьеру!»*, НТВ, Выпуск 66, 03.03.2005);

- тактика усиления. Данная тактика применяется для большей убедительности высказываемой позиции, нагнетания обстановки с целью привлечения зрителей на свою сторону.

Инвективные стратегии, элементы которой присутствуют практически у всех коммуникантов в политическом PR, реализуется при помощи следующих тактик:

- тактика «черного оппонента». Собеседнику задается несколько вопросов так, чтобы на один из них он не мог ответить: *«Где Ваш пиджак? Зачем Вы сюда пришли? Объясните Вашу позицию. Вот видите, ответ не подготовлен, вы вообще бестолковый. Готовиться надо!»* (ток-шоу «К барьеру!», НТВ, Выпуск 105, 01.11.2007);

- тактика угрозы: А. Хинштейн: *«Выйдем, господин Барщевский, я нанесу вам ужасный физический урон!»* (ток-шоу «К барьеру!», НТВ, Выпуск 151, 27.09.2007).

Описанные стратегии и реализующие их тактики речевого поведения в политическом PR представляют особый интерес для возможностей политического прогноза, в целях поиска наиболее эффективных видов воздействия на аудиторию.

Литература

1. Политические коммуникации / А. И. Соловьев [и др.] ; под общ. ред. А. И. Соловьева. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 332 с.
2. Ольшанский, Д. В. Политический PR / Д. В. Ольшанский. – СПб. : Питер принт, 2003. – 540 с.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.

І. М. Мацвеевка

ФУНКЦЫЯНАЛЬНЫ АСПЕКТ ВЫВУЧЭННЯ НЕАЛАГІЗМАЎ

Творчасць многіх сучасных паэтаў вызначаецца імкненнем да выкарыстання выразных магчымасцей слова. Гэта знаходзіць сваё ўвасабленне ва ўтварэнні індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў (ІАН) – экспрэсіўных, вытворных, ненарматыўных адзінак маўлення, якія валодаюць прыметамі функцыянальнай аднаразовасці, намінатыўнай факультатыўнасці, сінхронна-дыяхроннай дыфузнасці і індывідуальнай прыналежнасці (ІАН). Паколькі ўсе аказіянальныя словы з’яўляюцца

вытворнымі, мы лічым апраўданым ужыванне побач з гэтымі тэрмінамі і тэрмінаў «новаўтварэнне», «наватвор».

Даследаванні ІАН у апошні час сталі больш інтэнсіўнымі. Гэта выклікана зацікаўленасцю лінгвістаў абагачэннем лексічнай сістэмы мовы новымі словамі, што сведчыць аб дынамічным характары мовы і павелічэнні экспрэсіўнай напружанасці маўлення. Пры гэтым увага моваведаў нярэдка скіроўваецца на праблему слова ў мастацкім маўленні, у прыватнасці ў паэтычным маўленні, якое дае матэрыял для вывучэння аўтарскай словатворчасці і функцый аказіянальнага слова ў тэксце.

Распрацоўка праблемы новаўтварэнняў у паэзіі з'яўляецца актуальнай, паколькі мова мастацкіх твораў абапіраецца на літаратурную мову ва ўсёй разнастайнасці яе рэсурсаў. Пры выкарыстанні гэтых рэсурсаў паэт творча падыходзіць да словаўтваральных законаў мовы, камбінуе дэрывацыйныя сродкі, утвараючы новыя словы. Такім чынам, ІАН як факт маўлення з'яўляецца адначасова параджэннем сістэмы мовы.

Вывучэнне аўтарскай словатворчасці дапамагае выяўленню актыўнасці моўных мадэлей, дэманструе законы словаўтварэння і тэндэнцыі развіцця дэрывацыйнай сістэмы мовы.

Пры вывучэнні мовы і яе асаблівасцей існуе тры падыходы: параўнальна-гістарычны, сістэмна-структурны, антрапацэнтрычны. У неалогіі лінгвісты традыцыйна выкарыстоўваюць сістэмна-структурны падыход, апісваюць і класіфікуюць новыя факты мовы і маўлення. Адзінкай сістэмы мовы і маўлення выступае новае слова, а ўсё, што звязана з носьбітам мовы як яе тварцом, – ігнаруецца. Як падкрэслівае С. Тагоева, – прадстаўнік псіхалінгвістычнага напрамку даследавання неалагізмаў, – мова вывучана «ўздоўж і ўпоперак», а той, хто ёю карытаецца, для каго яна і існуе, застаўся без увагі [1, 34].

У сучасным мовазнаўстве назіраецца тэндэнцыя да павароту ў бок чалавека – носьбіта мовы і прадстаўніка соцыуму. Сучасныя напрамкі лінгвістычных даследаванняў характарызуюцца ўзрастаннем увагі да феномена моўнай асобы. Інакш кажучы,

мову сталі вывучаць з пункту гледжання яе ўдзелу ў пазнавальнай дзейнасці чалавека.

Антрапацэнтрычны падыход пераключае ўвагу даследчыка з аб'ектаў пазнання (новых слоў) на суб'ект (чалавека, які выкарыстоўвае або стварае новыя словы). І гэта правільна, таму што вывучэнне неалагізмаў не можа быць поўным без даследавання іх прызначэння. З'яўленне новых слоў дыктуецца прагматычнымі патрабаваннямі: чалавек як удзельнік камунікатыўнага акту выбірае з лексічнага матэрыялу тое, што найлепш перадае думкі і пачуцці. Калі такога слова няма, чалавек змяняе ўжо вядомае слова або ўтварае новае. Новаўтварэнне дапамагае ажыццявіць пэўныя камунікатыўныя эстэтычныя і экспрэсіўныя намеры: назваць новую рэалію, дакладна перадаць думку, скараціць словазлучэнне, стварыць пэўны вобраз, прыцягнуць увагу, падкрэсліць адносіны да прадмета гаворкі і інш.

Вывучэннем лексікі з гэтага пункту погляду займаецца функцыянальная лексікалогія. Яна вывучае прагматычны аспект лексікі, г. зн. выяўляе ўнутраныя заканамернасці выбару і ўжывання слова ў канкрэтным камунікатыўным акце, вызначае сувязі паміж працэсам утварэння новых слоў і іх камунікатыўна-прагматычнай накіраванасцю.

Як ужо адзначалася, новыя словы традыцыйна даследуюцца ў сістэмна-структурнай парадыгме, якая ў цэнтры увагі ставіць слова. З пункту погляду ўзаемаадносін з чалавекам даследаванню неалагізмаў удзяляецца недастаткова ўвагі. Аднак вывучэнне новай лексікі патрабуе звароту да двух аспектаў аналізу – да аспекту ўтварэння новай лексікі і да аспекту яе функцыянавання, паколькі функцыянальны аспект даследавання неалагізмаў стане істотным дапаўненнем да аналітычнага спосабу апісання словаўтварэння. Як адзначае А. Кірдуна, «высвятленне пытання, як сістэма функцыянуе, будзе садзейнічаць лепшаму разуменню таго, як гэта сістэма арганізавана і з чаго яна складаецца» [2, 102].

Часцей даследчыкі звяртаюцца да вылучэння прычын словатворчасці, не размяжоўваючы паняцці «функцыя» і «прычына». Найбольш поўна прычыны ўтварэння ІАН апісаны ў працах

А. Габінскай [3] і А. Бабенка [4]. Да асноўных яны адносяць: неабходнасць дакладна перадаць думку; імкненне коратка выказаць думку; патрэбу падкрэсліць свае адносіны да прадмета гаворкі, даць яму сваю характарыстыку, ацэнку; імкненне своеасабліва сцю гукавой абалонкі слова звярнуць увагу на яго семантыку; патрэбу пазбегнуць таўталогіі; неабходнасць зберагчы рытм верша, забяспечыць рыфму, патрэбную інструментоўку.

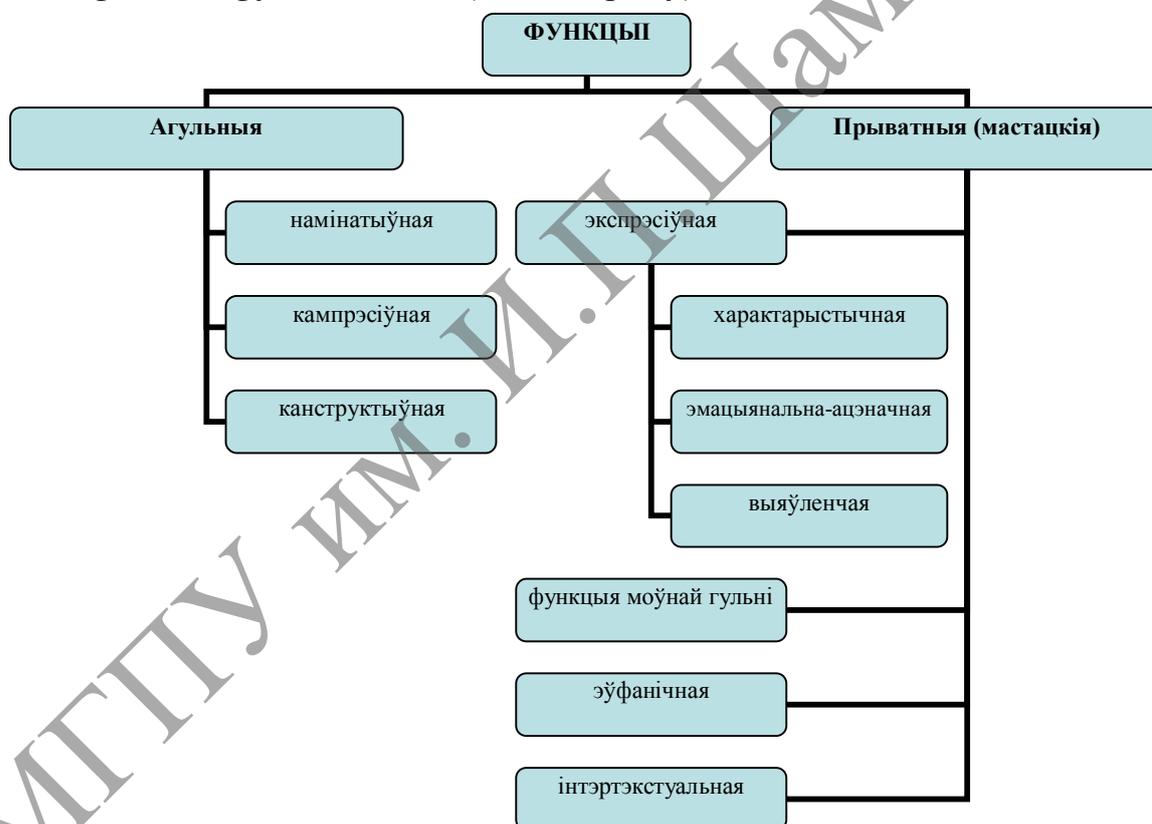
«У цяперашні час можна гаварыць больш аб перспектывах, чым аб выніках распрацоўкі словаўтварэння з функцыянальнага пункту погляду, – адзначае І. Улуханаў [5, 8], – хоць многія адзінкі словаўтваральнай сістэмы ўжо разглядаліся ў функцыянальным аспекце». Магчыма, гэта звязана з тым, што паняцце «функцыя» можна разглядаць у розных аспектах [6, 20]. У вызначэнні паняцця «функцыя» мы прытрымліваемся тлумачэння А. Бандарка: «функцыя моўнай адзінкі – гэта яе здольнасць да выканання пэўнага прызначэння, патэнцыял функцыянавання і разам з тым рэалізацыя гэтай здольнасці, г. зн. вынік, мэта функцыянавання» [7, 8]. Паняцце «функцыя» прадугледжвае ўзаемадзеянне часткі і цэлага, элемента і сістэмы, таму можна сказаць, што функцыя – гэта прызначанасць элемента (новага слова) да служэння сістэме (маўленню). Функцыянаванне – рэалізацыя гэтай прызначанасці ў працэсе маўлення.

У працы «Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис» вылучаны чатыры функцыі словаўтварэння: намінацыйная (якая, дарэчы, многімі дэрываталагамі прызнаецца асноўнай функцыяй вытворнага слова), экспрэсіўная, канструктыўная, кампрэсіўная [8, 85–88]. Пазней А. Земская палічыла мэтазгодным вылучыць стылістычную функцыю [9, 8–12] і функцыю гульні [10, 186].

У тэорыі мовазнаўства, як адзначае А. Кірдуна [2, 103], выдзяляецца звыш 25 функцый мовы і яе адзінак, таму вышэйпералічаныя класіфікацыі функцый словаўтварэння не з’яўляюцца канчатковымі. Пытанне аб характары і колькасці функцый словаўтварэння і яго адзінак з’яўляецца яшчэ адной нявырашанай праблемай неалогіі. Праблема функцыянальнага аспекту даследавання ІАН з’яўляецца асабліва актуальнай для беларускага мовазнаўства,

паколькі да цяперашняга часу ў ім адсутнічаюць спецыяльныя даследаванні функцый аўтарскіх новаўтварэнняў. Да гэтага часу прызначэнне новаўтвораных слоў асвятлялася ў працах Л. Сом [11], Т. Міхалкінай [12]. Адсутнасць больш-менш поўнага апісання функцый словаўтварэння стварае цяжкасці для пераходу даследаванняў на новы ўзровень, прапанаваны А. Кубраковай, – аналіз функцый у супастаўляльным, кагнітыўным, генетычным планах [13, 141].

У сувязі з вышэйказаным у нашым даследаванні робіцца спроба апісання ІАН, выяўленых у творах сучаснай беларускай паэзіі, з функцыянальнага пункту погляду. Намі распрацавана наступная класіфікацыя функцый ІАН (гл. дыяграму):

У аснове класіфікацыі ляжаць такія прыметы ІАН як сувязь з кантэкстам і экспрэсіўнасць. Неалагізмы, якія выконваюць функцыі, названыя намі агульнымі, маюць слабую сувязь з кантэкстам, для іх семантызацыі дастаткова нулявога кантэксту. Гэта нейкім чынам аб'ядноўвае іх з узуальнымі новаўтварэннямі, функцыі якіх (намінатыўная, канструктыўная, кампрэсіўная, экспрэсіўная,

стылістычная) апісваюцца А. Земскай [9, 199]. Паколькі мы разглядаем функцыянаванне ІАН у паэтычных творах, то лічым неабходным размежаваць гэтыя функцыі з мастацкімі, уласцівымі паэтычнаму маўленню. Акрамя таго, экспрэсіўнасць ІАН, якія выконваюць агульныя функцыі, выражана слаба, у той час як у наватвораў, якія рэалізуюць мастацкія функцыі, яна праяўляецца ў большай ступені. Гэта паслужыла прычынай аднясення экспрэсіўнай (у вузкім сэнсе слова) функцыі ў склад мастацкіх. Адзначым два важныя моманты, якія мы ўлічваем пры функцыянальным аналізе ІАН:

1) усе ІАН валодаюць экспрэсіўнасцю і адрозніваюцца толькі ступенню яе праяўлення [14, 31];

2) многія ІАН выконваюць не адну функцыю ў мастацкім тэксце, г. зн. яны з'яўляюцца поліфункцыянальнымі адзінкамі [9, 204].

Пры функцыянальным аналізе ІАН мы сутыкнуліся з вялікай колькасцю прыкладаў, дзе аказіяналізмы выконваюць адразу некалькі функцый, якія перасякаюцца. Пры перасячэнні бывае так, што адна функцыя з'яўляецца цэнтральнай, а астатнія – другаснымі. Узяць, напрыклад, традыцыйнае размежаванне неолагамі намінатыўнай і экспрэсіўнай функцый. Адзін і той жа ІАН можа выконваць і намінатыўную, і экспрэсіўную функцыі. Напрыклад, у беларускай мове словам *філолаг* называюць і мужчын, і жанчын. Паэт М. Мятліцкі ўтварае новае слова **філалагіня** (жанчына-філолаг), якое выконвае намінатыўную функцыю: *Мае багіні вы – філалагіні!* / *Я ў сэрцы вочы кожнай прыбярог.* / *Хачу, каб вечар гэты мройна-сіні* / *Іх ад тугі пахмурай засцярог.* Калі замяніць слова **філалагіні** на *жанчыны-філолагі*, сэнс тэксту не зменіцца, але згубіцца экспрэсія. Таму, акрамя намінатыўнай, гэта новаўтварэнне нясе эмацыянальна-ацэначную нагрузку, выявіць якую дапамагае кантэкст. Побач з новаўтварэннем аўтар ужывае узуальнае слова *багіні*, якое выступае ў якасці структурнага актуалізатара (тэрмін Р. Намітокавай) ІАН. Аўтар параўноўвае сваіх аднагрупніц з багінямі і на ўзор гэтага слова ўтварае ІАН **філалагіні**. Такім чынам, слова **філалагіні**

выконвае па меншай меры дзве функцыі. Альбо, напрыклад, новаўтварэнне **ясоніць**: *Паплывём мы з ім, паплывём, / Не адны паламаўшы вёслы, / Не дзівіцца бліскучым руном, / А спаткаць залатыя вёсны, / Праз якія цячэ рака, / Дзе плюскочуць віры і тоні, / Пазіраючы на дзівака, / Што і сёння яшчэ **ясоніць*** (У. Марук).

Гэта слова выконвае некалькі функцый: называе новую рэалію – дзеянне (намінатыўная функцыя), замяняе словазлучэнне *наводзіць сябе, як Ясон* адным словам **ясоніць** (кампрэсіўная функцыя), актуалізуе інтэртэкстуальныя сувязі, прымушае звярнуцца да міфалогіі – патрэбна ведаць, хто такі Ясон, каб зразумець сэнс ІАН (інтэртэкстуальная функцыя).

Функцыі неалагізмаў нельга вызначыць па-за кантэкстам. Для вывучэння новага слова ў функцыянальным аспекце неабходна звяртацца да кантэксту, які дапамагае ўстанавіць значэнне неалагізма, фіксуе выкарыстанне неалагізма ў канкрэтнай функцыі, замацоўвае яго значэнне і ўжыванне. Напрыклад, каб зразумець сэнс ІАН **чырваназвыклы**, патрэбна звярнуцца да мінікантэксту (кантэксту штрафы): *Напрыканцы сямідзесятых, / Калі яшчэ мы ў талент верылі, / Як вераць толькі ў Бога, / А ў пашпарты чырваназвыклых / Прывабных візаў не было...* (У. Сцяпан). Слова *пашпарт* і *віза* выступаюць як тэкставыя актуалізатары. Вертыкальны кантэкст (веды носьбітаў мовы) дапаможа зразумець сэнс часткі *чырвана-*: пашпарт грамадзяніна СССР меў чырвоную вокладку. Значыць, **чырваназвыклы** – гэта агульнаграмадзянскі пашпарт чырвонага колеру часоў СССР, які, аднак, не даваў права выезду за межы краіны. **Чырваназвыклы** – ІАН, ужыты для характарыстыкі эпохі 80-х гг., калі на захад маглі выехаць толькі людзі з «незвычайнымі» пашпартамі.

Такім чынам, функцыянальны падыход у даследаванні неалагізмаў становіцца адным з прыярытэтных напрамкаў сучаснай лінгвістыкі. Ён дае магчымасць выявіць, як і чаму чалавек выкарыстоўвае новыя словы, у тым ліку індывідуальна-аўтарскія, у розных сітуацыях, якія функцыі выконваюць гэтыя словы ў тэксце. Даволі часта ІАН выконвае некалькі функцый,

што выклікае пэўныя цяжкасці пры яго даследаванні ў функцыянальным аспекце.

Літаратура

1. Тогоева, С. И. Психолінгвістычныя праблемы неалогіі / С. И. Тогоева. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2000. – 155 с.
2. Кірду́н, А. А. Функцыі вытворных адзінак тэмпаральнай лексікі / А. А. Кірду́н // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння : даклады IX Міжнар. навук. канф. Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнар. камітэце славістаў, Мінск, 9–14 кастр. 2006 г. / Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі ; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск, 2006. – С. 102–108.
3. Габінская, О. А. Причины современного русского словотворчества : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. А. Габінская ; Ленинград. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1985. – 32 с.
4. Бабенко, Н. Г. Оказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учеб. пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград : Изд-во Калининград. гос. ун-та, 1997. – 81 с.
5. Улуханов, И. С. Состояние и перспективы изучения функционального словообразования / И. С. Улуханов // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння: даклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў, Мінск, 9–14 кастр. 2006 г. / Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі ; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск, 2006. – С. 7–21.
6. Киклевич, А. К. Лекции по функциональной лингвистике / А. К. Киклевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1999. – 215 с.
7. Теория функциональной грамматики / А. В. Бондарко [и др.] ; под общ. ред. А. В. Бондарко. – 2-е изд., стер. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 347 с.
8. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
9. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М. : Наука, 1992. – 221 с.
10. Земская, Е. А. Игровое словообразование // Е. А. Земская / Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина ; отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – С. 186–194.
11. Сом, Л. «Цьмяніць ліхтар...» Індывідуальна-аўтарскія наватворы ў тэкстах сяброў таварыства вольных літаратараў / Л. Сом // Роднае слова. – 2001. – № 4. – С. 53–55.

12. Михалкина, Т. А. Внелитературная лексика в языке произведений А. Солженицына : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Т. А. Михалкина ; Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Минск, 2000. – 152 с.

13. Кубрякова, Е. С. О новых задачах в изучении функций словообразования / Е. С. Кубрякова // Функциональные аспекты слова́тварэння: даклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму слова́тварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў, Мінск, 9–14 кастр. 2006 г. / Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі ; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск, 2006. – С. 141–148.

14. Намитокова, Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале современной поэзии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Р. Ю. Намитокова ; Адыгейский гос. пед. ин-т. – Майкоп, 1989. – 33 с.

Т. Н. Талецкая, О. В. Сергей

МОРАЛЬ И ПАРОДИЯ В ПОСЛОВИЧНЫХ И АНТИПОСЛОВИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

Чтобы понять прагматическое предназначение пословиц и антипословиц, необходимо вникнуть в основы их семантической организации. Пословица является единицей вторичной номинации, т. к. она лишена прямой соотнесенности своего понятийного содержания с внеязыковой действительностью и используется в роли вторичного наименования [1, 8]. Например, в пословице «*Wie man den Wolf auch füttern mag, er schaut doch immer nach dem Wald*» речь не идет о каком-либо голодном волке, который только и норовит, что сбежать в лес. В пословице «*Neue Besen kehren gut*» не имеются в виду особые чистящие качества новой метлы. А в пословице «*Wer sich vor dem Wolf fürchtet, geht nicht in den Wald*» речь не об испытываемом перед названным животным страхе и не о том, что надо избегать с ним встречи или вообще из-за него не ходить в лес. Во всех этих примерах подразумевается следующее: в случае с голодным волком – как бы ни ублажал того, кто хочет уйти, он уйдет; под новой метлой имеют в виду нового руководителя, который вводит свои правила, требования; а под тем, кто страшится волка, – нерешительного человека.

Очевидно, что в использовании пословицы первичное наименование остается, а ее первичное значение претерпевает существенные изменения: «уходит денотативное значение предложения, и появляется смысл пословицы – мораль» [1, 9]. Мораль (или вторичное значение) в приведенных выше пословицах следующая: «*Wie man den Wolf auch füttern mag, er schaut doch immer nach dem Wald*» – не нужно тратить время на неблагодарного человека, «*Neue Besen kehren gut*» – с приходом нового руководителя многое меняется, «*Wer sich vor dem Wolf fürchtet, geht nicht in den Wald*» – надо быть более решительным.

Семантическая организация пословиц – это сложный феномен. Она характеризуется бинарностью: имплицитным первичным значением на уровне первичной номинации и вторичным значением (моралью), являющимся результатом вторичной номинации [1, 9]. Мораль

формируется при активном участии говорящего, что и предопределяет заданность пословиц на воздействие, на прагматический эффект [1, 17]. Таким образом, в коммуникативно-прагматическом пространстве пословица функционирует как единица вторичной номинации с логическим поучительным выводом. Мораль пословицы обобщает отношение использующего данную номинативную единицу говорящего к тем или иным предметам, явлениям и связям между ними. Говорящий не только высказывает с помощью пословицы свое отношение к кому-либо или чему-либо, он косвенно намекает на то, как надо или не надо поступать, как следует себя вести, может подбодрить или осудить, обидеть или похвалить и т. д., используя пословицу как косвенный речевой акт.

В то время как семантика ориентирована на изучение референции языковых знаков и знаковых конструкций (т. е. их связи с внешним миром) и на отражение этой связи в сознании (денотативный аспект), прагматика занимается исследованием особенностей использования языка с учетом интенции говорящего и различных факторов речевого общения. Ее привлекают личностные, социальные и этнокультурные факторы, отношения между коммуникантами, их намерения, оценки жизненных ситуаций, особенности их речевых вкладов, эмоционально-экспрессивные составляющие смысла слов, речевых актов и дискурсов, воздействие времени и места на построение высказываний и другие обстоятельства [2, 88–89]. Любое речевое общение предполагает наличие говорящего и адресата, обменивающихся информацией по той или иной теме. Предмет сообщения составляет некое событие, отображаемое в сознании коммуникантов. Передача сообщений осуществляется ими осознанно и целенаправленно, с учетом адресата, конкретной ситуации общения и правил, принятых в данной этнокультуре и в данном социуме [2, 34]. Передача сообщений осуществляется с помощью речевых актов, одни из которых являются прямыми, другие – косвенными. Косвенные речевые акты используются говорящим исходя из прагматических соображений, поскольку он не всегда может предугадать, каким образом адресат отреагирует на ту или иную обращенную к нему информацию. С этой целью говорящий часто прибегает к помощи

намеков, скрывая при этом свои истинные намерения и оставаясь на позиции человека, ничего обидного или предосудительного не сказавшего. В этом смысле пословица тоже является косвенным речевым актом. Например, вместо того чтобы прямо покритиковать адресата за то, что он плохо выполняет свою работу, говорящий лишь намекает ему на это с помощью пословицы – *Плохому танцору и штаны мешают*. О том, что человек безнадежен, говорящий может сказать: *«Горбатого могила исправит»*. Пересчитывая возвращаемые деньги, говорящий, чтобы не обидеть адресата недоверием, говорит: *«Деньги счет любят»*. Свое несогласие говорящий может с помощью пословицы смягчить, высказать не так резко: *«Это еще бабушка надвое сказала»*. Использованием пословицы говорящий как бы предотвращает негативную потенциальную реакцию адресата. Говорящий всегда может защитить свою позицию, аргументируя ее тем, что пословица – это народная мудрость, и он ее лишь цитирует (sagt ein Sprichwort; wie es im Volksmund heißt...; ein altes Wort sagt zwar ...; wie heißt doch der alte Spruch...?; ein chinesisches Sprichwort sagt...; wer eine Begründung braucht, kann eine sprichwörtliche haben; Bei den weisen Chinesen heißt es ja ... и др.). Анонимный характер пословиц и их цитатность – непосредственные составляющие прагматического потенциала пословиц.

Функционирование в дискурсе пословиц и их вариантов напрямую связано с интенцией говорящего. Пословицы используются как эффективное прагматическое средство воздействия. С их помощью говорящий может более выразительно дать совет, рекомендацию, высказать похвалу, добрые пожелания, боязнь, испуг, насмешку, обиду, огорчение, предупреждение, критическое отношение к объекту или участнику речевого действия и т. д. [3, 122]. Приведем несколько примеров интенционального использования пословиц:

- с целью убеждения адресата (*Gezwungene Ehe, des Herzens Wehe; Besser spät als nie; Stehen macht nicht klüger*);
- с целью осуждения прямого или косвенного адресата (*Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm; Sage mir, mit wem du umgehst*,

und ich sage dir, wer du bist; Der Fisch fängt am Kopfe an zu stinken; Fisch und Besuch stinken nach drei Tagen);

- с целью предупреждения адресата о возможной угрозе или неудаче (*Stille Wasser sind tief; Wer viel anfängt, beendet wenig*);

- с целью подбодрить (*Kommt Zeit, kommt Rat; Das Werk lobt den Meister*);

- в поучительных целях (*Wer will fahren, zieh' auch den Karren; Wer den Pfennig nicht ehrt, ist des Talers nicht wert*) и др.

В пословице информативен не столько сам текст, сколько её выбор и использование говорящим в дискурсе согласно той или иной прагматической установке. В следующей ситуации прагматическое предназначение пословицы – придать высказыванию убедительности: *Am nächsten Nachmittag war ich wieder in London. Ich warf meine karierte Mütze auf den Stuhl und sagte: «Jane, ich habe es mir anders überlegt. Deine Eltern gehen mich gar nichts an. Du kommst mit mir nach Deutschland und wartest, bis ich erwachsen bin». – «Aber deine Eltern», warf Jane ein. «**Wo ein Wille ist, ist auch ein Weg.** Ich werde ihnen ein Ultimatum stellen, sonst fahre ich einfach nicht nach Hause zurück» [4, 67]. С помощью пословицы «*Wo ein Wille ist, ist auch ein Weg*» Якоб пытается придать решительности своим словам, что он добьется от своих родителей (если родители Джейн против) согласия на дружбу с девушкой.*

Тот факт, что наиболее употребительные пословицы и их морализирующее значение известны большинству членов социума, позволяет коммуникантам осуществлять такую стратегию дискурса, как высказывание намеком и понимание догадкой:

*«Nun, du Heuochs», stieß der Lackierer abermals dem Kesselschmied die Faust in die Rippen, «wie heißt doch der alte Spruch: **Was man einer fremden Mutter Gutes tut –**,*

*– **ist der eigenen Mutter getan**», nickte der Kesselschmied.*

Und «Amen!» schloss der Lackierer [5, 254].

В этой ситуации один коммуникант цитирует начало пословицы, другой тут же её подхватывает и продолжает. В совместном пословичном речевом акте говорящий и адресат косвенно формулируют удовлетворение от того, что сделали доброе дело. То, что адресат

понимает значение пословицы, ее мораль, свидетельствует об идиоматичности пословицы.

Несмотря на типичную особенность пословицы – стабильность ее формы, говорящий может ее видоизменять. Эти индивидуальные отклонения от речевого стандарта функционируют без нарушения смысла высказывания: *Eine Katze fällt immer auf die Füße / Pfoten; Kleinvieh macht / gibt auch Mist; Liebe ist / macht blind; Geduld bringt Huld / Rosen; Wenn das Wörtchen «wenn» nicht wär', wär' mein Vater Millionär / ein Ratsherr; Viele / Sieben Köche verderben den Brei; Selbst / bald getan ist gut; Ein guter Freund ist mehr wert als hundert Verwandte / Bruder in der Ferne; Alte Spatzen fängt man nicht mit Spreu / mit Kleie; Es ist nicht alle Tage Sonntag / Abend; Butter verdirbt keine Kost / keinen Kohl* [6].

У некоторых пословиц со временем развиваются неполные варианты, которые становятся даже более употребительными, а иногда и совершенно вытесняют полную форму, например: *Wenn die Katze fort ist, tanzen die Mäuse* (опускается *auf dem Tisch*); *Dumm bleibt dumm* (опускается *da helfen keine Pillen*). Со временем отдельные элементы пословицы начинают использоваться в новых контекстах, приобретая известную самостоятельность. Благодаря такому использованию пословиц возникают новые устойчивые сочетания. Так, от пословицы «*Wenn man den Teufel an die Wand malt, kommt er*» образовался самостоятельный глагольный оборот «*den Teufel an die Wand malen*», который, в свою очередь, постепенно превратился в устойчивое словосочетание «*etw. an die Wand malen*» со значением «преувеличивать что-либо» [7, 766].

В современном использовании пословица в какой-то степени отражает инновационные процессы, происходящие в языке. Эти новшества связаны, в частности, с намеренным изменением говорящим первичного наименования, а также вторичного значения в пословице. В результате возникают антипословицы как пародии на известные пословицы с их ранее неоспоримыми истинами, сформулированными в качестве морали: *Morgenstund hat Gold im Mund / Morgenstund ist ungesund; Was lange währt, wird endlich gut / Was lange gärt, wird endlich Wut; Spare in der Zeit, so hast du in der Not / Spare jederzeit, dann hast du*

immer Not; Wie man sich bettet, so liegt man / Wie man sich füttert, so wiegt man [8]. Из этих примеров видно, что изменения в области первичного наименования пословицы вызывают трансформацию (искажение) ее вторичного значения (морали). Появляется новое высказывание (например, *Der Student geht so lange zur Mensa, bis er bricht*), семантически связанное и функционирующее на основе пословицы, искаженное вторичное значение которой возможно понять только при наличии знания исходного текста пословицы (в данном случае – *Der Krug geht so lange zum Brunnen, bis er bricht*). Вследствие намеренного нарушения говорящим референции узуальной пословицы за счет неожиданной трансформации ее вторичного значения создается прагматический фокус пародии: провокационное морализующее значение антипословицы смещается в другую денотативную плоскость, создавая тем самым прагматический эффект пародии (в приведенном примере реализуется намек на не очень хорошее качество еды в студенческих столовых).

Прагматическая цель таких пародий может быть разной в зависимости от ситуации, часто – чтобы создать у собеседников хорошее настроение, рассмешить его. При условии знания исходной пословицы это, как правило, удается. Знание узуальной пословицы смягчает остроту пародии и разоблачает интенцию говорящего. Тому, например, кто знает значение пословицы *Viele Köche verderben den Brei*, будет понятно и значение антипословицы *Viele Köche verderben die Köchin*, а в конкретной ситуации и ее интенциональность. В антипословице *Wo eine Pille ist, da ist auch ein Weg*, произошедшей от пословицы *Wo ein Wille ist, da ist auch ein Weg*, с помощью слова *Pille* реализуется намек на то, что беременности при желании можно избежать. Антипословица *Lügen haben schöne Beine*, образованная от пословицы *Lügen haben kurze Beine* в результате замены *kurze Beine* на *schöne Beine*, реализует намек на супружескую измену. Если к пословице *Gegensätze ziehen sich an* говорящим присоединяется ироничное *und dann aus*, то полученная антипословица косвенно поставит под сомнение нерушимость семейных уз. Антипословица, как видно из примеров, довольно однозначно ставит под сомнение мораль пословицы.

Очень активно антипословицы функционируют в рекламе: *Liebe kommt mit dem Wagen* (из автомобильной рекламы), ср. *Liebe kommt mit der Zeit*; или *Ohne Fleiß kein Reis* (из телевизионной рекламы риса), ср. *Ohne Fleiß kein Preis*. Остроумное использование пословиц и антипословиц в рекламе имеет целью представить новый продукт оригинальным образом, чтобы привлечь внимание клиента. Дуден зафиксировал даже по этому поводу новую пословицу – *Wer nicht will verderben, muss werben* (Sprichwort aus dem kaufmännischen Leben) [9, 481].

Нельзя однозначно сказать, почему многие пословицы тем или иным образом спародированы. Основанием для пародии, скорее всего, является предвкушение говорящим ожидаемого удовольствия от игры слов – «Die Sprichwörter leben in ewigem Krieg wie alle Regeln, die nicht der Untersuchungsgeist, sondern die Laune gibt» [9, 393]. Как вторичное значение пословиц (мораль), так и его трансформация (антимораль или пародия) тесно связаны с интенцией говорящего. Именно этот факт и предопределяет тот значительный прагматический потенциал, который заложен в пословицах и антипословицах. То, что мы понимаем под прагматическим потенциалом антипословиц, можно было бы выразить с помощью немецкого слова «frotzeln», обозначающего «над кем-то подтрунить, кого-либо поддразнить, подурочить, сделать двусмысленное замечание» (jemanden «aufziehen», ihn «anführen», so verspotten, dass er es nicht sofort spürt [9, 360]). Это наглядно можно продемонстрировать с помощью следующего дискурса (ситуация: на уроке биологии):

Und dann begann der Biologieunterricht. «Unseren Leitsatz bitte!»

Seitdem wir bei Studienrat Anton Vererbungslehre gehabt hatten, musste zu Anfang jeder Stunde einer den Leitsatz sagen: >Tu mit deiner Freundin nicht das, was du nicht willst, dass es ein anderer mit deiner Schwester tut.< Damit wir nicht unsere Biologiekenntnisse missbrauchten.

Ich sagte: «Tu mit deiner Schwester nicht das, was du nicht willst, dass ich's mit deiner Freundin tu.»

Das Licht ging aus. Auf der Leinwand erstrahlte das motorische Nervensystem. Nun würden vierundzwanzig Stunden vergehen, und morgen würde der Anton sagen: Was Sie da gestern gesagt haben,

das war eine Frechheit: Denn so lange brauchte er immer, oder er erzählte es wohl inzwischen seiner Frau oder im Lehrerzimmer. Das Licht ging wieder an: «Was Sie da eben gesagt haben, war eine Frechheit». Die Klasse staunte [4, 84].

С помощью антипословицы *Tu mit deiner Schwester nicht das, was du nicht willst, dass ich's mit deiner Freundin tu*, пародирующей пословицу *Was du nicht willst, das man dir tu, das füg auch keinem anderen zu*, ученик устроил учителю своего рода тест. В школе было известно, что учитель биологии не очень «сообразителен» и не сразу поймет подвох. Иногда о реакции учителя на скрытые издевки учащиеся узнавали лишь на следующий день, после того, как он советовался дома с женой или с коллегами в учительской. Но на этот раз намек учащегося, выраженный с помощью антипословицы, был сразу понят адекватно, о чем свидетельствовала вербальная реакция учителя: *Was Sie da eben gesagt haben, war eine Frechheit*. Учитель расценил искаженную учащимся мораль пословицы как непристойность.

Именно мораль становится объектом пародии в антипословицах. В связи с этим лингвистический статус антипословицы мы видим в следующем: антипословица – это косвенный речевой акт с имплицитным морализующим значением пословицы и эксплицитным пародирующим мораль значением, возникающим вследствие индивидуальной трансформации узуальной пословицы говорящим. Пародирующее значение формируется в соответствии с интенцией говорящего, приспособляющего трансформируемый им узуальный вариант пословицы к своим коммуникативным целям. Используя антипословицу в своих прагматических целях, говорящий воспроизводит на коммуникативном уровне новый текст (текст-пародию), адекватное восприятие которого возможно лишь при условии знания узуальной пословицы. В связи с этим мы считаем очень важным целенаправленное обучение студентов факультетов иностранных языков таким прагматическим средствам дискурса, как пословицы и антипословицы, в плане подготовки к межкультурному общению.

Литература

1. Колоцей, С. Н. Французские пословицы: семантика, структура, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / С. Н. Колоцей. – Минск : МГПИИЯ, 1988. – 18 с.
2. Сусов, И. П. Введение в языкознание : учеб. для студентов лингвистических и филологических специальностей / И. П. Сусов. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 379 с.
3. Рапопорт, Н. В. Пословицы и поговорки в обучении иностранным языкам / Н. В. Рапопорт // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания языков в вузе : материалы Междунар. науч.-метод. конф. памяти М. П. Петрова, Уфа, 16–18 окт. 2008 г. / Башкир. ГАУ ; редкол.: О. Н. Новикова [и др.]. – Уфа, 2008. – С. 121–123
4. Spoerl, A. Memoiren eines mittelmäßigen Schülers / A. Spoerl. – München : R. Piper und Co. Verlag, 1977. – 223 s.
5. Grunow, R. Gegenüber wartet jemand / R. Grunow. – Berlin : Evangelische Verlagsanstalt, 1970. – 308 s.
6. Байер, Х. Немецкие пословицы и поговорки : сборник / Х. Байер, А. Байер. – М. : Высшая школа, 1989. – 392 с.
7. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage / Duden. – Band 11. – Mannheim : Bibliografisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2007. – 955 s.
8. Gossler, Erika G. Besser arm dran als Bein ab. Anti-Sprichwörter und ihresgleichen / Erika G. Gossler. – Wien : Edition Praesens, Verlag für Literatur und Sprachwissenschaft, 2005. – 135 s.
9. Duden. Zitate und Sprichwörter von A–Z. – Gütersloh : Bertelsmann Lexikonverlag, 1978. – 544 s.

М. В. Шуцяк

АСАБЛІВАСЦІ ФУНКЦЫЯНАВАННЯ ЗАПАЗЫЧАНЫХ ГЕРМАНІЗМАЎ У ТВОРАХ БЕЛАРУСКАЙ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Значэнне слова прадстаўляе сабой комплексную велічыню. Яго семантыка можа ўключаць не толькі паняццёвыя, катэгарыяльны і стылістычныя аспекты, але і эмацыянальна-ацэначны кампанент, які адлюстроўвае адносіны носьбітаў мовы да таго ці іншага прадмета ці з’явы рэчаіснасці. Такім чынам, у значэнні слоў разам з паняццёвым ядром існуюць элементы эмацыянальнага характару (канатацыі),

якія выступаюць не як непасрэднае праяўленне пачуцця, а як свядомае паведамленне аб гэтым пачуцці.

Існуе мноства дэфініцый і класіфікацый паняцця «канатацыя». Не выпадкова В.Тэлія лічыць, што яно з'яўляецца дыфузным паняццем. На яе думку, «канатацыя – семантычная істотнасць, якая аказіянальна ці узуальна ўваходзіць у семантыку моўных адзінак і выражае эматыўна-ацэначныя і стылістычна маркіраваныя адносіны суб'екта маўлення да рэчаіснасці пры яе абазначэнні ў выказванні, якое атрымлівае на аснове гэтай інфармацыі экспрэсіўны эффект» [1, 5].

Асноўная функцыя канатацыі – уздзеянне на адрасата, якое дасягаецца шляхам паведамлення суб'екта аб некаторай значнасці для адрасанта таго элемента рэчаіснасці, аб якім ідзе гаворка. Адначасова сродкі, якія змяшчаюць канатацыю, характарызуюць, з аднаго боку, прадмет маўлення, а з іншага боку – самога адрасанта, бо яны як бы ўказваюць на яго сістэму каштоўнасцей [1,31]. Гэтыя функцыі маюць важнае значэнне для стварэння мастацкіх вобразаў, таму моўныя адзінкі з канатацыйным кампанентам (сярод іх і запазычанні) адыгрываюць адметную ролю ў літаратурных творах.

Як паказвае аналіз, тэксты твораў беларускай мастацкай літаратуры, прысвечаных Вялікай Айчыннай вайне, не змяшчаюць германізмаў, якія б можна было прызнаць поўнаасцю нейтральнымі. Частка нямецкамоўных слоў утрымлівае экспрэсіўна-ацэначны кампанент ужо з мовы-крыніцы. Напрыклад, лаянкавая лексіка ці словы, якія маюць станоўчую афарбоўку (*gut – добра, lieber – дарагі*). Семантычнае прызначэнне такой лексікі заключаецца не толькі ў назве рэфэрэнта, але і ў адначасовай выразнасці эмацыянальных адносін да яго з боку адрасанта (станоўчых ці адмоўных), выразнасці экспрэсіўных і ацэначных адценняў [2, 82].

Частка германізмаў, ужытых у даследаваных намі творах, у нямецкай мове з'яўляецца нейтральнай (*Frau – жанчына, жонка, Bauer – селянін, Stube – пакой* [3]), аднак трапляючы ў кантэкст беларускіх мастацкіх твораў, такія нейтральныя лексемы, таксама як і словы з зыходнай станоўчай афарбоўкай, набываюць пэўную негатыўную экспрэсію. Што ж да нейтральных адзінак, то гэтыя тлумачыцца іх «гіпермаркіраванасцю», наяўнасцю ў іх разнастайных

ярлыкоў-маркераў [4, 55], якія па-рознаму праяўляюцца ў залежнасці ад кантэксту.

Адзінкі ж, якія маюць ў нямецкай мове станоўчую афарбоўку, у беларускай мове спазнаюць рэверсію – змену канатацыі на процілеглую, што дазваляе пісьменніку яскрава выразіць свае эмоцыі ці эмоцыі персанажаў, даць ацэнку падзеям і героям твораў, ахарактарызаваць іх, узмацніць выразнасць думак і пачуццяў [5, 21–22]: «Збіт твой нос, як сліва, І твае кагорты Даюць **«махендрал»** [К-с II, с. 333]. Дзеяслоў *taschen* (рабіць) у нямецкай мове нейтральны. «**Найлепшы камарад**» зайшоўся сытым смехам» [Бр. I, с. 92]. Слова *камарад* (таварыш, сябар) у нямецкай мове выражае станоўчую ацэнку, але кантэкст мастацкага твора насычае яго адценнем зневажальнасці, змяняе ацэнку на адмоўную.

Германізмы, ужытыя ў творах беларускай мастацкай літаратуры, могуць удакладняцца наступнымі беларускамоўнымі адзінкамі, якія надаюць запазычанням пэўныя экспрэсіўныя адценні:

- азначэннямі-прыдаткамі: «*І дарогі перахватвалі, і свае каравулы выстаўлялі, і пасылалі карныя экспедыцыі, і падсылалі сваіх **паліцаяў-шпіёнаў**, навярбованых з розных людскіх падонкаў, дынішто іх не выратоўвала» [К-с V, с. 453]; «**Няхай жа гад-фюрэр** крываваы, **Кат Гітлер** запіша сабе: Здабудзе ён толькі той славы, Што знойдзе асіну сабе» [К-с VII, с. 193]; «**Чатырох палонных, што працавалі на складзе, таўсцюх фельдфебель** называў то «апосталамі», то «мужамі галілейскімі» [Бр. I, с. 99];*

- адасабленнямі: «**Загадзя, потайкам дамовіўся ён з адным паліцаям, даверанаю гестапаўскаю падлюгаю**» [К-с V, с. 463]; «**Было іх не дужа багата: Якісь лейтэнант, капітан Ды обер** адзін **вуграваты, Тыповы фашысцкі чурбан**» [К-с VII, с. 267]; «**На савецкі зрок пражоры Косіць звер – Майстар «расавых тэорый», Фюрэр гер**» [К-с II, с. 342]; «**А “гер інжэнер”, верны слуга сваіх гаспадароў, усміхаўся**» [Бр. I, с. 117];

- эпітэтамі: «**Гнусны вобраз паліцая** паўстаў зараз перад **Петрыкам**» [К-с V, с. 463]; «**Выкінуць псіну і людажэрца, Прасмердлага фюрэра вон**» [К-с II, с. 246]; «**Свіныя вочкі паліцая** забегалі, як мышкі» [К-с V, с. 465]; «**Зайшлі не туды вы: І самі падохнеце хутка І фюрэр**

паршывы» [К-с VII, с. 261]; *«Зірнуў на дучэ фюрэр цёрты I апускае зрок уніз, Як злодзей выкрыты, прыпёрты, Смяецца, нібы і не ліс»* [К-с II, с. 385]; *«А можа, не ўдалося ёй украсці хлеба: заўважылі – ці скупая, крыклівая фраў, ці сам пануры, з вялікай, як цэбар, люлькай «гросбаўэр» – прускі кулак»* [Бр. I, с. 118];

- метафарамі: *«Выкінуць псіну і людажэрца, Прасмердлага фюрэра вон»* [К-с II, с. 246]; *«Зірнуў на дучэ фюрэр цёрты I апускае зрок уніз, Як злодзей выкрыты, прыпёрты, Смяецца, нібы і не ліс»* [К-с II, с. 385]; *«Знай: фюрэр твой – пустаіш і тлень»* [К-с II, с. 349]; *«На дучэ фюрэр глянуў зверам I загарэўся, як піон»* [К-с II, с. 385]; *«Няхай ён, лёс і фюрэра і дучэ, Падпальшычкаў вайны налучыць не мінуца»* [К-с II, с. 368]; *«Перад пачаткам блакады нейкі тройчы ардэнаносны франтавік яшчэ загадзя, напярэдадні падскочыў на матацыкле да той «фарфлюхтэр флюс», з намерам паглядзець, чаго тут і каго тут так баяцца тылавая пацукі, адкормленныя зондэрфюрэры і розны неарыйскі паліцэйскі зброд»* [Бр. I, с. 383];

- параўнаньнямі: *«Свіныя вочкі паліцая забегалі, як мышкі»* [К-с V, с. 465]; *«Зірнуў на дучэ фюрэр цёрты I апускае зрок уніз, Як злодзей выкрыты, прыпёрты, Смяецца, нібы і не ліс»* [К-с II, с. 385]; *«Ганю фельдмаршала, як клячу»* [К-с II, с. 386]; *«На дучэ фюрэр глянуў зверам I загарэўся, як піон»* [К-с II, с. 385]; *«Ён нажорся, як чоп, гэты рабочы гітлераў бугай, і з сабой прынёс бутэрброд, які доўга і даўка чвакаў, лежачы на спіне...»* [Бр. I, с. 78];

- гіпербалай: *«Капаючы бульбу, мы старанна раўняліся ў рад, ніхто не вытыркаўся, нават хоць бы на нос наперад, як ні стараліся нас падзадорыць на гэта брахлівыя, наіўныя батрачкі, як ні крычалі аканом ці вахман вечнае «польнішэс швайн!..»* [Бр. I, с. 78–79]; *«Ён мог гадзінамі бубніць пра ўсе падзеі свайго дня, пра кожны кавалак яды, пра кожны крок сваіх баўэраў...»* [Бр. I, с. 79]; *«Душаць нас граніцы, Трэба нам прасторы. Я – ваш бог, я – фюрэр»* [К-с II, с. 391];

- грубай лексікай: *«З двара паказалася вусатае мурло фельдфебеля»* [Бр. I, с. 102]; *«Зайшлі не туды вы: I самі падохнеце хутка I фюрэр паршывы»* [К-с VII, 261];

- антыгэзай: *«На службу карычневай гнілі Яго гнаў і фон-абармот»* [К-с VII, с. 277]; *«[...] і хвастаць мазольнымі кулакамі*

на *фельдфебельскім* мурле, і гладзіць любы твар Ружэ [...]» [Бр. I, с. 104].

Большасць такіх слоў, якія выкарыстоўваюцца ў спалучэнні з германізмамі, маюць негатыўны эмацыянальна-ацэначны кампанент як частку сваёй семантыкі (*гад, абармот, мурло* і г. д.) ці атрымліваюць яго ў выніку ўжывання з пераносным значэннем (*тыповы фашысцкі чурбан, глянуў зверам, свіныя вочкі*). Яны канкрэтызуюць, дапаўняюць, мадыфікуюць значэнне апошніх, утвараюць адзінае семантычнае цэлае, разам выражаюць адно паняцце, і іншамоўная лексіка ў такіх спалучэннях становіцца важным сродкам выражэння адмоўных эмоцый, перадае боль, страх, абурэнне, нянавісьць да ворагаў ці, наадварот, – іронію, упэўненасць у перамозе. Тыя ж эмоцыі кантэкст выклікае і ў чытача, які спачувае яго героям. Адначасова даецца адмоўная ацэнка ворагаў і здраднікаў, падкрэсліваецца іх бесчалавечнасць, бязлітаснасць, а таксама слабасць і баязлівасць.

На пачатковым этапе запазычанне ў сістэме мовы часцей за ўсё мае адно значэнне, бо звычайна запазычваюцца адназначныя словы (напрыклад, тэрміны) альбо адбываецца звужэнне семантычай структуры іншамоўнага слова да аднаго значэння, радзей, як сведчаць даследчыкі, запазычваюцца словы з мнагазначнай семантыкай. Але затым семантычны аб'ём гэтых слоў змяняецца: запазычанне можа звужаць, пашыраць ці пераасэнсоўваць сваё значэнне [6]. Падобныя змены ў семантыцы іншамоўных слоў можна назіраць і ў мове твораў мастацкай літаратуры.

Германізмы, ужытыя ў мастацкіх творах, могуць спазнаваць звужэнне свайго першаснага значэння. Напрыклад, слова *Führer* у нямецкай мове можа азначаць: 1) правадыр; кіраўнік; 2) вагонаважаты, шафёр; 3) праваднік; 4) даведнік [3]. У беларускай мове слова *фюрэр* выкарыстоўваецца толькі для ідэнтыфікацыі ваенна-фашысцкіх кіраўнікоў і ў першую чаргу Гітлера: «*Няхай жа гад-фюрэр крываваы, Кат-Гітлер запіша сабе: Здабудзе ён толькі той славы, Што знойдзе асіну сабе*» [К-с I, с. 193]; «*Як быццам толькі для таго, каб далажыць сваім фюрэрам пра яшчэ адзін бяспланавы закончаны адпачынак*» [Бр. III, 425]; «*Ён ужо трэці год выконвае за светам волю сваіх шматлікіх фюрэраў, з адным, найбольшым, у недасягальнай вышыні*»

[Бр. I, 411]; «*Што ж да магчымай адказнасці, калі ўжо маўчаць пра чалавечае сумленне, – на гэта ёсць начальства, **фюрэры***» [Бр. I, 411]. Слова *Reich* мае ў нямецкай мове значэнні «дзяржава» і «імперыя» [13], у беларускай мове яно абазначае выключна гітлераўскую Германію: «*Ды інтарэсы юнкера – інтарэсы «вялікага **Райху***» [Бр I, с. 85]. У падобных выпадках пісьменнікі выкарыстоўваюць словы, уласцівыя носбітам іншай мовы, для абазначэння рэалій іх жыцця, стварэння сітуацыйнай дакладнасці, дакументальнасці [7, 51–52]. Паколькі гэтыя словы звязаны з фашысцкай тэматыкай і ідэалогіяй, яны развілі і негатыўны экспрэсіўна-ацэначны кампанент у сваёй семантыцы. У творах гэтыя словы маюць выразныя пэяратыўныя канатацыі.

Для некаторых адзінак характэрна частковая мадыфікацыя значэння, змяненне іх дэнататыўнага кампанента. Гэта адбываецца ў мастацкіх тэкстах, калі нямецкія словы ўжываюцца ў мове палонных беларусаў. Так, словы *штуба*, *вахман*, *арбайтскаманда*, *гросбаўэр*, *фраў* у творах беларускай літаратуры называюць з’явы выключна чужой рэчаіснасці і абазначаюць іх так, як яны замацаваліся ў свядомасці фашысцкіх ахвяр. Як адзначае П. Сцяцко, даследуючы раман «Птушкі і гнёзды», для палонных *штуба* – гэта не проста пакой, «а частка лагернага кутка з надта знаёмай ім атмасферай» [8, 227]. *Баўэр* – гэта толькі нямецкі селянін, *фраў* – выключна нямецкая жанчына, такія, якімі іх запамнілі палонныя пад час вайны, з уласцівымі ім якасцямі: скупасцю, крыклінасцю, панурасцю, недалёкасцю, фанабэрыстасцю: «*А можна, не ўдалося ёй украсці хлеба: заўважылі – ці скупая, крыклівая **фраў**, ці сам пануры, з вялікай, як цэбар, люлькай “гросбаўэр” – прускі кулак*» [Бр. I, с. 118]. Наступны прыклад асабліва выразна паказвае, што нельга беларускую жанчыну назваць *фраў*: «*Спадар зондэрфюрэр кажа, што **фраў**... што жонку сваю вы можаце забраць*» [Бр. I, с. 278]. Таксама і словы *вахман* і *арбайтскаманда* называюць рэаліі жыцця палонных менавіта на чужбіне. *Вахман* – гэта не проста вартавы, а надзіральнік, які абыходзіцца з палоннымі як з нявольнікамі, распараджаецца іх жыццём, а *арбайтскаманда* абазначае не проста спецыяльна выдзеленую групу рабочых, а менавіта групу палонных, што вымушаны выконваць любую цяжкую работу: «*Палонныя, што працавалі*

на *арбайтскамандах*, атрымлівалі па трыццаць марак у месяці [...]» [Бр. I, с. 97]. Такім чынам, адбываецца мадыфікацыя дэнататыўнага кампанента германізмаў і адначасовае развіццё ў іх негатыўнай канатацыі. Ужыванне такіх адзінак дазваляе праўдзіва адлюстраваць падзеі, перадаць атмасферу тых часоў.

Словы, якія называюць ваенныя чыны, могуць ужывацца беларускімі пісьменнікамі метанімічна са значэннем *салдаты, захопнікі*: «Не выйдзе з замкнёнага круга нямецкі *капрал*» [К-с II, с. 210]; «Дзе толькі не пройдзе *фельдфебель*, Там чорныя пусткі ляжаць» [К-с II, с. 348]; «Ды інтарэсы *юнкера* – інтарэсы «вялікага Райху» [Бр. I, с. 85]; Усякае начальства – скажам, аканом ці той *обер-лейтнант* – лепш ведае, чаго хоча *фюрэр*, і яму, радавому Кумбіру, застаецца адно – паслухмяна выконваць» [Бр. I, с. 90]; «Ваенныя злачынцы – *зондэрфюрэры* і іх мясцовыя прыслужнікі, некалькі ваўкаватых або размяклых на гніль эсэсаўцаў («Гітлер капут!»), крымінальнікі, чалавек з пяцьдзсят» [Бр. III, с. 501].

Спецыфічнай з’яўляецца семантыка слова *паліцай*, бо ў нямецкай мове яно абазначае арганізацыю і не мае значэння асобы, у той час як у беларускай мове гэты германізм пераасэнсоўваецца на народнай аснове і ўжываецца як назва тых, хто служыў у нямецка-фашысцкай паліцыі [9, с. 189]: «Каб не давалі есці байцам. Каб выдавалі іх *паліцаям*» [Бр. I, с. 273]; «Насустрач *паліцаям* стаіць адзін Міша» [Бр. III, с. 142]. «І з лагера збег ён, і зброю У фрыца здабыць абяцае, І з намі даўно ўсёй душою, Не зносіць ніяк *паліцая*» [К-с VII, с. 331].

Асобны выпадак уяўляюць словы, якія маюць дыфузнае значэнне, з’яўляючыся полісемантычнымі. Гэта пераважна нямецкія прыметнікі, якія абазначаюць эмацыйныя праяўленні. Як адзначае Д. Кananенка, «часцей за ўсё яны выступаюць у якасці эмацыянальнага выклічніка» і могуць перадаваць не толькі «адмоўныя адносіны да фактаў рэчаіснасці – гнеў, пратэст, незадавальненне, іронію, спалох, а і станоўчыя – захапленне, задаволеннасць» [7, 51–53]. Так, слова *капут* запазычвае з нямецкага арыгінала ядзернае значэнне – *разбіты, зламаны, сапсаваны*, якое ўдакладняецца кантэкстам і набывае дадатковы эмацыянальны кампанент: «Сёння *Пиэрва* быў трошкі *капут!*...» [Бр. I, с. 90]. Тут слова *капут* абазначае *нездаровы, разбіты*

і мае іранічную афарбоўку. «*Ды будуць і тут ім падэрвы, Усе залапочуць: **канут!***» [К-с VII, с. 386]. У гэтым кантэксце семантыка адзінкі блізкая да значэння слова *бяда*, а канатацыйны кампанент выражае гнеў і абурэнне. «*І ўраз выхаліў дзед швайку, – Вось суну пад рэбры – **канут!***» [К-с VII, с. 279]. У гэтым кантэксце германізм ужыты са значэннем *смерць, канец*, а яго кантэкстуальная эмацыянальная афарбоўка памацняе іронію. Эмоцыі персанажаў, што перадаюцца падобнымі выразамі, могуць і больш адназначна падкрэслівацца кантэкстам: – **Канут!** – з *роспаччу* ў *голесе прамовіў Хрулька і безнадзейна махнуў рукой. // – Гут, гут! – пахваліў Петрыка обер-лейтэнант* [К-с V, с. 464–465]. У першым прыкладзе германізм перадае распач і безнадзейнасць, у другім – задавальненне.

Падобную ролю выконвае ў творах і нямецкая лаянкавая лексіка: дэнататыўны кампанент у ёй невыразны, на першы план у такіх адзінках выходзіць негатыўная эмацыянальная афарбоўка, якая ў такіх словах захоўваецца незалежна ад кантэксту: *польнішэс швайн* (*польская свіння*), *цум тойфэль!* (*к чорту!*), *о доннэрветар!* (*чорт пабяры!*), *фарфлюхтэр флюс* (*праклятая рака*), *scheissegal* (*напляваць*). Як падкрэсліваюць Д. Кананенка [7], Н. Пятрова [10], Ю. Сцепанчук [5], такія адзінкі ўжываюцца ў якасці сродкаў моўнай характарыстыкі герояў з адмоўнай ацэнкай, выкарыстоўваюцца ў мове персанажаў з мэтай іх індывідуальнай і сацыяльнай характарыстыкі, а ў мове расказчыка яны характэрныя асяроддзе. Персанажы, якія ўжываюць падобныя словы, большасць якіх з’яўляецца эмацыянальна-экспрэсіўнымі назвамі асобы паводле фізічных ці духоўных асаблівасцяў, выкрываюць такім чынам сваю нікчэмнасць і становяцца антыгероямі [7, 51–53]: «*Капаючы бульбу, мы старанна раўняліся ў рад, ніхто не вытыркаўся, нават хоць бы на нос наперад, як ні стараліся нас падзадорыць на гэта брахлівыя, найўныя батрачкі, як ні крычалі аканом ці вахман вечнае «**польнішэс швайн!**..»* [Бр I, с. 78–79]. «*Фельдфебель Элер, дзябёлы вусач, загадчык лагернага склада вопраткі і абутку, стаяў перад глухою брамкай у казарменным плоце і лаяўся. – **О доннэрветар!** – трубіў ён. – Дык гэта ж, мае апосталы, свінства!*» [Бр. I, с. 96]. «*Сярожа шысан, гут?*» – падаў вышэй яго просьбу, надзею, нясмелую радасць спадар камендант. –

«*Scheissegal*» [Бр. I, с. 413]. Нямецкая лаянкавая лексіка сустракаецца пераважна ў мове фашыстаў і служыць для стварэння абагульненага партрэта фашысцкіх захопнікаў. Адначасова падобныя іншамоўныя зніжаныя лексічныя адзінкі выконваюць ролю эўфемізмаў, дазваляючы пісьменнікам не парушаць моўнага этыкету.

Германізмы, выкарыстаныя ў творах мастацкай літаратуры, могуць не змяняць свайго асноўнага значэння, але яны, як правіла, адрозніваюцца тым не менш ад беларускіх адпаведнікаў канатацыйнымі кампанентам і ўжываюцца ў творы як стылістычныя дублеты: у адрозненне ад беларускамоўных эквівалентаў яны маюць пэярэтыўную афарбоўку і дапамагаюць аўтару перадаць здзек, насмешку, іронію [11, 138]. Напрыклад: «*Даў Гітлер яму падвышэнне: Гер Зюмель цяпер – капітан, За кожны ухіл, парушэнне Здзірае апошні капітан. Фон Зюмель шрайбуе загады, Фон Зюмель засноўвае лад*» [К-с VII, с. 158]. Германізм *шрайбуе*, які нездарма ўжыты замест беларускага *піша*, нясе дадатковае значэнне – перадае нямецкую стараннасць, якая тут служыць нядобрым намерам, а афармленне чужога слова беларускімі марфэмамі стварае эфект горкай іроніі.

Негатыўная экспрэсія характэрна для ўсіх запазычаных з нямецкай мовы адзінак, звязаных з ваенна-фашысцкай тэматыкай: *гітлераўцы; хайль, Гітлер!, гітлерюгенд, зондэрфюрэр, штрафкампані, гэндэ гох!* У гэтым выпадку мае месца факталагічная экспрэсіўнасць, якая з'яўляецца вынікам узаемаадносін «тэкст – аб'ектыўная рэчаіснасць», фарміруецца пад уздзеяннем экстралінгвістычных фактараў [12, 17–19]. Такія словы незалежна ад кантэксту маюць экспрэсіўна-эмацыянальны кампанент як частку сваёй семантыкі. Яны выклікаюць у чытача пэўныя негатыўныя асацыяцыі і афарбоўваюць увесь кантэкст, ствараючы атмасферу жорсткасці і бесчалавечнасці. Напрыклад: «*За імі ў густой перадвячэрняй імгле вырысоўваецца некалькі рухомах сілуэтаў, і адтуль упершыню даходзіць да маёй свядомасці крык: «Гэндэ гох!»*» [Бр. I, с. 109]. З іншага боку, кантэкст канкрэтызуе і памацняе негатыўную канатацыю: «*Сыноч аканома, нагала стрыжаны шчанюк у форме гітлерюгенда, нёс яго [аўтамат] на баявым узводзе, з пальцам на спуску*» [Бр. I, с. 77]. Памяншальны суфікс назоўніка *сыноч* разам

з метафарай *шчанюк* перадаюць адмоўную ацэнку, пагарду адрасанта да фашысцкага салдата, і ўвесь кантэкст памацняе негатыўна-ацэначны кампанент экзатызма *гітлерюгенд*.

Як адзначае В. Тэлія, адным са спосабаў стварэння канатацыі з'яўляецца гукасімвалізм, які «супастаўляе» абазначаемае з незвычайным выражэннем і тым самым выдзяляе прыкмету, якая прыдае эмпатычнасць выказванню. Напрыклад, *абракадабра* [1, 29]. На нашу думку, гэта мае месца і пры ўжыванні запазычанняў, калі іх фармальна абалонка з'яўляецца невядомай, новай, незвычайнай ці нават незразумелай для адрасата, што стымулюе паяўленне ў пэўным кантэксце той ці іншай экспрэсіўнай афарбоўкі. Нярэдка аўтары даследаваных твораў мэтанакіравана выкарыстоўваюць германізмы, каб у першую чаргу падкрэсліць гучанне нямецкай мовы, у той час як значэнне лексічных адзінак адыходзіць на другі план. У цэнтры ўвагі чытача аказваецца гукавая абалонка выразу: «*На, майн лібэр, іст шон ды захэ эрледыкт?*» [Бр. III, с. 444]. «*Der Hund ist noch ganz jung und dumm*» [Бр. I, с. 412]. «*Ляціць грузавая Наўзбоч пад адко Загаўкалі гады, Крычаць: – Was ist los?*» [К-с II, с. 207]. Асабліва відавочнай становіцца роля нязвыклата гучання слоў у наступным кантэксце, дзе амаль палова слоў з'яўляецца скажоннымі беларускімі лексэмамі, вымаўленымі на нямецкі лад: «*Галлэ! Галлэ! Столёвіціэ! Столёвіціэ цум тойфэль! Гір Шуховіціэ! Шу-хо-ві-ціэ! Гайль Гітлер! Яволь!..*» [Бр. III, с. 442]. Такія кантамінаваныя беларуска-нямецкія ўкрапванні служаць сродкам стварэння камічнага эфекту. Таксама ў кантэксце «*Выгукваюць «хайль» яму, «гох»* [К-с VII, с. 276] аўтар падкрэслівае важнасць не значэнняў, а спецыфіку «выгуквання» слоў. А ў кантэксце «*Забегалі каты: – Гер-гер!*» [К-с VII, с. 269] наогул выкарыстоўваецца гукапераймальнае слова, якое перадае толькі спецыфіку гучання нямецкага маўлення, тое, як яе ўспрымалі простыя людзі, што не ведалі нямецкай мовы. Так ці інакш, гучанне ўсіх неадаптаваных германізмаў, дзякуючы сваёй навізне і частковай незразумеласці для рэцыпіента, мае важнае значэнне для стварэння негатыўнай канатацыі. Яны дапамагаюць аўтару правесці ўмоўную мяжу паміж «сваёй», роднай, і «чужой», незнаёмай, непрыемнай рэальнасцю, паміж акупантамі і іх ахвярамі, кантрастна адлюстравачы іх светапогляд і жыццёвы лад, даць адмоўную ацэнку паводзінам і ўчынкам фашыстаў.

Акрамя таго, як падкрэсліваў П. Сцяцко [8], ужыванне германізмаў службыць сігналам, што гаворка вядзецца на нямецкай мове, і спецыфіка іх гучання выконвае сваю функцыю таксама і тут: «Тут жыве мой добры камарад Гросман. Хальт!» [Бр. I, с. 92]. «О доннэрветар! – трубіў ён. – Дык гэта ж, мае апосталы, свінства!» [Бр. I, с. 96].

Такім чынам, менавіта ў кантэксце адбываецца развіццё канатацыі ў запазычаных адзінках. Характэрным для нямецкамоўных слоў, ужытых у творах з ваеннай тэматыкай, з'яўляецца развіццё выключна пеяратаўнай канатацыі. Германізмы, ужытыя ў творах на ваенную тэматыку, выконваюць наступныя функцыі: служаць сігналам, што гаворка вядзецца на нямецкай мове; спрыяюць верагоднаму адлюстраванню атмасферы ваеннага часу, стварэнню дакументальнасці, сітуацыйнай дакладнасці; дапамагаюць аўтару моўнымі сродкамі стварыць партрэт фашысцкага захопніка, даць яму характарыстыку; называюць аб'екты выключна чужой рэчаіснасці, размяжоўваюць паняцці «сваё» / «чужое»; служаць сродкамі перадачы негатыўных эмоцый і ацэнак аўтара ці персанажаў.

Літаратура

1. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 142 с.
2. Красней, В. П. Сучасная беларуская мова: Лексікалогія. Фразеалогія / В. П. Красней, У. М. Лазоўскі, І. М. Шчарбакова. – Мінск : Універсітэцкае, 1984. – 175 с.
3. Нямецка-беларускі слоўнік / Л. В. Браноўская [і інш.] ; пад. агул. рэд. У. І. Марцінеўскага, П. В. Садоўскага. – 2-е выд., папр. і дап. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 2003. – 269 с.
4. Винокур, Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1980. – 237 с.
5. Сцепанчук, Ю. А. Лексіка іншамоўнага паходжання ў сучаснай беларускай паэзіі / Ю. А. Сцепанчук. – Мінск-Масква : Артфул, 2002. – 82 с.
6. Булыка, А. М. З моў блізкіх і далёкіх / А. М. Булыка. – Мінск : Народная асвета, 1986. – 72 с.
7. Кананенка, Д. Неасвоенныя словы нямецкага паходжання ў сучаснай беларускай прозе / Д. Кананенка // Роднае слова. – 2008. – № 1. – С. 51–53.
8. Сцяцко, П. У. Стылістычнае выкарыстанне германізмаў у рамане Я. Брыля «Птушкі і гнёзды» / П. У. Сцяцко // Мовазнаўчы досвед (выбраныя творы) : у 2 ч. – Гродна, 2005. – Ч. 1. – С. 378

9. Баханькоў, А. Я. Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд / А. Я. Баханькоў – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 231 с.

10. Пятрова, Н. Запозычаная лексіка ў мове твораў Міхася Зарэцкага / Н. Пятрова // Роднае слова. – 2008. – № 12. – С. 52–55

11. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 207с.

12. Маслова, В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста / В. А. Маслова. – Минск : Вышэйшая школа, 1997. – 156 с.

13. Брыль, Я. Збор твораў : у 5 т. / Я. Брыль. – Мінск : Маст. літ., 1979. – Т. 1. – 512 с.

14. Брыль, Я. Збор твораў : у 5 т. / Я. Брыль. – Мінск : Маст. літ., 1980. – Т. 3. – 528 с.

15. Колас, Я. Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск : Маст. літ., 1972. – Т. 2. – 568 с.

16. Колас, Я. Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск : Маст. літ., 1973. – Т. 5. – 640 с.

17. Колас, Я. Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск : Маст. літ., 1974. – Т. 7. – 456 с.

РАЗДЕЛ III

ЯЗЫК И ДИСКУРС : ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ж. В. Гриб

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ

Любой объект изучения, в том числе язык, лучше всего познается в сравнении. Сравнительное исследование эквивалентных языковых структур позволяет установить общее (изоморфическое) и индивидуальное (алломорфическое) в семантических полях различных языков при помощи типологического метода. Проведение подобных исследований необходимо для установления признаков, характеризующих лексические единицы любого языка, для типологии лексико-семантических систем по совокупности выделенных черт. Установление общего и дифференциального в языках позволяет увидеть, что преобладает – межъязыковое сходство или межъязыковое различие – и чем объясняется то и другое. Цель нашего исследования состоит в выявлении межъязыковых соответствий в номинативных системах русского, французского, английского и немецкого языков на основе различных языковых признаков, а также роль этих соответствий в лингводидактике.

Даже самые разные по своему происхождению и типологии языки содержат в себе общие явления. Они наблюдаются на всех уровнях, но особенно их много в лексике и словообразовании. Наибольшее количество общего мы находим, естественно, в родственных языках.

В последнее время в результате научно-технологического прогресса, социально-экономических и политических перемен, в также вследствие активного межкультурного взаимодействия происходит значительная языковая интернационализация общих

фактов в номинативной системе языков. Общие лексические явления в разных языках обычно прекрасно осознаются говорящими. Нагляднее всего общее обнаруживается в печатном тексте. В основном слова такого рода представляют собой интернационализмы. Почти не замечаются (если не акцентировать на этом внимание специально) совпадения и общие черты в словообразовательной структуре, внутренней форме слов, в переносных значениях и т. д.

Сходство индоевропейских языков проявляется в первую очередь в общих чертах словарного материала, в свойственном многим лексическим единицам изоморфном составе семантических долей и моделированной семантической деривации, в словообразовательной структуре и внутренней форме слов. Доля общего (или идентичного) в словах колеблется в пределах от полного тождества до совпадения в каком-либо одном признаке.

Рассмотрим несколько примеров коррелятивных групп, выделенных на основе различных языковых признаков: фонетического, семантического и словообразовательного. Мы не претендуем на определение всей последовательной цепочки, а остановимся только на фактах, имеющих дидактическое и практическое значение.

По **фонетическому** признаку мы выделяем следующие группы:

1. Слова, которые фонетически схожи. Такие лексические единицы наблюдаются в русском и других языках, пользующихся кириллицей. Сюда же относится очень большая категория слов, отличающихся друг от друга, в основном только графикой и фоникой (при полном «буквофонемном» совпадении). Ср.:

парк – *нем.* Park – *англ.* park

опера – *нем.* Opera – *фр.* opéra – *англ.* opera

витамин – *фр.* vitamine – *англ.* vitamin.

2. Слова-корреляты, абсолютно непохожие друг на друга; их объединяет в принципе одна лишь синонимичность (в том или ином – чаще всего в прямом номинативном – значении). Ср.:

вечер – *нем.* Abend – *фр.* soir – *англ.* evening

чужой – *нем.* Fremd – *фр.* étranger

много – *нем.* viel – *фр.* beaucoup – *англ.* many.

3. Группа разнозвучающих родственных слов, идущих из далекого прошлого, которые имеют иногда не только один и тот же корень, но и одинаковые аффиксы. Звуковое различие таких лексических единиц может быть разным – как небольшим, так и значительным. Степень осознаваемости носителем языка их исторического родства зависит от лингвистической компетентности и языкового чутья говорящего. Сюда можно отнести следующие слова:

брат – *нем.* Bruder – *англ.* brother

имя – *нем.* Name – *англ.* name – *фр.* nom

нос – *нем.* Nase – *англ.* nose – *фр.* nez.

Особую сложность представляет группа интернациональной лексики. Рассматривая процесс эволюции интернационализмов необходимо отметить, что путь от реального мира к понятию различен у носителей языка в связи с особенностями их уровня жизни и, соответственно, развития их общественного сознания.

По-настоящему системное и широкое изучение подобных межъязыковых соответствий началось с 1928 года, с работы М. Кесслера и Ж. Дерконьи на материале французско-английских и англо-французских параллелей. Ими же был введен термин – «*faux amis du traducteur*» («ложные друзья переводчика») – ныне стандартный, общепотребительный, и выделены два типа «ложных друзей переводчика»: 1) «*полностью* ложные» со сходной орфографией и расходящейся семантикой и 2) «*частично* ложные» со сходной орфографией и в основном с общей семантикой. Это последнее замечание об общности семантики принципиально значимо для нашего последующего анализа.

Л. П. Гикал вводит термин «квазиинтернациональная лексика». Компонент квази- означает «мнимый», «ненастоящий». В результате анализа *семантических* отношений, в которые вступают квазиинтернациональные слова при переводе, ею была предложена собственная схема отношений этих слов [1, 14–27]. Мы попытаемся проанализировать коннотативные характеристики некоторых квазиинтернациональных слов на материале русского, немецкого, английского и французского языков.

1. Несовпадения во всех значениях (*рус.* академик – действительный член академии [2, 27]; *англ.* academic – ученый, причем обычно преподающий в университете [3, 21]; *нем.* Akademiker – человек с высшим образованием, дипломированный специалист [4, 22].

2. Частичные несовпадения:

- ограничение или расширение объема понятия: *рус.* класс, *англ.* class, *фр.* classe имеют несколько общих значений: 1) общественный класс, 2) биологический класс; 3) разряд, категория; учебная комната, учащиеся; 4) разряд пассажирских, вагонов, кают и т. д. В русском языке это слово также обозначает предмет преподавания в некоторых специальных учебных заведениях (класс рояля, скрипки) [2, 322–323]; в английском и французском есть значение «призывной контингент, год призыва» [3, 123], [5, 172];

- однозначность – в русском языке, многозначность – в иностранных языках: *рус.* – паркет; *нем.* Parkett – 1) паркет; 2) театр. партер [4, 426]; *фр.* parquet – 1) прокуратура; 2) помещение прокуратуры; 3) место на бирже для маклеров; 4) паркет, паркетный пол [5, 649];

- однозначность – в иностранных языках, многозначность в русском языке: *рус.* аудитория; *нем.* Auditorium; *англ.* auditorium. В английском слово употребляется лишь для обозначения помещения, но не людей [3, 41]; в немецком, наоборот, «слушатели» [4, 48]. Лишь русский язык обладает двумя этими значениями [2, 83];

- несовпадения коннотаций: *рус.* конфуз – замешательство, смятение; неловкое, неприятное положение [2, 359]; *нем.* Konfusion, *фр.* confusion – замешательство, смятение [4, 336], [5, 192];

- расхождение реалий: *рус.* декада – десять дней [2, 203]; *англ.* decade – десять лет [3, 78].

Все выше изложенное подтверждает слова академика Н. М. Шанского, что «абсолютно идентичных межъязыковых коррелятов существовать не может и потому не существует; при всей своей близости и похожести даже идеографические синонимы всегда чем-либо, пусть немногим и малозаметным, все же отличаются друг от друга. В то же время даже, казалось бы, абсолютно непохожие слова разных языков обязательно – если они коррелятивны – содержат

в своем составе по крайней мере один (если не более) одинаковый признак» [6, 4].

Являясь единицей номинации, слово отражает логико-понятийное деление мира тем или иным народом. Называя даже самые общие для человечества понятия, люди далеко не всегда выделяют одну и ту же характеристику явления из всех возможных. Объем значений сходных слов в разных языках чаще всего не совпадает. Частичное совпадение, т.е. сходство значений, приводит к интерференции. Классическими в этом смысле являются примеры *die Hand, der Arm* (нем.); *hand, arm* (англ.) – рука (рус.); *der Bein, der Fuß* (нем.); *leg, foot* (англ.) – нога (рус.)

Наиболее распространены интерференционные сбои при выборе слова непосредственно из лексико-семантической группы: чем больше общих черт у сравниваемых единиц, тем сложнее оценить важность различающих их характеристик.

Несовпадения во всех значениях, частичные несовпадения значений слов в разных языках (ограничение или расширение объема понятия; однозначность – в русском языке, многозначность – в иностранных языках; однозначность – в иностранных языках, многозначность в русском языке; несовпадения коннотаций; расхождение реалий) могут стать причиной интерференционных ошибок при переводе интернациональной лексики.

Лексическая интерференция не возникает вне речевой деятельности. Для обоих коммуникантов это, прежде всего, анализ поиска слова (на этом этапе собственно и зарождается интерференция), а также выяснение операций, производимых билингом при ее порождении, т. е. интерференционных механизмов.

Отсутствие абсолютного тождества между квазиинтернациональными словами в большинстве случаев не является препятствием для взаимопонимания участников коммуникации. Коммуникативные погрешности, как правило, компенсируются ситуативным контекстом, историческим контекстом и соответствующими реакциями участников коммуникации.

На **словообразовательном** уровне следует обратить внимание на следующие группы слов:

1. Структурно близкие или одинаковые слова с общей семантикой составляющих их морфем. Такие лексические единицы появились на свет либо как самостоятельные параллельные образования, обусловленные едиными принципами номинации и словообразовательным инвентарем, либо как словообразовательные кальки. Сюда можно отнести:

земляника – *нем.* Erdbeere – *англ.* strawberry
работник – *нем.* Arbeiter – *англ.* worker
впечатление – *нем.* Eindruck – *фр.* impression.

2. Слова, различающиеся словоизменительными аффиксами, схожесть которых, однако, в письменном виде осознается каждым говорящим:

музей – *нем.* Museum – *фр.* musée – *англ.* museum
центр – *нем.* Zentrum – *фр.* centre – *англ.* center
футбол – *нем.* Fußball – *англ.* football.

Указанные выше факты мало используются в методике преподавания русского и иностранных языков. Между тем черты сходства и различия в номинативных системах языков могут не только помочь в совершенствовании преподавания русского и иностранных языков в целом, но и сформировать необходимую для гуманитарного образования лингвистическую компетенцию учащихся.

Рассмотрим возможности использования межъязыковых соответствий в методике преподавания русского и иностранных языков.

1. При обучении общим темам, имеющим прямое отношение к формированию языковой компетенции (от принципиальных проблем языкознания до конкретных лингвистических понятий), привлечение фактов иностранных языков будет носить прежде всего иллюстративный характер.

Например, учителю следует привести примеры, которые могут быть легко восприняты учащимися как исторически родственные и в древности близкие, даже идентичные в звуковом и смысловом отношении. Сейчас индоевропейские языки более других распространены по всем континентам Земли, хотя первоначально они

были сосредоточены в одном месте. Между всеми индоевропейскими языками обнаруживается типологическое сходство: все они принадлежат к типу флективных языков и обнаруживают общую материальную основу – общий корнеслов, общие аффиксы и регулярные фонетические соответствия звуков. Безусловно, наибольшее количество соответствий наблюдается в пределах одной группы. Например, английский и немецкий языки, входящие в состав германской группы, будут иметь больше соответствий в сравнении с французским языком, принадлежащим к романской группе:

воля – *нем.* Wille – *англ.* will – *фр.* volonté

сестра – *нем.* Schwester – *англ.* sister – *фр.* soeur

сын – *нем.* Sohn – *англ.* son

мать – *нем.* Mutter – *англ.* mother – *фр.* mère.

2. Знакомя учащихся с характером и степенью вклада других языков в лексику русского языка, нельзя обойтись (если мы хотим, чтобы учащиеся это действительно усвоили) без привлечения и объяснения значения иноязычных слов, разных по языку-источнику и сфере употребления. Следует обратить внимание на семантику иноязычных слов и их корни в составе производных слов. Необходимо показать различные виды иноязычных слов по признаку «сходство-различие», рассказать о лингвохронологических волнах заимствования, определить языковые рамки функционирования интернационализмов, остановиться на заимствованиях последних лет, дать характеристику изменения иноязычных слов в русском языке в разные периоды его развития, определить сферу их употребления и т. д. Естественно, что все это должно быть лингводидактически и психологически обоснованным, не быть ни трудным, ни лишним.

С помощью сравнения коррелятивных пар слов можно показать учащимся те сходства и различия, которые обнаруживаются в наименованиях одних и тех же предметов, явлений, действий, обратить их внимание на большую национально маркированную часть лексики при наличии в ней значительного количества интернационализмов. Это позволит в целом ряде случаев почувствовать большую, нежели в других языках, выразительность и красочность слова, разнообразие способов словопроизводства, точность составляющих

материальную основу слов, их внутреннюю форму. Ср. скатерть (*др.-рус.* столешник) – *нем.* Tischdecke, буквально «покрывало стола», *англ.* table-cloth буквально «ткань для стола»; суша – *нем.* Festland, буквально «твердая земля», *англ.* dry land «сухая земля» и т. д.

3. Обращаясь к фактам иностранного языка, преподаватель может эффективно и занимательно объяснить произношение, правописание и структуру слова, его первичное значение, «внутреннюю форму», показать, как и в связи с чем оно возникло, рассказать о его жизни в словесном обществе. Например, чтобы правильно написать в слове *рюкзак* букву *к*, достаточно вспомнить *нем.* Rucksack. Оно же позволит понять, почему мы вслед за немцами так называем сумку для вещей. Изучающие немецкий язык поймут, что это сложное слово, состоящее из слов Rück(en) «спина» и Sack «мешок», и, значит, рюкзак буквально – «мешок за спиной». Для правильного написания слова *ландшафт* необходимо вспомнить немецкое *Landschaft* с корнем *Land*, и написание непроверяемой гласной *a* в корне слова перестанет вызывать трудности. Например, существование во французском языке слова *speaker* – «диктор» объясняется заимствованием из английского языка. Это объясняет некоторые трудности в произношении данного слова во французском языке: произношение корня взято из английского языка, а суффикс читается на французский манер.

Таким образом, обращение к коррелятивным фактам соотносимых языков имеет большое образовательное и развивающее значение. Не меньшим является и воспитательное воздействие этих параллелей: они показывают специфические особенности речи в наборе слов, их сочетаемости, экспрессивно-эмоциональных оттенках, внутренней форме, связанной с избранным языковым видением объективного мира, в вербальном выражении характерных черт национального самосознания в сопоставлении с языком другого народа.

Литература

1. Гикал, Л. П. Квазиинтернациональная лексика как результат межъязыковой асимметрии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. П. Гикал. – Краснодар, 2005. – 27 с.
2. Лехин, И. В. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. – М. : ЮНВЕС, 1996. – 832 с.

3. Мюллер, В. К. Новый англо-русский словарь / под ред. В. К. Мюллер.– М. : Рус. яз., 2000. – 880 с.

4. Блаттнер, К. Немецко-русский словарь. Современная редакция / под ред. к. ф. н. В. Л. Петровского и Моника Краузе. – М. : ЮНВЕС, 2004. – 720 с.

5. Ганшина, К. А. Французско-русский словарь : 51 000 слов / под ред. К. А. Ганшиной. – 11-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1990. – 960 с.

6. Шанский, Н. М. Иностранные языки на уроках русского языка (статья 1) / Н. М. Шанский // Русский язык в школе. – 1997. – № 1. – С. 3–11.

МГПУ им. И.П.Шамякина

П. В. Плыткевич

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

Цель данной методической разработки – сформировать у студентов методическую последовательность анализа и интерпретации текста новеллы и краткой истории, привести образец работы над текстом, на который они смогут ориентироваться на практических занятиях по литературной интерпретации текста. В качестве практического материала для анализа послужили: текст новеллы Х. Мюллера «Железный крест» и текст краткой истории М. Болингера «Уязвимое детство».

Text 1. Das Eiserne Kreuz

Einführung: Zur Epik gehören Texte unterschiedlicher Art wie z. B. Romane, Novellen, Märchen, Sagen, Kurzgeschichten, Kalendergeschichten. Sie alle haben eines gemeinsam: Es wird erzählt. Aus Geschehen, Raum, Zeit und Figuren baut ein Erzähler eine fiktionale Welt. Fiktionalität meint dabei nicht, dass die Geschichte erfunden wurde, sondern dass so erzählt wird, dass der Leser oder der Zuhörer nicht nach einem Bezug außerhalb des Erzählten fragt. In den epischen Kurzformen (z. B. Kurzgeschichten) wird in der Regel eine besondere Situation erzählt, während in Romanen meist eine Entwicklung (z. B. eines Menschen) oder das Fehlen einer Entwicklung dargestellt wird [1, 7].

Aus der Fülle epischer Formen wird hier nur eine herausgegriffen und charakterisiert – die Novelle. Die Novelle ist die Darstellung einer unerhörten Begebenheit, die früher der Unterhaltung eines adligen Hörerkreises diente: Was gibt es Neues? Im 19. Jahrhundert erhielt die Novelle ihre strenge Form. Sie soll die menschliche Natur und ihre inneren Verborgenen auf einen Augenblick eröffnen. Der Handlungsablauf ist wie im klassischen Drama kunstvoll auf einen Höhepunkt, Krisenpunkt (Peripetie) hin komponiert. Der Drehpunkt der Handlung wird häufig durch ein Dingsymbol vergegenständlicht, das die einzelnen Erzählabschnitte verbindet. Gedrängte Darstellung und objektiver Berichtstil ohne Einmischung des Erzählers sind Merkmale der Novelle. Die unerhörte

Begebenheit hat symbolischen Charakter. Im 20. Jahrhundert lockert sich die strenge Form, die Handlung wird fragmentarisch und erhält ihren Impuls aus seelischen Konflikten [1, 25]. Beispiel: «Das Eiserne Kreuz»

Arbeitsschritte an der Textinterpretation:

Schritt 1. Der Text von Heinrich Müller heißt «Das Eiserne Kreuz».

Das ist eine Novelle. Als Beweise kann man folgende Merkmale anführen:

- Darstellung eines Einzelereignisses: *Der Papierhändler tötet seine Frau.*
- Geradliniger Handlungsaufbau mit Höhepunkt und Wendepunkt: *Der Papierhändler erfährt durch Kunden über Hitlers Selbstmord, beschließt seinem Beispiel zu folgen und seine Frau, seine Tochter und sich selbst zu töten.* Höhepunkt: *Er setzt seinen Plan ins Leben.* Wendepunkt: *Er verwirklicht seine Absicht, aber bringt sein Vorhaben nicht zu Ende. Er ist zu feige, sich zu töten, und läuft weg.*
- Eindeutige Charakterschilderung. Der Papierhändler: egoistisch (*er hält Hitler die Treue, aber seine Frau und seine Tochter sollen sich dafür aufopfern. Das ist nur seine Entscheidung. Es ist ihm ganz gleich, welcher Meinung davon die anderen sind*); hartherzig (*er tötet seine Frau und seine Tochter mit eigenen Händen*); wetterwendig und feige (*es mangelt ihm an Tapferkeit und Willen, auch sich selbst zu erschießen*). Die Frau des Papierhändlers: gehorsam, aber nicht völlig (*sie will nicht sterben, bittet um Gnade, aber umsonst*). Die Tochter: sehr gehorsam (*sie gehorcht ihrem Vater blind, aufs Wort*), schüchtern (*sieht nur starr auf den Vater*).
- Einbau eines Symbols (das Eiserne Kreuz ist die Verkörperung der Macht von Hitler, die Verkörperung aller unter seiner Leitung verübten Untaten, die Verkörperung der menschlichen Leiden).

Schritt 2. Diesen Text kann man in 3 Teile gliedern und auf folgende Weise betiteln:

- «Hitler Treue halten»: *Der Papierhändler erfährt durch die Kunden von Hitlers Selbstmord. Er will dem Führer Treue halten und beschließt, sich und seine Frau mit der Tochter zu erschießen. Diesen Tod hält er für ehrenvoll.*
- «Durch die dunklen Straßen zum Tod»: *Der Papierhändler führt seine Frau und die Tochter durch die dunklen Straßen zum Wald, weil er Aufsehen vermeiden will. Dort erschießt er die beiden.*

– «Schändliche Flucht»: *Er bleibt allein. Niemand kann ihm befehlen, den Revolver an die eigene Schläfe zu setzen. Er überdacht seine Lage und findet, dass sie nicht ohne Hoffnung ist. Danach beschließt er irgendwo zu untertauchen.*

Schritt 3. Die Hauptidee dieses Textes besteht in der klaren Darstellung der Besessenheit dieses Mannes auf Hitlers Ideen und der Darstellung seiner Charakterschwächen (Feigheit und Kleinmut). Für diesen Mann war die Idee wertvoller als das Leben seiner Frau und seiner Tochter. Die Idee überwog, sie verdunkelte seinen Verstand. Aber alles war nur zum Schau. Als er an der Reihe war, ging ihm ein Licht auf: seine Lage war nicht ohne Hoffnung (*Da war niemand, der ihm befahl, die Mündung des Revolvers an die eigene Schläfe zu setzen. Die Toten sahen ihn nicht, niemand sah ihn. Das Stück war aus, der Vorhang gefallen. Er konnte gehen und sich abschminken*). Er erwies sich als Feigling, als Verräter seiner Familie. Er wollte diesen «ehrvollen Selbstmord» nicht begehen. Und die Idee brauchte er nicht mehr. Das Eiserne Kreuz hat er einfach weggeworfen, das Leben seiner Frau und der Tochter damit auch.

Schritt 4. Die Pragmatik des Textes ist sehr interessant. Der Text verfügt über folgende lexikalische Ausdrucksmittel:

- Bewertende Epiteta: *ehrvoller Tod, ehrloses Leben* (der Autor gebraucht sie als Kennzeichen der Weltanschauung dieses Mannes: *ehrvoller Tod für die Idee, ehrloses Leben ohne Idee*);
- Konkretisierende Epiteta: *verdunkelte Straßen, baumlose Ebene, stärker aufkommender Wind, regennasser Boden, kalter Revolver, dünner Stoff* (der Autor gebraucht sie, um die Atmosphäre deutlicher und zugänglicher wiederzugeben. Diese Epiteta bergen in sich etwas Negatives: Dunkelheit, Leere, Unruhe, Trauer. Sie weisen darauf hin, dass etwas Schlechtes geschehen soll. Sie sagen eine Tragödie voraus. Kalter Revolver ist Ausdruck der drohenden Gefahr, des drohenden Unheils. Dünner Stoff ist Ausdruck der Nähe zu diesem Unheil. Man braucht nur eine Bruchsekunde, um die Grenze zu überschreiten);
- Metapher: *die Waffe schlug an sein Bein*. Dieses Mittel dient zur Wiedergabe der Spannung des Mannes, der alle Einzelheiten bemerkt, alle Geräusche belauscht. Seinem Blick entgeht nichts. Die Waffe schlägt an sein Bein wie eine Uhr: je schneller er geht, desto schneller verläuft die

Zeit, desto näher kommt er seiner Frau und seiner Tochter nach, desto eher muss er seine Absicht verwirklichen;

– Litotes: *nicht ohne Hoffnung*. Dieses Mittel verleiht dem Text Ausdruckskraft, bringt Ironie zum Ausdruck;

– Metonymie: *ihre Schritte machten kein Geräusch*;

– Kontextuelle Synonyme: *die Waffe / der Revolver, der Selbstmord / der Freitod, der Papierhändler / der Reserveoffizier*.

Als lexikalisch-grammatische Mittel sind hier folgende zu erwähnen: Alliteration: *sie, seine Frau, waren weit, sehr sie*. Mit Betonung dieser Wörter beabsichtigt der Autor, die Sprache emotioneller zu machen; grammatischer Parallelismus: *durch die Briefkastenöffnung*. Als syntaktische Mittel kann man in diesem Text Beispiele der Absonderung treffen: *Im 1. Krieg Reserveoffizier, besaß er; ob sie, seine Frau, ...; sie fiel ihm um den Hals, schluchzend; er überdachte seine Lage, schwer atmend*. Mit Hilfe dieses Mittels lenkt der Autor seine Aufmerksamkeit auf einzelne Momente, die seiner Meinung nach wichtig sind, die diese Situation präzisieren. Der Autor gebraucht sowohl lange (Satzreihe und Satzgefüge), als auch kurze Sätze, was auch einen bestimmten Kontrast schafft.

Schritt 5. Mit diesem Text wendet sich der Autor an alle Zielgruppen. Der Text hat einen historischen Hintergrund, widerspiegelt die Ereignisse, die im realen Leben passieren konnten. Diese Novelle ist ein Blick in diejenige furchtbare Zeit.

Schritt 6. Was persönliche Eindrücke von diesem Text angeht, so kann man folgendes sagen: Der Text regt zum Nachdenken an. Es ist überhaupt nicht verständlich, wie dieser Mann nach seiner furchtbaren Tat an eigene Zukunft denken konnte, während er seiner Frau und seiner Tochter diese Zukunft entzogen hat. Aus dieser Novelle kann man nur die einzige Konsequenz ziehen: Das menschliche Leben ist das höchste Gut, niemand darf es jemandem aus irgendwelchen Gründen nehmen. Keine Ideen sind es wert.

Text 2. Verwundbare Kindheit

Der Text von Max Bollinger «Verwundbare Kindheit» ist eine Kurzgeschichte. Als Beweise dafür kann man folgende anführen:

- knappe, spannende Darstellung eines Einzelschicksals, nämlich des Kindes namens Martin;
- Verkürzung auf das unbedingt Nötige;
- Höhepunkt am Schluss (das Kind erlebt einen Angstausschlag).
- offener Schluss (wir wissen nicht, wie sich die Situation weiter entwickelte und ob er völlig gesund wurde und keine ähnlichen Probleme mehr hatte);
- Herausforderung des Menschen im Alltag. Der Autor führt uns den Alltag eines kleinen Kindes deutlich vor Augen. Er zeigt uns das Kind, das in der Welt der Erwachsenen lebt, das sich hier einsam und verloren fühlt, das von der grenzlosen Angst befallen ist und ihr eigentlich zum Opfer fällt;
- Probleme des modernen Lebens: Erziehung der Kinder. Der Autor lenkt die Aufmerksamkeit des Lesers nur auf einen einzelnen Fall: gänzliche Verlassenheit des Kindes und deren Folgen.

Diesen Text kann man in 3 Teile gliedern und auf folgende Weise betiteln:

Teil 1. «Die ersten Eindrücke» (sie sind in jedem Fall stark und können das ganze Leben prägen). Es handelt sich um die ersten Eindrücke des Kindes, die in keinem Fall kindergemäß sind (Betrunkenheit des Vaters, Gebete und Schluchzer der Mutter). Alles wird dabei in grauen und schwarzen Farben empfunden.

Teil 2. «Marterbild». Im Haus seiner Großtanten bleibt das Kind trotzdem mit dem Bild Christi in der Dornenkrönung unter vier Augen. Das Kind ist gebannt von diesem Bild, wird von ständiger Angst verfolgt, leidet unter Schlaflosigkeit.

Teil 3. «Angstausschlag und Befreiung». Eines Abends versagen dem Kind die Nerven, wegen dieses Bildes. Er schreit vor Erregung, schlägt seine Stirn an der scharfen Kante des Bettes an. Nur als das Bild verschwindet, steht dem Kind der Weg zur Kindlichkeit offen und es findet tiefen Schlaf.

Die Hauptidee des Textes steht in einem engen Zusammenhang mit seinem Titel – verwundbare Kindheit. Ja, so ist sie. Und die Erwachsenen dürfen das nicht auf die leichte Schulter nehmen. Die Kinder sind verwundbar, naiv, leichtgläubig, leicht zu beeindrucken, emotionell. Die Kinder nehmen alles wie ein Schwamm auf, aber gleichzeitig müssen sie diesen Eindrücken und Gefühlen freien Lauf lassen, in keinem Fall

in sich bergen. Dafür sind die Erwachsenen verantwortlich. Sie sollen die Kinder ansprechen, wissen, wie es ihnen ums Herz ist, sie mit interessanten Dingen beschäftigen. Alles findet den Einklang in der Seele des Kindes und nichts vergeht spurlos.

Der Text ist reich an stilistischen Mitteln. Der Autor gebraucht sie, um das Problem klarer und zugänglicher zu zeigen, um den nötigen Eindruck auf den Lesen zu machen und ihn auf den Gedanken zu bringen, für sich selbst irgendwelche Konsequenzen aus dieser Geschichte zu ziehen.

Die Hauptperson ist Martin. Um ihn zu charakterisieren und seinen inneren Zustand zu zeigen, gebraucht der Autor:

– Metaphern: *es baut sein Leben; Furcht, die sich in Träumen enthüllt; das Glück wächst in seiner Seele; die Angst bleibt und fühlt sich preisgegeben, wachsender Schrecken, Angst und Not steigt in ihm auf, sammelt sich und strömt in diese Dornenkrönung ein; Furcht klammert sich an diese Vorstellungen und steigert sich darin ins Unfassliche; der Blick gleitet; der Tag erwacht; der Tag nimmt ihn auf; die Angst wächst; die Seele verschließt das Unfassbare; seine Erregung bricht aus ihm und überfällt sein ganzes Dastehen.*

– Vergleiche: *wie eine Welle dem Wind, wie das Wasser, wie ein verwundetes Tier, wie ein Tier.*

– Epitheta: *einsam, verloren, fremde Welt, scheu, allein, weit offene Augen, frühe Angst, eigene verirrte Furcht, still, unbeschattete Tage, geschlossene Augen, mageres Gesichtchen, leiser Atem, gesenkte, bläuliche Lider, die große Angst, die großen Schmerzen, stumm, krank, blutüberströmtes Gesicht, still, bewusstlos, der große Ausbruch der Angst, die gequälten Züge, sanfte Kindlichkeit, tiefer, befreiender Schlaf, große Angst.*

Der Autor zeigt auf solche Weise widersprüchliche Gefühle des Kindes: einerseits, grenzlose Angst, andererseits, Glück. Aber Angst überwiegt und verwundet seine Seele, macht sie krank. Stumme Schmerzen zerreißen das ganze Innere und das Kind wird selbst zu einem Marter. Als Gründe, die solch einen Zustand des Kindes auslösen, treten die Atmosphäre, in der das Kind lebt, und die Menschen, genauer gesagt, ihr Verhalten auf. Die Familie des Kindes: *der Vater (oft betrunken), der Bruder (warmer Körper, klein, leiser Atem-schutzloses Geschöpf),*

Mutter (leidenschaftliche Gebete, verhaltene Schluchzer), drei alte Großtanten (scheinbar ruhig und geordnet). Das zeugt davon, dass die Familie des Kindes keine Musterfamilie ist, sondern solche, die dem Kind die Kindheit wegnimmt und falsche Vorstellungen über alles gibt. Die Umgebung des Kindes wird durch folgende Epitheta wiedergegeben:

– Zu Hause: 1. *enge Stube, rinnender Regen, enge Gasse, verwildete Hunde, graue Menschen, scharfe Kante des Bettes, leere Stelle* (sie erzeugen den Eindruck der Ausweglosigkeit und Verlassenheit). 2. *Buntes Silberpapier, das olivengrüne Blumenmuster der Tapete* (Glück). 3. *Großes Zimmer, das offene Zimmer* (Freiheit, aber man ist allein).

– Bild: *dunkle Augen; unaussprechlicher Schmerz; große Tropfen von Blut; weiße, ungeformte Stirn; das erkennbare dunkle Oval* (Leiden von Christi schlagen das Kind völlig nieder, verdoppeln seine Ängste, gehen ihm ans Herz und machen es zum Sklaven dieser Fürchte und der Schlaflosigkeit).

Der Autor gebraucht auch kontextuelle Synonyme: *Kind, Martin, der Knabe*. Zu erwähnen sind auch lexikalisch-grammatische Mittel:

– Alliteration: *seine Seele, den drei, sich selbst* (mit Betonung dieser Wörter beabsichtigt der Autor, die Sprache emotionell zu machen, z. B.: *im Wasser Steine schattig schimmern* – das erzeugt den Eindruck des Rauschens des Flusses).

– Grammatischer Parallelismus: *Martin liegt mit weit offenen Augen, schaut auf, wartet mit Schrecken auf ...*

– Anadiplose: *dem anderen Gesicht, dem Gesicht der Angst; der Tag, der Tag der drei Frauen* (dieses Mittel macht die Sprache expressiver, betont die Stellen, die wichtig sind).

Im Text sind auch folgende syntaktische Mittel zu finden:

– kurze Sätze (Ellipse): *Verwildete Hunde und graue Menschen*. Satzreihen und Satzgefüge gibt es auch. Das schafft Kontrast.

– Absonderungen: *...fühlt er sich herausgerissen aus seinem Dasein, einsam und verloren in einer fremden Welt*.

– Ausklammerung: *Manchmal möchte er schreien vor Angst*.

Mit diesem Text wendet sich der Autor an alle, besonders an heutige Generation, die im Zeitalter der Globalisierung lebt. Die Globalisierung resultiert in folgendem Bild: das ist die Waageschale (einerseits, die Arbeit oder die Arbeitslosigkeit und dazu kommende Probleme wie Trunksucht, andererseits, Kinder). Man muss etwas wählen oder das sehr gut

kombinieren können. Wenn die Wahl nicht zugunsten der Kinder getroffen wird, dann leiden sie darunter, zuerst kaum bemerkbar, aber Folgen lassen auf sich nicht lange warten.

Подводя итог, следует подчеркнуть важные для литературного анализа особенности рассказа и новеллы. Рассказ – малая эпическая форма художественной литературы, небольшое по объему изображенных явлений жизни, а отсюда и по объему текста, прозаическое произведение. Рассказ создается на основе творческого воображения. Сюжет основан на конфликте. Для рассказа в высшей степени характерен «режим экономии», в нем не может быть длинных описаний. Такая деталь приобретает повышенную выразительность и, как правило, обращается к творческой фантазии читателя, предполагает сотворчество, домысливание. В композиции рассказа, как и любой малой формы, очень важна концовка, которая носит либо характер сюжетной развязки, либо эмоционального финала. Примечательны и те концовки, которые не разрешают конфликта, а лишь демонстрируют его неразрешимость (так называемые «открытые» финалы).

Новелла – литературный жанр, сопоставимый с рассказом по объему, а по структуре противопоставляемый ему. Небольшое, очень насыщенное событиями, экономно о них рассказывающее повествование с четкой фабулой. Ей чужда интенсивность в изображении действительности и описательность, она скупо изображает душу героя. Новелла – это остросюжетное повествование, действие в нем развивается быстро, динамично, стремится к развязке, которая заключает в себе весь смысл рассказанного. Прежде всего с ее помощью автор дает осмысление жизненной ситуации, выносит «приговор» изображенным характерам. В новеллах сюжет сжат, действие концентрировано, огромную роль играют символы. В новелле должен быть неожиданный поворот, от которого действие сразу приходит к развязке.

Литература

1. Zimmermann, M. Einführung in die literarischen Gattungen / M. Zimmermann. – Berlin : Transparent Verlag, 2001. – 92 s.

2. Зарецкая, Е. В. Шаг за шагом к анализу текста / Е. В. Зарецкая. – Минск : МГЛУ, 2005. – 183 с.

МГПУ им. И.П.Шамякина

И. Н. Гуцко

ИННОВАЦИОННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Постиндустриальная цивилизация, процессы глобализации, происходящие в современном мире, бросают новые культурно-исторические вызовы человеческому обществу. Дать достойный ответ этим вызовам, сохранить и приумножить гуманистические традиции развития личности призваны многие отрасли научного знания, в первую очередь педагогика.

Педагогический ответ социокультурным вызовам современности – инновации в области образования и воспитания. При этом следует учитывать, что любая инновация должна быть основана как на традиции, на ментально-культурных ценностях народа и государства, так и на идеологии государства. Как отмечает С. Р. Фейгинов, «вне продуктивной, социально значимой педагогической идеи, без её оформления как модели будущего, без её диалектической взаимосвязи с идеологией государства на современном этапе развития общества не может быть действенной инноватики образования и воспитания» [1, 47]. Любая новация связана с изменением предыдущих параметров, но не любое изменение является новшеством, тем более инновацией. Проблемы реализации модели инновационной педагогики связаны, с одной стороны, с её неспособностью противостоять негативизму молодежных субкультур, с другой стороны – с её некоторой бестелесностью, недостаточно разработанным научным аппаратом, стремлением заменить реальные результаты формализованными отчетами.

В этой связи представляется очень важным определение системы критериев подлинно инновационных педагогических методик. Современными учеными в качестве таковых выделяются: диалектичность и системность, гуманистичность, преемственность традиций предыдущего опыта, эволюционный характер преобразований, нравственное целеполагание, личностно-субъектный характер и направленность деятельности, научность и достаточность программно-

технологического обеспечения, креативность по форме и инструментровке, социально-педагогическая адаптированность к задачам общества [2]–[5].

Основным критерием инновации выступает новизна, имеющая равное отношение к оценке как научных педагогических открытий, так и передового педагогического опыта. Поэтому для преподавателя, желающего включиться в инновационный процесс, очень важно определить, в чем состоит сущность предлагаемого нового, каков уровень новизны. Для одного это может быть действительно новое, для другого оно таковым не является. Следовательно, необходимо подходить к включению педагогов в инновационную деятельность с учетом добровольности, особенностей личностных, индивидуально-психологических характеристик. В современной педагогической науке выделяют несколько уровней новизны [6, 43]: абсолютная, локально-абсолютная, условная, субъективная. Все они отличаются уровнем известности и областью применения.

Знание критериев и умение их использовать при оценке педагогических инноваций создают основу для проявления преподавателем высшей школы многообразных возможностей в педагогическом творчестве, в освоении профессионально-педагогической культуры от простой репродукции, т. е. введения в собственную педагогическую деятельность уже известных научному сообществу знаний, технологий, концепций, до их эвристической, креативной разработки и внедрения. Кроме того, эффективное обеспечение реального внедрения инновационных методик в педагогический процесс представляется целесообразным на основе проведения профессиональной диагностики или мониторинга.

Центральная идея концепции диагностического изучения состоит в том, что в опыте каждого преподавателя и педагогического коллектива во взаимодействии присутствуют элементы как положительного, опережающего, так и отрицательного опыта и что конкретность, эффективность в работе по формированию профессионально-педагогической культуры требует четкого и конкретного выявления положительных и отрицательных характеристик деятельности.

По мнению Я. С. Турбовского, диагностическая методика изучения инновационных процессов предусматривает [2, 25]:

- систематическое изучение профессионально-педагогических интересов, потребностей, ценностных ориентаций преподавателей, формирующихся на основе преодоления реальных трудностей педагогической деятельности;

- поиск путей, концепций, технологий передового педагогического опыта, направленных на удовлетворение интересов и потребностей педагогов;

- выбор соответствующих особенностям личности преподавателя видов освоения и внедрения педагогических инноваций (показ, описание, открытые занятия, изучение литературы, подготовка докладов, участие в экспериментальной работе, НИРС и др.).

Диагностический подход позволяет по-новому строить работу по повышению квалификации преподавательского состава, влиять на устойчивость результатов работы. Однако важно помнить и другое: успешное использование диагностической методики зависит от направленности на инновационную деятельность, на развитие педагогического творчества и инициативы.

Современная педагогическая теория и практика предлагают ряд инновационных методик осуществления образовательно-воспитательного процесса. Безусловно, они нуждаются в определенной корректировке и совершенствовании, но в то же время их внедрение в учебную практику уже дает конкретные положительные результаты.

Широкую известность в педагогической практике получила педагогическая технология, построенная по принципу модульного содержания и процесса обучения. Смыслом модульной технологии обучения является такое изменение организационных основ педагогического процесса, которое обеспечивает условия для индивидуализации и дифференциации обучения. Одним из авторов данной технологии является А. В. Глузман, который определяет модуль как относительно самостоятельную часть учебного процесса, интегрирующую несколько близких по смыслу и фундаментальных по значению понятий, законов, принципов [3, 135]. Освоение модуля начинается обзорно – установочной лекцией или вводным семинарским

занятием. За ними следуют индивидуальная самостоятельная работа, несколько тьюторских занятий, которые в своей совокупности и составляют содержание модуля.

Под тьюторскими занятиями педагоги понимают объединение трех-четырех видов учебной работы: дискуссии по содержанию изученных первоисточников, анализа педагогических ситуаций, решения проблемных педагогических задач, ролевой и деловой игры [4, 57].

Применение модульной технологии в высшей школе, на наш взгляд, предоставляет студентам возможность изучать курс по индивидуальному плану, досрочно сдавать зачеты по пройденному материалу, который входит в состав того или иного модуля. Зачет по материалу конкретного модуля может считаться принятым, если студент во время собеседования продемонстрировал понимание основных идей модуля и аргументированное изложение их в письменной или устной форме. Для студентов, которые успешно усвоили учебный материал и вовремя сдали зачеты по всем модулям до окончания семестра, экзамен по данному предмету может быть отменен. Таким образом, достоинством модульной технологии обучения являются стимулирование самостоятельной работы студентов, предоставление им возможности определять индивидуальный темп усвоения учебного материала, свободы выбора форм изучения информации.

Разновидностью модульного обучения является методика формирования познавательной активности студентов в структуре блочной технологии обучения, разработанной российскими учеными Т. А. Алексеенко и В. В. Сушанко [5].

Эта методика объединяет цели, планирование, содержание, формы и методы обучения, механизм его постоянного стимулирования и обновления. Она сопровождается выстроенной системой комплексного разноуровневого рейтингового контроля, который выводит качество поэтапной подготовки специалистов на заранее обозначенный уровень, гарантирующий эффективность итоговой готовности студентов к профессиональной деятельности.

В педагогике высшей школы на постсоветском пространстве активно реализуется технология развивающейся кооперации, автором

которой является Т. Ф. Акбашев [4]. Идея развивающейся кооперации выступает в качестве основы проектирования педагогических ситуаций. Как известно, способность к сотрудничеству, процессуальному взаимодействию развивается у человека тогда, когда он сталкивается с необходимостью выполнения задач, не поддающихся индивидуальному решению. Исходный пункт в технологии развивающейся кооперации связан с конструированием каждым участником совместной деятельности. Потребность в преобразовании форм кооперативной деятельности возникает благодаря необходимости в обобщении и обмене частных знаний, умений для получения результатов учебной работы. Достоинством данной технологии является то, что студент выступает субъектом учебной деятельности, поскольку именно он осуществляет постановку проблем, целеполагание, планирование, выполнение практических заданий и рефлексивно-оценочные действия. Следует также отметить важную роль мотивации участников учебного процесса при осуществлении данной технологии обучения. Именно поэтому преподавателю, с точки зрения А. В. Глузмана, целесообразно последовательно повторять три технологических такта [3, 136]:

- первичная актуализация внутренних целей участников учебного процесса путем введения в проблему;
- поддержание требуемого уровня активности обучаемых;
- общее обсуждение, в процессе которого преподаватель нацеливает студентов на доказательство истинности решений.

Таким образом, преимущество технологии развивающейся кооперации заключается в том, что студенты получают опыт совместных действий при организации и планировании познавательной деятельности, формулировании и решении учебных проблем, моделировании средств приобретения и переработки информации. Постоянный обмен мнениями приводит к изменению и стиля работы преподавателя – он становится более демократичным, ориентированным на сотрудничество со студентами.

В последние годы продолжается научная разработка и внедрение новых технологий обучения. Ориентиром для исследования является понимание педагогической технологии как комплексного

интегрированного процесса, включающего людей, идеи, средства и способы организации деятельности [1, 54]. Такое многоаспектное понимание современной педагогической технологии и определяет направления теоретических и практических поисков педагогов.

По мнению ученых, существо поиска сводится к модернизации дидактической системы университетского педагогического образования на основе изучения образующих ее элементов и ее опытной проверки [1, 61]. Обобщая результаты проводимых исследований в области педагогических технологий, следует отметить, что их перспективы связаны с разработкой трех моделей педагогических технологий: **семантической, структурной и параметрической**. При этом под моделью педагогической технологии понимаются целенаправленно разработанные, в основных чертах воспроизводимые компоненты процесса обучения студентов, которые ведут к повышению эффективности функционирования целостной педагогической системы [6, 75].

Моделирование предполагает определение цели обучения (почему и для чего?), отбор и построение содержания образования (что?), организацию учебного процесса (как?), методов и средств (при помощи чего?), взаимодействие студентов и преподавателей (кто?).

При создании семантической модели технологии обучения, как правило, ограничивается предмет исследования рамками педагогической деятельности: каково содержание обучения, формы организации учебного процесса, результаты и их система оценивания [7, 48]. Однако, в определенных условиях оснащенности педагогического процесса, в зависимости от уровня мастерства преподавателей, готовности студентов к восприятию и переработке учебной информации, меняется суть основных технологических актов. В связи с этим при семантическом моделировании исследуются изменения и допустимые возможности тиражирования авторских технологий в конкретных условиях педагогического процесса.

Важно отметить, что конкретизация семантической модели зависит от того, с какой целью она разрабатывается. На этой основе

учеными выделяются несколько направлений детализации общей семантической модели педагогических технологий, а именно:

- модель может служить для формирования принципиально новой технологии обучения, предполагающей становление новаторского, научно-педагогического мышления;

- модель может выступать средством определения норм, принципов инновационной деятельности в педагогике;

- модель может быть использована в методической работе по обслуживанию инноваторов – специалистов по проектированию, программированию и организации инновационных технологий обучения;

- модель может служить средством обучения новаторской педагогической деятельности.

Создание структурной модели инновационных технологий обучения включает выявление важнейших характеристик, вся совокупность которых позволяет оценить место и роль конкретной технологии среди других возможных, сравнить преимущества и недостатки ее вариантов.

Методами выявления структуры инновационной технологии обучения выступают:

- описание отдельного педагогического нововведения, взятого в качестве уникального явления;

- сравнительный анализ полученных данных;

- статистическое обобщение.

На основе такого поэтапного анализа А. В. Глузман выделяет структуру модели инновационной технологии как следующей последовательности этапов:

1. Осознание проблемы, выявление противоречия на основе фиксации расхождения сущего и должного.

2. Процесс принятия решений (определение целей, создание теоретической модели, поиск альтернатив и выбор решений, построение нормативной модели).

3. Создание и первое освоение проекта (эксперимент, доработка нормативной модели до проекта, проверка проекта на уровне педагогической технологии, подготовка проекта к использованию).

4. Освоение (разработка форм исследования проекта, основных методов тиражирования проекта).

5. Использование (распределение инновации среди пользователей, длительное использование, модификация новшеств) [3, 134].

Следует отметить, что создание параметрической модели – наиболее ответственный этап моделирования, от качества которого зависит преодоление экстенсивного характера протекания большинства инновационных процессов в педагогике. В настоящее время предстоит лишь очертить предметные области разработки данного типа моделей. Совершенно очевидно, что исходный пункт инновационного процесса – осознание педагогической проблемы. И вот здесь необходимо разработать и применять параметры, которые позволили бы судить о степени адекватности сформулированной проблемы реальной проблемной ситуации. По мнению М. П. Федорова, такими параметрами могут быть:

- степень информационной обеспеченности педагогической системы о внешнем окружении и внутреннем состоянии;
- степень прогнозирования системы;
- степень неопределенности и диагноза начального и конечного состояния системы [8, 20].

На этапе процесса принятия решения основным учитываемым параметром инновации представляется ее интенсивность и реализуемость. Безусловно, данные параметры должны быть определены на основе экспертных оценок, позволяющих апеллировать к интуиции, здравому смыслу и опыту людей, компетентных в данном вопросе.

Этап проектирования инновационной технологии предполагает учет напряжения в педагогической системе [7, 32]. Поиск параметров, возникающих в педагогической среде ситуативных реакций на инновацию, – первостепенная задача научной и практической деятельности в области создания инновационных технологий обучения.

Формируемая в стране национальная инновационная система образования – это залог успешного преобразования общества в целях придания ему свойств динамично развивающейся системы, способной быстро и эффективно воспринимать и реализовывать инновации

на основе научно-технических достижений, полученных учеными всего мирового сообщества. Построение этой системы закономерно осуществлять на базе тех структур, которые имеют возможность, с одной стороны, готовить специалистов в области работы с инновациями, а, с другой стороны, обладают знанием о путях и тенденциях развития науки. Это – отечественная высшая школа, потенциал которой позволяет системе высших учебных заведений не только обеспечивать собственное развитие, но и выступать в роли инновационного моста, соединяющего образование, науку и производство в отраслях и регионах страны, обеспечивая тем самым развитие государства в целом.

Литература

1. Фейгинов, С. Р. Педагогическая инноватика как направление методологических исследований / С. Р. Фейгинов // Педагогическая теория: идеи и проблемы. – М. : Педагогика, 1992. – 142 с.
2. Турбовский, Я. С. О структуре современного высшего образования / Я. С. Турбовский // высшее образование в России. – 2004, № 4. – С. 18–37.
3. Глузман, А. В. Инновационные технологии обучения в системе университетского педагогического образования / А. В. Глузман // Развитие образования в странах СНГ : материалы науч.-метод. конф., Москва, 29–30 сент. 2005 г. / Москов. пед. ун-т ; редкол.: Н. С. Волкова [и др.]. – М., 2005. – С. 134–137.
4. Акбашев, Т. Ф. Традиции и инновации в педагогическом образовании / Т. Ф. Акбашев // Развитие образования в странах СНГ : материалы науч.-метод. конф., Москва, 29–30 сент. 2005 г. / Москов. пед. ун-т ; редкол.: Н. С. Волкова [и др.]. – М., 2005. – С. 54–61.
5. Алексеенко, Т. А. Обучение студентов педагогике. Аспект технологий / Т. А. Алексеенко, В. В. Сушанко / традиции и инновации в системе образования : материалы науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 12–15 дек., 2003 г. / Санкт-Петербур. ун-т ; редкол.: М. Н. Костикова [и др.]. – СПб., 2003. – С. 36–41.
6. Слостенин, В. А. Педагогика: инновационная деятельность / В. А. Слостенин, Л. С. Подымова // Обучение студентов педагогике. – М. : Магистр, 1997. – 115 с.
7. Фадеева, И. М. Инновации и стандарты в образовании / И. М. Фадеева // Инновационное обучение: стратегия и практика : материалы первого науч.-практ. семинара психологов и организаторов школьного образования, Сочи, 3–10 окт., 2005 г. / под ред. В. Я. Ляудис. – Сочи, 2006. – 203 с.

8. Федоров, М. П. Высшая школа России – основа национальной инновационной системы / М. П. Федоров // Высшее образование в России. – 2006. – № 3. – С. 15–23.

МГПУ им. И.П.Шамякина

Е. В. Федорасова

МОДУЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ И ЕЁ РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Система образования Республики Беларусь работает сегодня в условиях перехода к новым государственным стандартам с целью повышения качества образования. В настоящее время во всем мире наблюдается тенденция к переходу от репродуктивной системы обучения к творческой, когда обучаемым дается возможность выбирать индивидуальный путь усвоения предметов. Примером такого подхода к обучению является модульная технология, позволяющая индивидуализировать учебный процесс с учетом степени подготовленности, интересов и способностей обучаемых. Модульное обучение дополняет традиционные формы обучения и может быть использовано как самостоятельно, так и в сочетании с ними [1, 14].

Основная цель модульного обучения – формирование навыков самообразования. Сущность модульного обучения состоит в том, чтобы обучающийся самостоятельно или с определенной долей помощи преподавателя достигал конкретных результатов учебно-познавательной деятельности. Общение с преподавателем осуществляется через модуль и личное индивидуальное общение. Преподаватель перестает быть носителем информации, он становится консультантом [2, 31].

В стандартный модуль входят: целевой план действий, банк информации, методическое руководство по достижению дидактических целей [3, 15]. Технология модульного обучения базируется на нескольких основных положениях: «сжатие» учебной информации, модульность, рейтинговая оценка знаний, умений и навыков. Особенности модуля: комбинирование материала в законченные блоки (модули и их элементы), имеющие самостоятельное значение, отсеивание материала, являющегося факультативным, максимальная индивидуализация продвижения в обучении. В составе каждого модуля обычно выделяют следующие элементы: учебные цели, список необходимого оборудования и учебных материалов, список смежных

учебных элементов, учебный материал в виде краткого конкретного текста, практические задания для отработки необходимых навыков, зачетная контрольная работа.

Модуль – это целевой функциональный узел, в котором объединено учебное содержание и технология овладения им в систему высокого уровня целостности. Модуль выступает средством модульного обучения. Именно модуль может выступать как программа обучения, индивидуализированная по содержанию, методам учения, уровню самостоятельности, темпу учебно-познавательной деятельности студента. В сущностных характеристиках модульного обучения заложено его отличие от других систем обучения.

Во-первых, содержание обучения представляется в законченных самостоятельных комплексах (информационных блоках), усвоение которых осуществляется в соответствии с целью. Дидактическая цель формируется для обучающегося и содержит в себе не только указание на объем изучаемого содержания, но и на уровень его усвоения. Кроме этого, каждый студент получает от педагога советы в письменной форме, как рациональнее действовать, где найти нужный учебный материал.

Во-вторых, меняется форма общения педагога и студента. Оно осуществляется через модули и личное индивидуальное общение. Именно модули позволяют перевести обучение на субъект-субъектную основу. Отношения становятся паритетными, равными между педагогом и студентом.

В-третьих, студент работает максимум времени самостоятельно, учится целеполаганию, самопланированию, самоорганизации, самоконтролю и самооценке.

В последнее время технологию модульного обучения успешно соединяют с рейтинговой системой оценки знаний, когда обучаемый набирает баллы на каждом этапе усвоения учебной программы. Такую систему называют модульно-рейтинговой технологией обучения [4, 4]. В её основу положены следующие принципы: переход от фронтального обучения к индивидуальной подготовке, перенос центра тяжести учебного процесса на самостоятельную работу, полное обеспечение каждого обучаемого модульными программами, превращение

преподавателя в консультанта, отход от традиционных форм контроля знаний, возрастание роли текущего, обобщающего и итогового контроля.

Внедрение рейтинговой системы контроля знаний позволяет обучаемым систематически усваивать учебный материал, регулярно оценивать состояние своей работы по изучению дисциплины, корректировать организацию своей самостоятельной работы, получать объективные показатели своих знаний по отдельным блокам учебной дисциплины и прогнозировать итоговую оценку по дисциплине [5, 9]. Функции преподавателя сводятся к следующему: рационально планировать учебный процесс, мотивировать обучаемых к систематической самостоятельной работе и своевременности выполнения контрольных заданий, контролировать усвоение материала каждым обучаемым и всей группой, точно и объективно определять итоговую оценку по дисциплине с учетом текущей успеваемости и экзамена [там же].

Для того, чтобы запустить функционирование модульно-рейтинговой системы в обучение иностранным языкам, необходимо создать современные УМК, разработать методические материалы по их применению, создать необходимую материально-техническую базу [6, 6]. Модули должны вмещать содержание обучения иностранному языку во всей его полноте. Поэтому при создании модуля тематика общения разбивается на отдельные фрагменты, и внутри каждого фрагмента охватываются все элементы, формирующие содержание процесса обучения иностранному языку. Последнее включает в себя: предметное содержание речи, языковые знания и навыки (лексические, грамматические, произносительные), речевые умения в чтении, письме, аудировании и говорении.

В разработке модульных программ должны участвовать целые авторские коллективы. Пока в методической литературе имеются лишь немногочисленные разработки по отдельным, в основном, грамматическим темам. Мы также сделали попытку разработать несколько грамматических модулей в рамках тем, наиболее трудно усваиваемых студентами нефилологических факультетов: 1) «*the Past Indefinite tense*», 2) «*the Present Perfect tense*»; 3) «*the Past indefinite tense and the Present Perfect tense*». Изучив эти модули, студенты

должны были усвоить, что в русском языке предложения в обоих временах звучат одинаково, за исключением нескольких нюансов. Модули были составлены таким образом, что, изучив модуль два, студенты выполняли входной контроль к следующему модулю. Модули 1 и 2 выполняли функции входного контроля к модулю 3, а модуль 3, в свою очередь, являлся выходным контролем для модулей 1 и 2.

МОДУЛЬ 3. Тема: The Past Indefinite tense and The Present Perfect tense.

УЭ – 0 Интегрирующая цель: повторение способов образования the Past Indefinite Tense и the Present Perfect tense, закрепление использования данных времен, проверка уровня усвоения темы (в индивидуальном, парном, групповом режимах) по листкам контроля.

УЭ – 1 Проверка изученного материала

Входной контроль. Цель: формирование навыков употребления времени the Past Indefinite tense.

Ответьте на вопросы:

1. Для выражения каких действий употребляется это время?
2. Какие существуют указатели этого времени?
3. Вспомните правило образования этого времени!
4. Когда употребляется the Past Indefinite tense?
5. Как образуется вопросительная и отрицательная форма?

Управление обучением: Задание выполняется устно всей группой, контроль фронтальный.

УЭ – 2 Проверка изученного материала

Цель: формирование навыков использования the Present Perfect tense в речевых образцах.

Ответьте на вопросы:

1. Для выражения каких действий употребляется это время?
2. Какие существуют указатели этого времени?
3. Вспомните правило образования этого времени?
4. Когда употребляется the Present Perfect tense?
5. Как образуются вопросительная и отрицательная формы?

Управление обучением: Задание выполняется устно всей группой, контроль фронтальный.

УЭ – 3 Повторение изученного материала

Цель: Формирование умений дифференцировать времена, указанные выше.

Вспомните, чем отличаются действия, выраженные the Past Indefinite tense и the Present Perfect tense.

Управление обучением: Задание выполняется устно.

Выполните упр. 1. Проверьте правильность выполнения упражнения по листку контроля. Поставьте оценку за выполнение задания, используя схему уровня знаний.

Управление обучением: Задание выполняется самостоятельно письменно.

УЭ – 4 Повторение изученного материала

Цель: Совершенствование речевых умений в использовании времен.

Выполните упр. 2. Проверьте правильность выполнения упражнения по листку контроля и поставьте оценку за выполнение, используя схему уровня знаний.

Управление обучением: Задание выполняется самостоятельно письменно.

УЭ – 5 Закрепление изученного материала

Цель: Совершенствование умений перевода с родного языка на иностранный.

Выполните упр. 3. Проверьте правильность выполнения упражнения по листку контроля. Поставьте оценку за выполнение, используя схему уровня знаний.

Управление обучением: Задание выполняется самостоятельно письменно.

УЭ – 6 Закрепление изученного материала

Цель: Совершенствование умений перевода с иностранного языка на родной.

Выполните упр. 4. Проверьте правильность выполнения упражнения по листку контроля. Поставьте оценку за выполнение, используя схему уровня знаний.

Управление обучением: Задание выполняется самостоятельно письменно.

УЭ – 7 Закрепление изученного материала

Резюме: Повторите правила употребления времен the Past Indefinite tense и the Present Perfect tense.

Управление обучением: Задание выполняется устно всей группой.

УЭ – 8 Подведение итогов

Оцените уровень усвоения темы. Проанализируйте свои ошибки, используя схему уровня знаний.

Упражнения к УЭ модуля

«The Past Indefinite tense and The Present Perfect tense»

1. Complete these sentences, putting the verbs given into the Present Perfect or the Past Simple. If two answers are possible, write the more likely one:

1) I ... the doctor about it, but she couldn't help (tell). 2) I'm sorry, the car is not here – I ... it (just sell). 3) She ... you a letter three weeks ago (send). 4) He gave me a cup of tea and ... me his stamp collection (show). 5) She ... very well, but I didn't like the band (sing). 6) They ... down and started eating (sit). 7) You ... to John's teacher about his homework yet (speak)? 8) I'm afraid I ... all my money (already spend). 9) Someone ... me about your new job (just tell). 10) How you ... the new film on TV (like)?

2. Use the Past Indefinite or the Present Perfect instead of the infinitives in brackets:

1) How long you (to know) him? – I (to know) him since 1965. 2) He (to live) in Leningrad and then (to go) to Siberia. 3) When he (to arrive)? – He (to arrive) at 2 o'clock. 4) I (to read) this book when I was at school. 5) I can't go with you as I (not to finish) my work. 6) The clock is slow. – It isn't slow, it (to stop). 7) The performance (to begin) at 7 o'clock and (to last) for 3 hours. 8) The lecture just (to begin). You are a little late. 9) We (to miss) the tram. Now we'll have to walk. 10) – You (to be) here before? – Yes, I (to spend) my holidays here last year.

3. Translate sentences from English into Russian:

1) Something has fallen on the floor. Look what it is. 2) We traveled a lot last year. 3) He has already done his work and may go for a walk. 4) When I called him yesterday, he was busy. 5) What are talking about?

Have you forgotten everything yet? 6) – When did your mother come back from Berlin? – She came back a week ago. 7) I haven't prepared anything for today. I have had little time. 8) She left a minute ago. 9) He has written her a couple of letters, but she hasn't answered any of them. 10) When I was a child, I lived in Barcelona.

4. Translate sentences from Russian into English:

1) Я никогда не слышал такой ужасной истории. 2) Я ходил в театр в прошлом году. 3) Моя сестра ездила в Минск на прошлой неделе. 4) Он еще не читал эту книгу. 5) Вы много путешествовали в прошлом году? 6) Я видел своего друга в прошлом году. 7) Она вышла минуту назад. 8) У нас сегодня было три урока. 9) Сколько раз ты был в Лондоне? 10) Он уже сделал домашнее задание.

Каждый модуль по грамматике имеет свою шкалу оценивания уровня знаний по всем упражнениям в баллах от 1 до 10. После выполнения упражнений студенты имеют возможность оценить свою работу по этой схеме самостоятельно (таблица).

Таблица – Шкала оценивания уровня знаний

Упражнение	Критерии оценок	
	Количество ошибок	Оценка
1–4	0	10
	1	9
	2	8
	3	7
	4	6
	5	5
	6	4

	7–8	3
	9–10	2

Главные задачи нашего исследования заключались в том, чтобы определить долю самостоятельной и групповой работы в процессе модульного обучения, соотношение аудиторного и внеаудиторного времени, израсходованного на усвоение учебного материала, темп усвоения материала в изучении модуля, степень эффективности модульного обучения по сравнению с традиционным.

В экспериментальных подгруппах обучение было организовано посредством модуля, в контрольных подгруппах – традиционным способом. Так, в экспериментальных подгруппах во время аудиторных занятий велась интенсивная учебная деятельность, которая чаще всего самоуправлялась с помощью модуля (лишь время от времени студенты обращались к преподавателю за консультацией), в контрольных подгруппах наблюдались частые простои в работе, особенно когда преподаватель занимался индивидуально с другими студентами. Наблюдение за ходом работы в экспериментальных и контрольных подгруппах показало, что эффективность обучения в экспериментальных подгруппах выше, чем в контрольных примерно в 1,5 раза. Еще большее различие выявилось по продуктивности обучения.

Результаты нашего исследования показали, что индивидуальный темп прохождения модулей, самостоятельность и ответственность в получении знаний были характерны для хорошо успевающих студентов. Скорость продвижения последних по материалу модуля в среднем оказалась на 20% выше, чем у остальных студентов.

Литература

1. Валетов, В. В. Проблемы организации управления модульной системой обучения / В. В. Валетов, В. К. Пакштас, В. Р. Мамчиц // Адукацыя і выхаванне. – 1999. – № 12. – С. 14–16.
2. Киселёва, А. В. Модульная технология обучения / А. В. Киселёва // Столичное образование. – Минск, 1999. – Вып. 1. – С. 30–40.
3. Васильева, Т. В. Модули самообучения / Т. В. Васильева // Вестник высшей школы. – 1988. – № 6. – С. 15–16.
4. Гладковский, В. И. Рейтинговая система аттестации студентов: метод. пособие / В. И. Гладковский; Брест. гос. пед. ун-т. – Брест, 2001. – 54 с.
5. Сенновский, И. Б. Управление переводом общеобразовательной школы на модульную систему организации учебно-воспитательного процесса: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / И. Б. Сенновский. – М., 1994. – 188 с.

МГПУ им. И.П.Шамякина